

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

5

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

ВЛКСМ

БАМ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

скатель

5

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ, Евгений ХРУНОВ — Путь к Марсу	3
Андрей ДМИТРУК — Аурентина	43
Чудо	55
Сергей СМИРНОВ — Большая охота	60
Вадим БУРЛАК — Речные заводи	73
Жорж СИМЕНОН — Мегрэ в мебелированных комнатах	102

№ 107

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1978 г.

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ — 60 ЛЕТ

Человек в 60 лет подводит итог прожитому. Организация молодых всегда остается молодой, устремленной в будущее. И те, кто прошел когда-либо комсомольскую школу, на всю жизнь сохраняют в себе оптимистическую устремленность, умение по-молодому мечтать и работать.

Не случайно именно молодежь особенно любит научно-фантастическую литературу, позволяющую и авторам и читателям как бы заглянуть в завтрашний день.

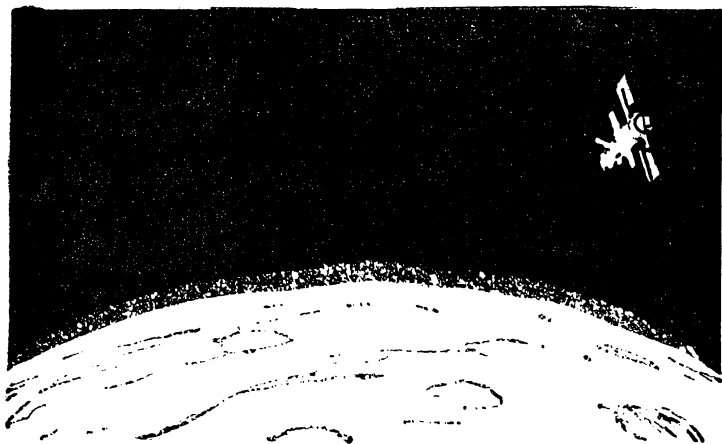
Подборка фантастических рассказов этого выпуска «Искателя» открывается фрагментом научно-фантастической хроники конца XX века «Путь к Марсу», написанным теми, кто, как говорится, знает космос не по книжкам. Летчик-космонавт Евгений Васильевич Хрунов еще десять лет назад одним из первых в истории космонавтики совершил пересадку в космосе. Взлетел с Земли на одном корабле, а вернулся на другом, перейдя в открытом космосе с корабля на корабль. Сейчас Е. В. Хрунов — кандидат технических наук, специалист по исследованию повышения надежности космических полетов. Соавтор и товарищ Хрунова по совместной работе доктор медицинских наук Левон Суменович Хачатурьянц более пятнадцати лет занимается изучением работоспособности космонавтов в полете.

«Путь к Марсу», как считают сами авторы, — попытка своеобразного прогнозирования ближайшего будущего космонавтики.

Публикуемые в этом выпуске другие рассказы принадлежат перу молодых фантастов. Андрей Дмитрук живет и работает в Киеве, ему 35 лет. Сергей Смирнов — москвич, ему 19 лет.

Недавно Е. В. Хрунов и Л. С. Хачатурьянц побывали в редакции и от имени героического отряда советских космонавтов передали авторам и всем читателям «Искателя» сердечные поздравления в связи со славным юбилеем — 60-летием ВЛКСМ.

Редакция от всей души присоединяется к этому поздравлению.

Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ,
Евгений ХРУНОВ

Путь к Марсу

Научно-фантастическая хроника конца XX века

*Посвящается школьникам Звездного
городка — сыновьям и дочерям на-
ших товарищей по освоению космоса.
Авторы*

I

Тропинка в сугробах неожиданно вывела к самому обрыву, и Панин остановился. Далеко внизу, ближе к противоположному берегу реки, на ослепительном белом снегу застыли маленькие фигурки рыбаков. После резкого скрипа снега под ногами тишина казалась нереальной. Он представил себе, как позванивают льдинки, когда их черпаком вытаскивают из лунки, и ему захотелось, как в детстве, броситься в этот ослепительно белый снег и на спине съехать вниз с обрыва.

«Мороз почти космический, — подумал Виктор Сергеевич. — Может, так же пронзительно громко заскрипит снег под ботинками космонавта на Марсе. Есть ли он там, вот такой же уди-

Печатается с сокращениями.

вительно белый снег, с густыми синими тенями? Конечно, нет, — ответил он себе, — слишком мало влаги в атмосфере Марса. Наверное, по ночам на холодные, безжизненные скалы выпадает тонкий, микроскопический слой инея».

Стараясь не щуриться, он запрокинул голову и принялся смотреть на белесое зимнее небо. То там, то здесь розовыми искорками вспыхивали невидимые снежинки. Огромный диск по-зимнему низкого солнца был так близок, что казалось, протяни руку, и она по локоть исчезнет в густом оранжевом мареве.

Из забытья его вывел близкий стук дятла. Виктор Сергеевич повернул голову, но увидел лишь стаю синиц на нижних ветках старой березы. Дятел был где-то совсем рядом. На частые удары клюва невидимой птицы звонко отзывался обледенелый ствол старого дерева.

Отыскивая глазами дятла, он не услышал тонкого нарастающего свиста. Возникший невесть откуда плотный ком снега увесисто стукнул его по шапке, запорошил глаза. Виктор Сергеевич стянул рукавицу, вытер ладонью лицо.

— Сейчас я кому-то надеру уши! — стараясь придать голосу сердитый тон, громко сказал он.

— Сначала догоните! — раздался знакомый голос. Шагах в двадцати от него стояла Марина и, улыбаясь, махала ему рукой.

— Даю тебе фору одну минуту. Убегай.

Марина согласно кивнула и, оттолкнувшись лыжными палками, заскользила по снегу.

Панин не спеша натянул рукавицу. Вдохнув полной грудью воздух, он ловко, в один прием развернул сразу обе лыжи. Желтый свитер Марины уже мелькал в густых ветках молодого ельника. С силой отталкиваясь палками, Виктор Сергеевич бросился по целине наперерез.

В ельнике он вышел на лыжню, идти стало легче. Минут через пять до беглянки оставалось метров сто.

Марина часто оглядывалась назад. У выхода лыжни на расчищенную бульдозерами лесную дорогу она неожиданно упала. Едва не наехав на лежащую девушку, Виктор Сергеевич остановился.

— Большой Белый Медведь настиг невинную жертву! Сейчас кому-то будет очень худо!

— С которого уха начнем? — поднимаясь из сугроба, деловито осведомилась Марина.

— Может быть, помилуем?

До избушки было недалеко, и они пошли пешком, неся лыжи в руках. Отряхнув снег веником, поднялись по скрипучим ступенькам.

Внутри избушка казалась больше, чем снаружи. В горнице — дубовые, без скатертей, столы, лавки. На окнах — вышитые занавески. Одну стену избы полностью занимала старинная русская печь с нишами и шестками, в которых красовались яркие глиняные горшки, крынки.

Как всегда, перед обедом в горнице собралось почти все «местное население». На нешироком пространстве между столами и окнами сгрудились в тесный круг несколько десятков мужчин; оттуда неслись громкие крики и дружные взрывы хохота.

«Наверное, опять над самоваром колдуют, черти!» — подумал

Виктор Сергеевич. Неожиданно тесный круг разомкнулся, и из толпы выскользнула какая-то странная фигура с двумя головами. Из-за спины фигуры протянулись чьи-то руки, в воздух взлетели две шапки-ушанки, а там, где только что были головы, мелькнули две ноги в пестрых носках... Перед изумленными Паниным и Мариной стоял с раскрасневшимся лицом Сурен Акопян.

Сверкнув белозубой улыбкой, Акопян выхватил откуда-то короткое фоторужье и несколько раз в упор «выстрелил» в Марину.

— Наповал! — перекрывая смех толпы, крикнул Сурен. — Когда ты в очередной раз будешь опаздывать к обеду, я всем раздам твою фотографию. Без тебя никто не желает садиться за стол!

Они уже три дня жили здесь вместе, на даче Комитета космических экспедиций. Бегали на лыжах, дышали лесным воздухом, отдыхали после прохождения длительного курса предполетной подготовки. Третий день двадцать четыре космонавта ждали решения комитета, кто из них полетит на Марс.

Что и говорить, первый полет человека на Марс! Достигнуть Марса, постоять на нем было мечтой каждого, но полетят лишь шестеро...

Каждый из кандидатов проходил всестороннее медицинское обследование. К этому все относились легко. Клиника? Чепуха! Электронные зонды, биохимические бесконтактные спектрографы, нагрузочные пробы... Все они чувствовали себя совершенно здоровыми. Тревожило другое — неизвестность. Атмосфера тщательно скрываемого волнения не разряжалась даже внешне беззаботными шутками и розыгрышами.

Виктор Сергеевич неторопливо ел, стараясь не показывать отсутствия аппетита. Обед проходил весело, с шумным обсуждением последних новостей. Один лишь здоровяк Петр Расторгуев, штурман четвертого экипажа, выглядел мрачнее тучи.

— Что это с ним? — шепотом спросил Виктор Сергеевич у Акопяна.

— И вы не знаете? — громко, привлекая к себе всеобщее внимание, проговорил бортинженер. — Наш Петя — жертва медицины!

За столом как по команде стало тихо.

— Это все они — светила в белых халатах! — Акопян с возмущением отодвинул от себя тарелку и кивнул головой в сторону Марины. — Приборы у них что-то забарахлили, у всех показывают, а у Пети нет! Вот его сегодня и вызывали еще раз, чтобы по старинке руками ощупать. Консилиум собрали, старичка привезли, ну прямо чеховский земский врач! Академик, первых космонавтов еще на спутники отбирал...

Так вот и стоит наш Петя посредине комнаты, а старичок вокруг него ходит, рассматривает как диковинку.

«Ну-ка, батенька, — говорит старичок, — разденьтесь».

Пете что, раз-два и стоит, красуется перед высокой комиссией в одних трусах!

Академик ходит вокруг него, высматривает, любит мускулами нашего атлета, элегантно прижимает ухо к Петиному животу!

«Тэк-с, — говорит. — Любопытно! Очень любопытно! Принесите, пожалуйста, лесенку-стремянку... Я хочу верхушки бронхов

прослушать. Очень мне хочется знать, что там на заоблачной высоте делается».

Ассистенты старичка разом загалдели: «Дурачендус, переходендус через мостендус...» — сплошная латынь! Только одно и понятно: «аппендикс»!

Один Виктор Сергеевич не смеется веселому представлению Акоюна. Почему-то грустно ему от этой шутки. Не слишком ли доверяются врачи показателям хитроумной медицинской аппаратуры? Если уж говорить о подборе экипажа, то он, Виктор Сергеевич Панин, за спиной которого шестнадцать лет космических полетов, полностью готов к своей лебединой песне!

Так вот, если бы его назначили командиром «Вихря», он подобрал бы себе экипаж и без электронных машин. И ходить далеко не нужно. Вот за столом как раз шестерка. Полный экипаж! И еще какой!

Сергей Меркулов был бы вторым пилотом. Спортсмен-тяжеловес, на вид медлительный. И всего-то у него поровну, все уравновешено, все на месте. Сейчас, можно сказать, судьба его решается, а он с самым серьезным видом намазывает масло на хлеб. Обед для него — дело, которое надо сделать так же хорошо, как посадить самолет при нулевой видимости. Невозмутим, хоть потолок упади: отряхнется, расчистит место и продолжит работу.

Георгий Калантаров. Штурман. Вряд ли существуют на свете лучшие штурманы... Чувство пространства у Калантарова такое, что и с завязанными глазами из любой лесной чащобы выведет.

Василий Карпенко — прирожденный инженер-исследователь. Пунктуальный, как хронометр, а по натуре — лирик. Аппаратура, самые капризные приборы почему-то никогда из строя не выходят, если Василий хотя бы раз приложил к ним руку.

Сурен Акоюн. Прекрасный инженер. Любимец любого коллектива, генератор хорошего настроения. Как это говорили на «Богатыре», когда у них обнаружилась утечка топлива: долетели на темпераменте Акоюна!

Марина Стрижова — врач. Медик все двадцать четыре часа в сутки. Что бы ни говорили злые языки еще со времен первых мореходов о женщинах на корабле... Марина — надежный товарищ.

Мысли обрывает резкий треск динамика. Вежливый голос дежурного сообщает:

«Всем, всем! В шестнадцать часов последнее комплексное испытание. Повторяю...»

...Небольшой кабинет. На рабочем месте несколько рычагов управления и большой матово-зеленый экран, разделенный на шесть ячеек. Команды врачей поступают по радио.

Испытываются возможности слуха, зрения, осязания, проверяется, как космонавт решает сложные ситуационные задачи, как он ведет себя в непредвиденной обстановке, с какой скоростью принимает наиболее оптимальные решения.

После испытаний беспристрастный электронный судья выдает одну общую оценку по десятибалльной шкале.

Вечером Виктор Сергеевич сидел в вестибюле служебного кор-

пуса под портретом Циолковского. Рядом в ожидании результатов негромко переговаривались космонавты.

Голоса внезапно смолкают. Зажигается табло.

Виктор Сергеевич отыскал на табло свою фамилию. 9,65... Не плохо. У него бывали оценки и получше, но как-то так выходило: чем серьезнее предстоит полет, тем более низкие баллы он получал. Вот и у Акопяна в предыдущих сериях было почти десять, а сейчас он и до девяти не дотянул...

В этот вечер все рано разошлись по своим комнатам и легли спать. Завтра утром комиссия вынесет окончательное решение.

Экипаж — живой организм, в котором все должно быть очень хорошо уравновешено. И баллы-то у тебя могут быть не самыми высокими, а ты окажешься нужным, необходимым по другим качествам.

За завтраком в избушке дежурный Центра подготовки зачитал списки трех экипажей, подобранных электронными судьями. Удивительное дело: Виктор Сергеевич, Акопян, Марина, Сергей, Жора и Василий оказались в одной команде! «Словно этот электронный судья прочитал мои мысли... Бывает же такое везение!» — подумал Панин.

Отзвенели, отшумели весенние ручьи. Пожаром из красных и желтых тюльпанов отгорела казахская степь. Теплым вечером последнего мартовского дня Виктор Сергеевич как-то особенно церемонно пригласил к себе экипаж.

— Ну вот, друзья мои... — начал он торжественно, выйдя на середину комнаты, но тут же махнул рукой, взъерошил волосы, рассмеялся. — Словом, завтра летим на орбитальный тренажер! Есть решение комиссии — наш экипаж основной. Два других — дублеры. Остальное зависит от нас...

На орбитальной пилотируемой станции смонтирован макет «Вихря». Рабочий отсек и кают-компания — стержень макета, к которому, как древесные грибы к стволу березы, примыкают все отсеки.

Здесь, на космическом тренажере, экипаж «Вихря» должен окончательно проиграть все операции по управлению кораблем, отработать методику проведения научных экспериментов, побывать в нескольких смоделированных аварийных ситуациях.

— Приступайте, — в последний раз оглядев экипаж, сказал руководитель полета Игорь Петрович Волновой. — На командном пункте смены дежурят в соответствии с расписанием полета. Все службы Центра управления в действии. Желаю успеха!

«Полет» начался.

Корабль на орбите Марса. Проводится профилактический осмотр и ремонт оборудования, размещенного на внешней обшивке «Вихря».

На экране перед Виктором Сергеевичем цветное изображение орбитальной станции. В центре ее — «Вихрь».

Раскрылись люки, на поверхность корабля выползли два полукруглых робота, напоминающие божьих коровок. «Жучки» проворно развернулись, поползли в разные стороны, аккуратно обходя выступающие над поверхностью конструкции.

Экраны крупным планом показывают работу автоматов. Один из «жучков» осматривает солнечные батареи. Он движется неторопливо, от блока к блоку. Остановился, открыл кожух, выта-

шил запасной блок, заменил неисправный. Демонтированный блок «жучок» деловито спрятал в карман на спине и пополз дальше.

Приданная кораблю одноместная ракета «Аннушка» стояла в ангаре. Теперь не вспомнить, кто первым ее так назвал. Изящество очертаний, своеобразный перехлест крыльев солнечных батарей, прозрачная косынка, охватывающая головную часть кабины напомнили кому-то девушку. Вот и называют ее теперь все «Аннушкой». Не произносить же каждый раз записанное в паспорте название: «Автономная гермокамера с встроенными манипуляторами для производства работ в открытом космическом пространстве»!

Уже в полете «Аннушка» была выведена из ангара, прикрытого обтекателями, и пристыкована к обшивке корабля в специальном «детском уголке». Из корабля в «Аннушку» можно пройти без скафандра, да и летать в ней можно без него, конечно, если всю намеченную за бортом работу космонавт может проделать при помощи манипуляторов. Ракета плавно отделяется от корабля и зависает метрах в десяти от кормовых дюз.

— К выполнению команд готов! — докладывает из «Аннушки» Акоюн.

— Облети корабль, в секторе восемь смени метеоритные ловушки.

«Аннушка», чуть вздрогнув, тронулась с места, описала плавную дугу вокруг «Вихря» и остановилась у метеоритных ловушек.

В складском помещении Василий Карпенко натягивает скафандр. Эта операция занимает всего каких-то две-три минуты. Насколько проще стала за последние годы рабочая одежда космонавтов! Лет тридцать назад, чтобы надеть космический скафандр, требовалось полтора часа. Да и одеться сам космонавт не мог, ему помогали товарищи. Метры шнуровки, множество застежек и замков, шарнирные суставы, подскафандровые оболочки... До тринадцати оболочек использовалось в моделях первой космической одежды. В экспедициях на Луне, несмотря на небольшое по сравнению с Землей притяжение, человек, упавший на спину, не мог самостоятельно подняться. Поэтому первые лунные прогулки космонавты совершали парами.

В полном снаряжении Карпенко вошел в рабочий отсек.

Виктор Сергеевич разговаривал по радио с «Аннушкой».

— Акоюн! Акоюн! Твое удаление — шестнадцать километров!

— Виноват, командир. Встретил брошенный кем-то обломок обтекателя и увлекся. Не оставлять же этот мусор в космосе. Сейчас подцеплю его ловушкой и возвращусь.

II

20 апреля 199... года.

Московское время 12 часов 45 минут.

Сотни телерадиостанций во всех уголках нашей планеты транслируют прямой репортаж с международного орбитального космодрома. Через считанные минуты стартует первая в освоении космоса экспедиция на Марс.

Последние приготовления. На расстоянии десятков и сотен тысяч километров вокруг Земли сейчас движется такое количество космических аппаратов всевозможных конструкций и назначений, что подготовить «зеленую улицу» для первого марсианского корабля очень и очень непросто. Накал страстей в Центре управления полетом в последние перед стартом минуты напоминает лихорадку в диспетчерской столичного аэропорта в часы «пик», когда необходимо посадить и отправить в воздух почти одновременно десятки самолетов, вертолетов, орбитальных лайнеров.

Московское время 12 часов 57 минут.

Набирая скорость, по космической «зеленой улице» летит межпланетный корабль «Вихрь» с шестью космонавтами на борту. На десятках языков телерадиокомментаторы представляют жителям Земли экипаж корабля.

Четвертые сутки полета.

На вахте — Василий Карпенко. Экипаж отдыхает. «Стартовые хлопоты окончены, товарищи, — заявила вчера после ужина Марина. — Мы с командиром решили на завтра объявить день отдыха».

Василий Карпенко сидит в одиночестве у командного пульта. Никаких маневров в ближайшее время не предполагается. Не светится экран оперативной связи с Землей. Там, в Центре управления полетом, сейчас только одни дежурные, следящие за «Вихрем». На Земле ночь: корабельные часы и часы Центра всегда показывают одно и то же время. Перед вахтенным на обзорном экране — черное небо, усеянное немигающими точками-звездами.

«Молодец Марина, — думает Карпенко, — догадалась взять в экспедицию издания старинных книг по астрономии».

Карпенко вытащил из кармана рабочей куртки маленькую книжицу, которую выпросил у Марины. Иоганн Эларт Боде. Астроном Королевской прусской академии наук, член Берлинского общества испытателей природы...

Предчувствуя наслаждение, он перевернул страницу. «Всеобщие размышления о сотворении мира, или Сокращенное изображение астрономии, содержащее в себе обстоятельные изъяснения о состоянии Солнца, планет, Земли и Луны».

Подумать только эту невзрачную книгу с неровно обрезанными страницами мог держать в руках Пушкин в бытность свою в Царском Селе! Василию показалось, что один абзац отчеркнул порывевшими от времени чернилами.

«Сила тяжести есть всеобщая пружина движения небесных тел. Она пронизывает сквозь все тела до самых мельчайших частей их. Посредством сей силы тела стремятся к непрерывному сближению друг с другом, по известному содержанию их мер и расстояний».

Поэзия!

Карпенко посмотрел на часы: время обхода корабля. Он спрятал в карман книгу, подключил датчики магнитных ботинок, встал, окинул взглядом отсек.

Этот основной, командный, отсек — самый просторный. Здесь пульта управления всеми системами сложного хозяйства космического корабля, рабочие места штурмана, вахтенного врача...

Во время ночных дежурств вахтенные, как правило, перебираются в кресло командира — выходы приборов здесь те же, но обзорные экраны бортовых телекамер крупнее.

Индикаторы на всех пультах горели холодным голубоватым светом. Все в порядке.

Под потолком по обе стороны отсека вытянулись антресоли, куда выходят двери кают, врачебного отсека, вивария. Широкая прямая лестница ведет на верхние этажи корабля. Помещение чем-то отдаленно напоминает уютный зал старинной библиотеки.

«Сюда бы стеллажи с книгами и мраморные бюсты мыслителей», — мимоходом подумал Василий, раздвигая перегородку, отделяющую рабочий отсек от кают-компания. В комнате отдыха полумрак, шкафы закрыты, большой, почти во всю переднюю стену, экран телевизора задернут шторкой.

Карпенко вернулся и поднялся по лестнице к верхнему люку. Набрал код. Крышка люка отошла, и он вошел в аппаратную.

Зал этот, так же как и рабочий отсек, занимал в длину около трети корабля. Закругленный по форме внешней обшивки потолок почти везде можно достать рукой. Аппаратный отсек напоминал выставочный зал с многочисленными нишами. В каждой нише — машинные блоки, аппараты, пульта управления отдельными агрегатами и системами, расположенными в различных местах корабля, в том числе и на наружной обшивке.

Прозрачную дверь в конце аппаратного отсека Карпенко раздвинул с особым удовольствием: стадион любили все, и оранжевую тоже. Рассеянное мягкое освещение, нехитрые снаряды типового стадиона космического корабля: бегущая дорожка, перекладина, гири, гантели, в ящиках на стенах веселая зелень овощных грядок.

Взглянув на часы — время еще есть, Карпенко подошел к перекладине, прикрепил к поясу резиновые ремни, несколько раз с удовольствием подтянулся.

По лестнице он спустился в командный пульт. Все по-прежнему. Не задерживаясь, открыл люк на нижний этаж, в агрегатный отсек.

Космонавты между собой называли это помещение попросту трюмом. Отсек, заставленный тяжелыми металлическими контейнерами, действительно был похож на трюм морского теплохода. Были здесь и настоящие иллюминаторы. Сквозь их толстые стекла с левого борта корабля еще можно было видеть Землю в голубом ореоле, удаляющуюся с каждым днем, и резкий, неправдоподобный круг Солнца, словно нарисованный кем-то рядом со звездами. В агрегатном отсеке находились и шлюзовые камеры, через которые члены экипажа выходили в открытый космос.

Закончив обход, Василий вернулся в рабочий отсек, сделал запись в вахтенном журнале, откинулся на спинку кресла, потянулся, сладко вздохнул, и тут по нервам ударил громкий, прерывистый сигнал тревоги. Стуча магнитными подошвами, в рабочий отсек вбежали разбуженные члены экспедиции.

На аварийный сигнал «Вихря» тут же отреагировала Земля. Через минуту из динамиков донесся спокойный, размеренный голос дежурного Центра управления полетом:

— Почему падает кислород? Почему падает кислород? Систему жизнеобеспечения на экстренную проверку!

Весь экипаж собрался за спиной вахтенного, у пульта системы жизнеобеспечения: содержание кислорода упало до нижнего предела!

Несколько мгновений командир стоял неподвижно, чуть наклонившись вперед, стиснув ладонями спинку кресла.

— Акопян, код! Штурману готовить к пуску вторую систему! Виктор Сергеевич выпрямился, посмотрел вокруг.

Бортиженер уже щелкал клавишами вычислительной машины, набирая код проверки системы жизнеобеспечения. Марина, присев у медицинского пульта, колдовала над приборами. Второй пилот Сергей Меркулов спокойно смотрел на командира.

— Вот что, Сережа, — сказал Виктор Сергеевич и взял Меркулова под локоть, будто собрался совершить с ним небольшую прогулку, — посмотри автоматику контроля... Может, завис регулятор?

Меркулов согласно кивнул. Отключив магнитные подошвы ботинок, он резко оттолкнулся и взмыл вверх к люку аппаратного отсека.

— Командир, — каждые три минуты повторяла Земля, — три канала свободны для связи! Три канала свободны для связи!

В аварийных условиях было принято не говорить «под руку», до минимума сократить связь с экипажем корабля, оставаясь все время на приеме.

— Виктор Сергеевич! — от волнения у Акопяна появился акцент. — Виктор Сергеевич, ЭВМ сбоя в системе не нашла!

Панин молча кивнул.

— Вторая система к пуску готова, — негромко сказал штурман.

В отверстии верхнего люка показались ноги Сергея Меркулова, и массивная фигура второго пилота вплыла в рабочий отсек.

Придерживаясь за перила, Меркулов спустился на пол, ни на кого не взглянув, наклонился, подключил датчики магнитных ботинок и величественно прошагал к креслу. Все молча ждали.

— Вот, — сказал он.

На раскрытой ладони лежал небольшой изогнутый кусок проволоки в красной изоляции.

— В клапане нашел. Прилипла. Как только включаем автомат проверки — начинают работать вентиляторы, проволока отходит, машина сбоя не показывает.

Говорил Сергей с длинными паузами, недовольным голосом, словно его разбудили из-за пустяка.

Стрелка прибора медленно полезла вверх: 15 процентов кислорода, 17 процентов...

Виктор Сергеевич сдержанно улыбнулся.

...И опять на вахте один Василий Карпенко. Остальные спят в «осеннем сосновом бору».

III

Сорок третьи сутки полета.

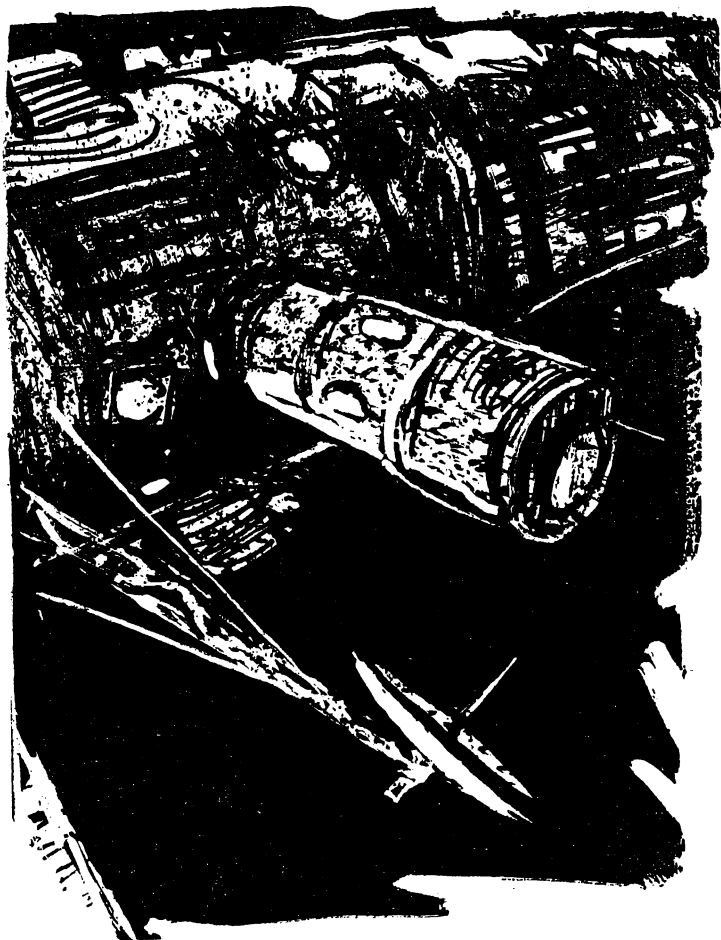
В то утро к завтраку Марина задержалась. Пообещала принести из оранжереи свежих огурцов и как в воду канула.

Из динамиков в кают-компании лилась бодрая мелодия. За раскрытыми дверцами на панели автоматической кухни светился ровный ряд зеленых глазков: блюда, заказанные на завтрак, готовы. Космонавты в спортивных костюмах сидели вокруг стола, оживленно переговариваясь. Перед каждым были расстелены обычные на вид салфетки, но тарелки и чашки, поставленные на них, ни за что не «разбегутся» по кают-компании даже при резком торможении.

Виктор Сергеевич сидел ближе всех к раздвижной перегородке и, беседуя, не забывал поглядывать на командный пульт. Он был на вахте.

— Куда же запропастилась наша хозяйка?

Рисунки П. Павлинова

— Марина!

Марина появилась в двери кают-компании и замерла на пороге. Ко всеобщему изумлению, она была растрепана, бледна. Ожидаемых огурцов в руках у нее не было.

— Машка пропала!

— Какая Машка?

— Я шла в оранжерею, по пути заглянула в виварий... Все мыши на месте, а ее нет. И дверца клетки закрыта.

— Натворит она, братцы...

— Вы понимаете? Дверца клетки закрыта!

Марина растерянно смотрела на товарищей.

— Так, — сказал Виктор Сергеевич, поднимаясь. — Завтрак откладывается.

Космонавты гуськом поднялись по винтовой лесенке на антресоли. Дверь в виварий была открыта.

— Ну, ищи ветра в поле! Странствует теперь наша Машка по кораблю.

Осмотрели виварий. Здесь не то что мыши, мухе спрятаться было негде.

Акопян, грохоча ботинками, побежал закрывать люк в аппаратный отсек. С переполоху заголосил петух, висевший, как попугай, на сетчатой стенке клетки. Куры, чинно восседавшие на деревянном насесте, на это никак не отреагировали. Рядом с ними в воздухе плавали два снесенных ими за ночь яйца.

Шаг за шагом стали осматривать рабочий отсек.

— Виктор Сергеевич, посмотрите! — Карпенко стоял перед командным пультом. — Утечка. Утечка воздуха из трюма!

Жора Калантаров, задумчиво наблюдавший за приборами, неожиданно улыбнулся.

— Виктор Сергеевич, кажется, я знаю...

— Что ты знаешь?

— Ну, того... где утечка.

Обычно Виктор Сергеевич никогда не торопил Жору, но сейчас нужно было быстро принять решение.

— Кажется или знаешь?

— Я сам устраню неисправность. Разрешите выйти за пределы корабля?

Командир несколько минут пристально смотрел на штурмана.

— Машку он там будет искать, — шепотом предположил Акопян.

— Ладно, иди, — сказал спокойно Виктор Сергеевич. — Карпенко, подстрахуй его.

Принесли два легких скафандра, разложили их на креслах. Жора и Карпенко оделись.

— Скафандры в норме, — посмотрев на свой пульт, сказала Марина.

— Пошли!

Сквозь иллюминатор Карпенко хорошо видел, как Жора наклонился над перископом, объектив которого сейчас был направлен на шарнирный узел солнечной батареи. Вот он опустил ся на колени.

— Нашел?

— Сорвался! Сорвался я, Виктор Сергеевич.

Но это и так уже все видели: штурман, неуклюже разворачиваясь, отплывал от корабля.

— Акопян! Левый манипулятор!

Но механическая рука не дотянулась, только чуть задела ногу Жоры, и он закрутился быстрее.

— Карпенко, вывод «такси». Сначала попробуй добросить фал, может, удастся.

— Иду, Виктор Сергеевич.

Один из продолговатых контейнеров в трюме — ангар для двухместных ракет с малыми движками. Карпенко вошел в ангар, захлопнул люк.

— Герметичность полная, — услышал он голос Марины.

— Выхожу!

Зашипел стравливаемый из ангара воздух. Открылся наружный люк, и Карпенко вышел в космос.

Закрепившись ногами в скобах, Карпенко прямо из люка кинул свернутый кольцом фал. Фал не долетел до Калантарова.

— Потерпи! — Карпенко быстро смотал фал и вернулся в ангар.

Космонавты сгрудились вокруг обзорного экрана. Из открытого люка ангара выдвинулось «такси», похожее на старинную ладью, длиной около двух с половиной метров. Карпенко поудобнее устроился на переднем сиденье, взял в руки руль и малым ходом отошел от корабля.

Марина тронула командира за плечо.

— Виктор Сергеевич, у Карпенко местный перегрев скафандра.

Виктор Сергеевич мельком взглянул на панель системы жизнеобеспечения.

— Василий! Что у тебя со скафандром? Не жарко?

— Скафандр в порядке, а жарко сейчас обязательно будет. — Карпенко засмеялся.

— Перегрев все же есть, — тихо сказала Марина.

— Проверишь, когда вернутся...

В рабочем отсеке в динамиках громкой связи послышался диалог между Карпенко и Калантаровым.

— Руку давай!

— Солнце спит. Чутьочку развернись.

— Порядок.

Калантаров неуклюже вскарабкался на борт «такси» и уселся на заднем сиденье.

Через несколько минут они уже стояли в рабочем отсеке. Карпенко молча стал раздеваться.

— А-а-а! — женским голосом вдруг закричал Василий. Правая рука инженера что-то энергично вытаскивала из-за пазухи скафандра.

— Машка!

В руках у Карпенко, попискивая, барахталась толстая мышь.

— Норку ей захотелось сделать в космосе, — рассмеялся Анопян, — вот она и надела скафандр Василия. Правда, он оказался несколько великоват...

— С Машкой разобрались, а как насчет утечки?

— Иней на перископе, Виктор Сергеевич.

Скинув скафандр, Жора стремительно протопал по винтовой лестнице к себе в каюту и уже через минуту спустился вниз с помазком и чашкой для бритья, наполненной мыльной пеной. Из всей команды только Жора брился по старинке опасной бритвой.

— Сурен, спустись со мной в трюм, посвети, — попросил Жора.

В трюм спустились все. Калантаров полез под потолок, мазнул кисточкой около выхода перископа. Пена тотчас всосалась в едва заметное кольцевое отверстие.

— Вот! Манжета косо встала. Оттого и утечка! Давно я приматривался к этому перископу. Не нравился он мне что-то.

После замены неисправной манжеты на трубе перископа стрелки на приборах вернулись в нормальное положение.

...Завтрак начался с опозданием на два часа. Особо отличившимся в это утро Василию Карпенко и Георгию Калантарову Марина собственноручно приготовила два яйца всмятку, снесенных прошлой ночью курами в виварии. Разыгралось возмущение, Сурен Акопян заявил:

— Я протестую! Все лавры сегодняшнего утра принадлежат Машке! Эта мышь первая в истории космических полетов самостоятельно облачилась в скафандр. Если бы Василий и Жора ввели себя по-товарищески и не помешали ей, Машка сама вышла бы в открытый космос и прекрасно справилась бы с починкой перископа!

Сто десятые сутки полета

Как бы хорошо ни был подготовлен космонавт, невесомость в первые дни космического полета обрушивается на него со страшной силой чужеродной стихии. Но к чему только не может привыкнуть человек! Привыкает он и к невесомости. Все меньше и меньше усилия тратит он на движения, на операции по управлению кораблем, на эксперименты. Любимая работа спорится, идет увереннее, быстрее.

К четвертому месяцу полета по отсекам космического корабля замаячил опасный призрак «дефицита занятости».

Командир хмурился. Время! Тот всеми желанный часок-другой, которого вечно не хватало в земных сутках, здесь, в многомесячном полете, яд. Об этом знали заранее. Этого ожидали. Потому-то и были запланированы так называемые факультативные, не обязательные, эксперименты. Но...

Сто сорок восьмые сутки полета

Виктор Сергеевич плотно закрыл за собой дверь медицинского отсека и принялся расхаживать по каюте. Марина с удивлением следила за ним. Ей еще не приходилось видеть командира таким озабоченным.

Он сел, закрыв глаза, прижал к ним кончики пальцев.

— Понимаешь, была раньше такая наука — ничего не делать... Богатая, праздная жизнь в прошлом не редкость. Но те... гм... тунеядцы прекрасно понимали, что только отдыхать невозможно. Основная забота бездельников — занять себя чем-нибудь, найти себе развлечение. Мы сейчас можем оказаться в их положении, если срочно что-нибудь не придумаем.

Об опасности избытка свободного времени Марина стала задумываться давно. В конце второго месяца полета ее уже тревожила легкость, с какой экипаж справлялся с экспериментами. Но начавшаяся «болезнь отчуждения», как ни странно, на время решила эту проблему: нет худа без добра! Но не до конца... Тогда Марина потихоньку начала военные действия: «книжный червь» и любитель архивной пыли Василий Карпенко всерьез занялся исследованием параллелей в истории развития астрономии, а бортинженер с увлечением принялся составлять юмористическое досье «Дело Марса, Солнца и Вселенной». Второй пи-

лот писал стихи и советовался с ней как с квалифицированным читателем. За командира и Жору Калантарова она была спокойна.

Виктор Сергеевич и Марина долго сидели молча. Каждый из них прекрасно понимал: подошло еще одно испытание для экипажа «Вихря». Компьютеры не смогли всего предусмотреть, когда составляли программу экспедиции.

— Обязательно нужно придумать что-то такое...

Виктор Сергеевич щелкнул пальцами как кастаньетами. Он обвел взглядом медицинский отсек и, словно ища выход для накопившейся энергии, нажал на пульте клавишу генератора шумов.

Постепенно нарастая, комнату заполнил мерный гул морского прибора, оживляемый отрывистым, пронзительным криком чаек.

— Будет шторм или пройдет стороной? — Виктор Сергеевич грустно улыбнулся. — Все мы стали какими-то благодушными. За ежедневным распорядком дня забывается главная цель нашей экспедиции — разведка Марса. Мы как-то незаметно для себя успокоились, привыкли к новизне и масштабности предстоящих нам задач. Нужна какая-то новая, живительная струя в наших ежедневных заботах.

— А если... — неуверенно начала Марина.

Виктор Сергеевич повернулся и пытливо посмотрел ей в глаза.

— Через двадцать восемь дней мы должны начать адаптироваться к марсианскому тяготению. Не попробовали ли нам «потягелеть» раньше? До сих пор адаптация проходила под контролем нас, медиков, персонально для каждого члена экипажа.

— Предлагаешь объявить общий тренинг? — Командир нажал клавишу генератора шумов. Крик чаек оборвался, и в каюте наступила звенящая тишина. — Не перестарается ли мы? Адаптация к новым условиям у каждого человека проходит по-своему, требует особой внимательности к себе, самообладания.

— Адаптировать можно не всех сразу, а только вахтенного на время дежурства. Если он не будет справляться, ему будет помогать кто-либо другой, кто в это время не «загружается». Опыт адаптации одного человека станет опытом всех.

— Согласен, в этом есть рациональное зерно! — Виктор Сергеевич встал, подошел к двери. — Утро вечера мудренее! Отдыхай. Завтра еще раз все обсудим.

Оставшись одна, Марина раздвинула перегородку из матового стекла, прошла к себе в каюту, раскрыла «окно»...

Дома на Земле у нее было такое же окно. Целый год трудился фотоаппарат, установленный перед окном в Сивкове. Теперь из ее каюты, раздвинув занавески, можно в любой момент увидеть, что делается в саду над подмосковной речкой Клязьмой.

Знакомый сад быстро погружался в густые августовские сумерки. Дверь в доме была открыта. В желтом прямоугольнике электрического света сидел на крыльце деревенский пес Кузя. Он, как всегда, терпеливо ждал, когда в доме закончат ужинать, раздастся скрип половиц и в светлом проеме двери покажется хозяйка. Она присядет на пороге на корточки, потреплет за уши, заглянет в немигающие глаза собаки, спросит:

— Ждешь Маришку? А ее опять нет дома. Проголодался? Пойдем, я тебя покормлю, старый приятель.

Сто сорок девятое сутки полета

— Друзья мои! — Виктор Сергеевич выдержал паузу. — Вы знаете, что, по данным корабельного астрономического комплекса, на Марсе ожидаются две волны песчаных бурь. Об этом же нас предупредили и земные обсерватории. Значит, время, которое мы могли бы использовать для работы на Марсе, сокращается.

В кают-компании настороженно молчали.

— С Земли нам предложили пересмотреть программу: некоторые марсианские эксперименты исключить вообще, а часть перевести в разряд факультативных, то есть успеем — сделаем, а не успеем — погода, так сказать, виновата.

Командир почувствовал, что сейчас сорвется целая лавина вопросов.

— Я еще не дал окончательного ответа, обещал подумать, посоветоваться с вами, — продолжил он. — Предлагаю одно из возможных решений. Если бы мы на Марсе смогли работать вдвое быстрее, то песчаные бури, которые придется пережить, нам не помеха.

— Нужно перенастроить автоматику! — предложил Акопян.

— Автоматика — полдела, — улыбнулся Виктор Сергеевич, — тут у нас Марина кое-что придумала.

Марина коротко объяснила, как можно ускорить предусмотренный программой экспедиции период постепенного вхождения в работу: надо начать тренировки непосредственно на корабле.

— А как же эксперименты следующего месяца? — засомневался Карпенко. — Увеличив нагрузку, я не уложусь в запланированный график.

— Поможем!

— Сложность и продолжительность экспериментов рассчитаны на наше теперешнее состояние, — не соглашался Василий. — Придется перекраивать все расписание.

— Так уж и все? — вмешался Виктор Сергеевич. — Мы будем привыкать всего лишь к марсианскому тяготению, то есть примерно к трети земного. Это совсем не то, что скачок от невесомости до нашей земной единицы. «Тяжелеть» будет только вахтенный, и то только на время дежурства. Доза невелика.

Еще двадцать-тридцать лет назад вряд ли возможен был такой разговор. В одном корабле один космонавт будет жить, испытывая марсианское тяготение, а другой — в невесомости? Сейчас же это никого не смущало.

— Ну ладно, — Меркулов медленно поднялся. — Через полчаса пойду «тяжелеть».

— Действуй, Сергей! — Командир склонился над программой рабочего дня. — Что у нас на сегодня? «Астронавигационная операция, система общей автоматической проверки, смена атмосферы...»

Меркулов поднялся на антресоли. На пороге своей каюты он оглянулся, подмигнул Акопяну и закрыл за собой дверь.

Через минуту Марина уже сидела у пульта в медицинском отсеке. Частота сердечных сокращений у Меркулова медленно увеличивалась. Появились перебои в дыхательном ритме: короткий, сильный вздох — медленный выдох. Пульс — 72, 76, 85...

Наконец показатели стабилизировались. Частота пульса постоянная — шестьдесят четыре удара в минуту.

Марина поспешила в рабочий отсек. Вскоре мимо нее прошел принимать вахту Сергей Меркулов.

Через трое суток стало ясно: качество запланированных в программе экспедиции экспериментов не пострадало, несмотря на то, что выполнять их стало труднее, да и времени уходило больше. У экипажа «Вихря» появилась новая общая цель — сесть на Марс в хорошей форме.

IV

Двести девятнадцатые сутки полета

Сегодня последняя по трассе коррекция.

Сергей Меркулов сосредоточенно проверяет расчеты штурмана, проигрывает их на бортовой вычислительной машине. До наземных антенн Центра управления полетом сейчас примерно 470 миллионов километров. Самое трудное — учесть влияние поясов радиации и магнитных бурь. Последняя коррекция совершается без помощи Земли, самостоятельно.

— Виктор Сергеевич, все в порядке.

Командир одобрительно улыбнулся.

— Действуй!

Начинается маневр выхода на расчетную трассу. Корпус космического корабля мелко вибрирует. Марс на командном экране медленно плывет вверх, смещается вправо и наконец застывает неподвижно.

— Трасса расчетная! — докладывает Меркулов. — Завтра утром переходим на орбитальный полет.

Непривычен, странен горизонт близкой планеты. Яркая синяя полоса высвечивает верхний полукруг Марса, от нее в космос расходятся лучи, тоже синие, но более прозрачные, мягкие. Эти удивительной красоты голубые лучи уходят далеко-далеко и словно тают в черной пустоте космоса.

Ночь наступает быстро. Контуры Марса расплываются. Еще кое-где выступают желто-синие пятна самых высоких кратеров, но и они прямо на глазах исчезают, будто проваливаются куда-то в глубь планеты.

Восход солнца чем-то похож на земной.

Причудливо изгибаясь, движется по поверхности планеты линия терминатора — границы, отделяющей день от ночи. Она напоминает узкий, медленно поворачивающийся серп. Освещенная поверхность неудержимо увеличивается. Полюс еще в тени, а облака над ним уже светятся. Над самым полюсом они белые-белые, так и слепят глаза!

Справа и чуть выше полюса одно-единственное облако. Очень плотное, почти красное... Кажется, на него можно сесть, как на ковер-самолет из детских сказок. Приборы подтверждают: красные облака в десять раз плотнее, чем белые, полярные, возможно, это лишь пыль, поднятая близкой бурей.

Двести двадцатые сутки полета

До Марса немногим более тысячи километров.

Включились тормозные двигатели.

Нарастают перегрузки...

Кажется, что они длятся бесконечно, но проходят считанные минуты, и вот земной корабль «Вихрь» становится спутником Марса. Весь экипаж в командном отсеке у самого большого экрана. На нем проплывает участок планеты, густо усеянный кратерами. Марсианские кратерные воронки очень похожи на лунные. У некоторых точно в середине — центральная горка. Внешние склоны кратеров в глубоких морщинах.

— Что это? — Марина указывает на темное продолговатое насекомое, скачками несущееся по бугристому склону кратера.

— Это тень нашего корабля.

— Мы отбрасываем тень на Марс! — Марина радостно улыбается. — Наша тень! Товарищи, мы же не видели живой тени вот уже больше семи месяцев...

— Бросить тень на бога войны Марса? — Акопян притворно хмурится. — Не знаю... Не знаю, как встретит он этот вызов!

— Не мы одни осмелились! — подхватывает шутку Карпенко. — Смотрите, наша тень догоняет кого-то...

На поверхности планеты бегут две тени: продолговатая, с короткими ножками бортовых антенн — тень космического корабля «Вихрь» и круглая, похожая на футбольный мяч — тень вечного спутника Марса — маленькой планеты Фобос.

...На третьем витке орбитального полета погода на Марсе начала портиться. Всю поверхность планеты застлала дымка поднявшейся песчаной бури. Место посадки Хеллас исчезло с экранов.

Двести двадцать первые сутки полета

Пыль поднялась над Марсом на восемнадцать-двадцать километров. Планета словно утонула в багровом океане. В редких разрывах пылевых облаков мелькают причудливо изрезанные склоны ущелий, вершины горных хребтов, желтые равнины плоскогорий...

Атмосфера Марса сильно разрежена. Днем почва на экваторе прогревается до тридцати градусов тепла, за ночь температура падает до минус ста и ниже. Такие температурные скачки вызывают резкие колебания атмосферного давления. А это ветры, бури, колоссальной силы смерчи, поднимающие десятки тысяч тонн пыли и песка на высоту в несколько километров...

Работавший на ЭВМ Калантаров закончил расчеты и, глядя на бумажный листок, озадаченно пробормотал:

— Сто девяносто метров в секунду...

— Скорость нашего «Вихря»? — не отрывая глаз от экрана, спросила Марина.

— Скорость ветра на Марсе. Ураган, по сравнению с которым земной двенадцатибалльный шторм — приятный ветерок! Придется ждать на орбите, пока стихнет ветер.

Двести двадцать седьмые сутки полета

Буря на Марсе стихает. Спиральных смерчей уже не видно. В просветах очень плотных, коричневых, почти черных облаков нет-нет да и промелькнет какой-нибудь зубчатый хребет или кратер. По прогнозу на Марс можно садиться завтра к вечеру.

Двести двадцать восьмые сутки полета

...Атмосфера Марса светлеет с каждым витком. Тяжелая пыль оседает, открывая взору все новые и новые картины.

Корабль летит по круговой орбите на высоте около трехсот километров. Скоро Хеллас — место высадки экспедиции.

Внизу простирается широкое ровное плато, на горизонте — полукругом горы. Недалеко от центра плато высится старый огромный кратер. Лучшего места для посадки не придумаешь!

Координаты сняты. Посадка через один виток.

— Надеть скафандры!

Посадка в скафандрах — категорическое требование Центра управления полетом.

Все молча, сосредоточенно одеваются, хотя каждый в глубине души считает эту предосторожность своеобразной причудой руководителя полета Игоря Петровича Волнового — старого космонавта, еще помнившего о катастрофах при посадке на Луну, но все тщательно проверяют и подгоняют детали одежды.

Горизонт Марса на командном экране пополз вверх — корабль начинает снижение.

— Всем занять свои места!

— Акопян, приготовь «Крыло»!

— Есть!

Включился двигатель.

Плавно нарастают перегрузки. Корабль тормозит. На экране проносятся желто-коричневые облака. Скорость их движения около двадцати метров в секунду.

— Высота полета сто двадцать километров.

— Температура корпуса триста сорок градусов.

— Высота девяносто километров, корабль на курсе.

— Высота пятьдесят километров, корабль на курсе.

— Акопян, выпустить «Крыло»!

— Есть!

Хлопнули выстрелы ракет. По бокам «Вихря» начали расправляться серые полотнища крыльев.

— Высота двенадцать километров, корабль на курсе.

Полотнища раздулись, крылья приняли расчетный профиль. «Вихрь» переходит на планирующий полет.

— Высота два километра!

Скорость корабля замедляется. Из днища корабля выходит причальный брус.

Заработали планетарные двигатели.

Впереди по курсу ровная, свободная от валунов площадка.

— Высота шестьсот метров!

В обзорных экранах видно: за кораблем тянется густой шлейф пыли.

«Вихрь» зависает.

Облака пыли, видимость — ноль.

Толчок.

Есть Марс!

— Якоря!

Движение руки Меркулова, и шесть мощных брусков с пневматическими якорями намертво соединяют «Вихрь» с планетой.

— Сцепление полное!

Теперь никакая марсианская буря не страшна кораблю. Он стронется с места только по воле человека!

— Убрать «Крыло»!

Пыль вокруг корабля медленно оседает.

Борт «Вихря» покидает шесть кибернетических «жучков», которые должны осмотреть корабль и место посадки.

«Жучки» расплзлись в разные стороны. Вскоре на командный пульт поступили первые сообщения передвижных автоматических разведчиков.

Наружная температура 85 градусов... Слой пыли на месте посадки маленький, с удалением от корабля увеличивается: три сантиметра, пять, шесть... Причальный брус исправен... «Крыло» убрано полностью.

— Трап вышел полностью, — доложил Акоюн.

Сведения от автоматов-разведчиков прямым ходом шли в вычислительную машину, и пока она их не обработает, из корабля не выйти. Двинулся трап — значит, все в порядке!

Трап вышел. Сейчас должен быть сигнал... Вот и он.

Виктор Сергеевич повернулся спиной к пульту, облегченно улыбнулся.

— Всё, ребята, приехали! — После паузы твердым, не терпящим возражений голосом, скомандовал: — Всем отдыхать! В шесть ноль-ноль первая разведка.

Виктор Сергеевич ушел. Оставшиеся еще некоторое время спорили: кто выйдет из корабля первым? Марину этот вопрос не волновал. Она знала твердо, что попадет в первую группу, и когда ступит на планету, обязательно скажет:

— Здравствуй, Марс!

Закрыв дверь каюты, Виктор Сергеевич долго не мог успокоиться. Но чем больше он размышлял о будущем, тем чаще возвращался в снежный январь, казавшийся сейчас таким далеким, когда, собственно, и начался по-настоящему их путь к Марсу...

V

Где найти слова, чтобы рассказать землянам о всех впечатлениях и чувствах людей, первые ступивших на Марс? Самое яркое впечатление оставило «безумное» марсианское небо.

Какое оно, небо Марса, могут представить, пожалуй, только счастливицы, побывавшие на самых высоких горных пиках Памира или Тянь-Шаня.

Прежде всего днем небо не синее, а темно-фиолетовое, по нему катится блистающее бело-голубое солнце. Оно кажется лишь немногим меньше земного. Тени от солнца похожи на лунные — четкие, очень густые. Упадет в эту черноту нож или гаечный ключ, без фонаря не отыщешь.

Марсианский день чем-то напоминает театральные сумерки, когда из зрительного зала хорошо видно, что происходит на сцене. Космонавта долго не покидает тревожное ощущение не реальности окружающего; с непривычки делается как-то зябко и неуютно в прекрасно обогреваемых, очень легких и удобных скафандрах.

Среди мельчайшей бурой, рыжей, оранжевой пыли, покрывающей окрестную равнину, рассеяны песчинки покрупнее, которые поблескивают, как осколки стекла в лунную ночь. Блеск песчинок исчезает и появляется всегда неожиданно: солнце, отразившись от плотной кварцевой грани, в какое-то мгновение нет-нет и кольнет глаз тонким, пронзительным синим лучом. Резкие тени, яркие краски, сочетание сине-фиолетовых и оранжево-бурых цветов постоянно напоминают колорит живописных полотен Рериха и Сарьяна.

Если войти в тень корабля, можно разглядеть на дневном небе самые маленькие звезды. Особенно хорошо видна чудесная голубая звезда — Земля... Рядом с ней, почти касаясь ее, желтая звездочка — Луна.

По-разному ведут себя две марсианские луны, два спутника, оживляющие небо над Марсом.

Вот на востоке из-за горизонта показался Деймос. Он кажется маленьким, величиной с пятак. Двое суток с половиной он будет не спеша плыть по небосводу, пока не сойдет за горизонт, чтобы через три ночи вновь появиться на востоке.

У Фобоса совсем другой характер. Он не появляется, а стремительно вырывается из-за горизонта. Желтый, немного сплюснутый с боков маленький диск быстро скользит по небу навстречу Деймосу, постоянно увеличиваясь в размерах. Через два часа после восхода Фобос достигает зенита; площадь диска в три раза больше, чем была у горизонта.

Но вот Фобос заспешил вниз, «худея» на глазах. Вот он встретился с Деймосом, луны разминулись, Фобос скрылся за горизонтом, чтобы через четыре часа вновь появиться на западе.

К сожалению, не все свои чудеса смогло показать марсианское небо первым землянам. Спустились космонавты на Марс не в декабре, а в любое другое время года, они смогли бы наблюдать как частичные, так и кольцеобразные солнечные затмения — проредки Деймоса, а суетливый Фобос устраивал бы для гостей затмения дважды за ночь.

И все же, несмотря на необыкновенную привлекательность этого зрелища, подолгу наблюдать метаморфозы марсианского неба космонавтам не удавалось: чтобы наверстать упущенные из-за песчаной бури дни, рабочее время приходилось сжимать до предела.

Первая вылазка.

Из носового отсека «Вихря» по трапу медленно сползает самоходный, внушительных размеров агрегат — аресограф.

Около двухсот физико-химических анализов атмосферы и грунта Марса производит и передает их результаты по радио на Землю этот сложный комплексный прибор. Данные эти очень нужны ученым и специалистам, создающим космическую технику, а главное — они помогут создать точную искусственную модель Марса.

Аресограф на поверхности планеты. Как и все механизмы, доставленные с Земли, он окрашен флюоресцирующей голубоватобелой краской, чтобы выделяться на красно-бурой поверхности Марса.

На месте водителя в зеленом скафандре восседает Василий Карпенко. Марина — скафандр на ней голубой — забралась на шасси и машет рукой Акоюну и Қалантарову. Роста они одинакового, лиц сквозь золотистые щитки гермошлемов издали не разобрать, различают их сейчас по скафандрам: в красном — Сурен, в светло-коричневом — Жора.

Едва слышно зашумел двигатель, аресограф тронулся, пополз по Марсу, оставляя за собой два гусеничных следа.

Холмистая равнина. Вокруг, по горизонту, невысокие горы. В трех километрах от «Вихря» на небольшом пятачке среди скал «будет установлен» на приколе аресограф. Место это выбрала Земля, использовав для расчета видеозапись корабельной телекамеры кругового обзора и данные «жучков». Тут нет пыли, нет и ржавых обломков песчаника, которые то и дело приходилось объезжать по дороге.

Карпенко уверенно справляется с управлением тяжелой машиной. Через двадцать минут пневматические якоря намертво закрепили аресограф на площадке среди скал. Остается сориентировать передающую антенну, проверить каналы связи, и можно включать программу автоматической лаборатории.

А вот Марине никакой автомат не в состоянии подсказать, в каком месте и с какой глубины брать пробы грунта на органику. Конечно, для экспресс-анализа на борту «Вихря» можно брать сколько угодно проб, но гарантии обнаружить признаки органической жизни, если она распространена на планете неравномерно, почти никакой, а термостатов для хранения проб у Марины ограниченное количество.

...Сегодня наконец установлен последний, третий, радиомаяк.

Каждое утро, едва забрезжит рассвет, вездеход с космонавтами отправлялся по новому маршруту за сорок-пятьдесят километров, к месту установки очередного маяка. Возвращался он к вечеру, когда садилось солнце и на западе низко над горизонтом зажигалась самая яркая звезда марсианского неба — голубая Земля.

Сигнал радиовызова прервал размышления Марины.

— Отзовись, Марина! — донесся из динамика веселый голос Виктора Сергеевича.

— Слушаю, командир. Как дела?

— Станцию мы установили. Сообщил на Землю, примерно в километре от нас, на противоположном склоне, очень интересный участок местности. Проедем туда, посмотрим вблизи, да и пробы возьмем. Жди нас часа через полтора. Ты про ужин не забыла? Мы голодны как волки!

— Не забыла, Виктор Сергеевич. Жду!

Марина готовила ужин с удовольствием. Накрывая на стол, поминутно отходила в сторону, критически осматривая свое творение. А были здесь, помимо всего прочего, и оранжерейные огурцы, и помидоры, и много всякой зелени. Сегодняшний ужин не простой — праздничный. Трудно поверить, что там, за обшивкой корабля, — пески Марса... Слишком уж буднично, по-деловому, проходит встреча землян с загадочной планетой. Пусть хоть этот ужин напомнит им о победе над миллионами километров пространства и о цели их долгого пути, которая сейчас здесь, под ногами.

На следующий день приступили к бурению марсианской коры. Место для скважины выбрано на дне небольшого, около пятидесяти метров в диаметре, кратера — естественного укрытия, словно специально созданного природой для размещения в нем буровой установки. Наружные склоны кратера пологие, внутренние — отвесные. Прямо на север — узкая щель. Совсем немного усилий и работы отбойными молотками — грунт не очень твердый, похож на спрессованный песок, — и щель превращена в до-

вольно-таки сносную дорогу, по которой и прибыла на место буровая установка.

По ходу бурения через каждые пятнадцать метров будут замеряться плотность и температура грунта: через двести метров по лифту станут подниматься на поверхность пробы, упакованные в герметическую оболочку. Если потребуется, на любой глубине специальное приспособление образует в грунте шаровидную полость — камеру диаметром около двух метров. Цветные телевизионные изображения срезов пород можно будет рассмотреть и здесь, на Марсе, и более тщательно — на Земле.

Около буровой установки в податливом песчаном грунте кратера вырыта пещера. Через несколько дней, когда с делами на Марсе будет покончено, здесь разместятся склад инструментов и вездеходы. Следующей экспедиции уже не придется все это оборудование брать с собой.

...Выбрав несколько свободных минут, Марина «раскрыла окно» и ахнула от удивления: за «окном» она увидела себя!

Именно такой — в вязаной шапке, легкой спортивной куртке и лыжных брюках — она в конце прошлого года приезжала в Сивково, чтобы немного отдохнуть и побыть одной.

В лучах низкого зимнего солнца блестит снег. Марина стоит у дерева и протягивает руку к птичьей кормушке. На стволе вниз головой висит поползень.

Сменился кадр.

Заснеженный сад. Лыжня, сбегаящая к реке. На противоположном берегу над крышами неподвижно стоят белые столбы дыма...

Последний день пребывания на Марсе.

Сергей Меркулов суетится, покрикивает на всех. С Марса на Землю будет доставлено около пяти тонн груза. Его надо распределить, как следует закрепить, сделать так, чтобы во время полета к отдельным пробам, особенно к тем, которые взяты для биологических исследований, можно было свободно подходить.

Последний медосмотр перед полетом. Получилось что-то вроде консилиума — Марине на этот раз активно помогали земные ученые. Зря они волновались — все в порядке.

Последний вечер.

Постояли у корабля после захода Солнца, молча посмотрели на далекую Землю, маленькую голубую звезду, давшую всем им жизнь.

Последний ужин на Марсе прошел тихо, без обычных споров и шуток. Слишком много всего... Завтра утром предстояло прощание человека с Марсом, пока еще не обитаемым островком в беспредельном океане космоса. Все знали, что человек еще вернется на этот остров, в самое ближайшее время сделает его обитаемым, познает многие из его тайн, но разлука с тем, чему ты отдал годы жизни, что надолго стало твоей мечтой, всегда вызывает печаль, и привыкнуть к ней невозможно.

«Вихрь» стартовал с Марса точно в назначенный срок — 29 декабря 199... года в 9 часов 11 минут по московскому времени.

Игорю Петровичу снится, что он идет босиком по раскаленной гальке черноморского пляжа. Вокруг почему-то не видно ни одной человеческой фигуры. Пустые лежаки, шезлонги, бело-красные мухоморы фанерных грибков, под которыми можно спрятаться от безжалостных лучей полуденного солнца. Море не дышит. Линия горизонта размыта парной дымкой. Он хочет подойти к ближайшему грибку, передохнуть в спасительной тени, но в двух шагах от него грибок исчезает, тает на глазах. Жара...

Комкая простыни, Игорь Петрович просыпается. Знакомые стены кабинета. На термометре двадцать шесть градусов.

«Почему так жарко в главном отсеке «Вихря»?» — приходит в голову первая мысль.

Волновой быстро одевается, подходит к столу и вызывает дежурного по Центру.

На видеозэкране лицо Галины Сергеевны Воронцовой.

Галя руководит одной из дежурных смен. Игорь Петрович знает ее уже лет двадцать, с того самого дня, когда после окончания института она переступила порог Центра. Сначала она работала в группе обеспечения старта, потом — в группе управления. Игорь Петрович первым выдвинул ее кандидатуру на пост начальника смены. И не ошибся. Когда дежурила Галина Сергеевна, в деловой атмосфере Центра чувствовалось что-то праздничное. В присутствии Воронцовой даже такой серьезный человек, как Семен Тарханов, изо всех сил старался выглядеть остроумным. Игорь Петрович часто ловил себя на том, что ему приятно говорить с Галиной Сергеевной, смотреть на нее, думать о ней.

Вот и сейчас с телевизионного экрана на него смотрело спокойное, милое лицо, на котором не было и следа бессонной ночи, многих часов тяжелого, напряженного труда.

— Время шесть часов двадцать минут. Траектория полета «Вихря» — расчетная. На вахте Виктор Сергеевич, — раздался голос Гали.

— Почему у них так жарко?

— Наверное, экономят энергию. Сейчас я дам команду, чтобы вернулись к норме.

— Не нужно.

После короткой паузы Воронцова спросила:

— Как отдохнули, Игорь Петрович? Математики только что заварили кофе. Если вы собираетесь к нам, я оставлю вам чашечку.

Галина Сергеевна повернула голову, каштановая волна длинных волос легла на ее плечо. Игорь Петрович смотрел на экран и терпеливо ждал, пока она отвечала невидимому собеседнику.

Что-то изменилось в их отношениях за последние полгода. Он стал теряться, когда разговаривал с Галей, сердился на себя за это. На время ее дежурства назначал совещания в городе, но, не дожидаясь окончания, садился в машину и гнал в Центр, чтобы самому успеть выслушать рапорт о сдаче дежурства. После рапорта он сухо благодарил начальников смен и отключал связь кабинета с внешним миром. Только отругав себя последними словами, успокаивался. В Центре уже привыкли, что

после пересменки у Главного наступает пауза, и в ближайшие полчаса старались его не беспокоить.

— Очередной сеанс связи ориентировочно в девять тридцать. «Вихрь» просил часа три-четыре их не беспокоить.

Волновому показалось, что Галина Сергеевна внимательно вглядывается с экрана в его лицо. Забыв, что видеосвязь односторонняя и Галина Сергеевна не видит его, он наклонил голову и, выдвинув ящик стола, принялся перебирать ненужные бумаги.

— Так что, я оставляю вам чашку кофе?

— Спасибо, — чувствуя, как подступает волна недовольства собой, тихо сказал Игорь Петрович. Откашлявшись, добавил: — Сделаю утренний тренинг и приеду.

Экран погас. Игорь Петрович надел тренировочный костюм и прошел в небольшую спортивную комнату, примыкавшую к кабинету. Укрепил на себе жилет со специальным поясом, включил бегущую резиновую дорожку и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее побежал по ней.

Он не пробежал и трех километров, когда из кабинета донесся резкий зуммер срочного вызова.

— Прошу срочно прибыть в аппаратную! Прошу срочно прибыть в аппаратную! — дважды повторила Галина Сергеевна и тут же отключилась.

Уже в коридоре из динамиков громкой связи он услышал голос Семена Тарханова:

— Игорь Петрович, на семнадцатой площадке вас ждет турболет. Я вас встречу у входа.

Пока добирался до семнадцатой площадки, он еще три раза услышал голос Семена: вызов передавал автомат.

В турболете Тарханов сообщил, что он тоже ничего не знает о причине срочного вызова.

Турболет летел низко над барханами. Мелькнула черная лента дороги, и снова разлилось желтое море песков. Оператор турболета включил телегазету. Диктор читал утренние «Новости». Картину сбора урожая цитрусовых сменила вчерашняя вечерняя передача с борта «Вихря». Сурен Аюпян делился своими впечатлениями «О межпланетной среде солнечной системы».

— Только для средневековых астрономов космос казался черной пустотой, фантастическим «нечто». В космосе, как нигде, чувствуешь реальность нашего мира, с его безграничными просторами, с мириадами звезд — одиночных, двойных, сведенных в созвездия... Мне кажется, разум человечества с его вечной жаждой познания может полностью выразить себя только здесь, потому что бесконечность человеческой мечты под стать расстояниям, неизмеримым лишь со скоростью солнечного света...

«Что же все-таки случилось? — думал Волновой. — Очередной сеанс связи с «Вихрем» планировался на 9.30. Зачем нас так срочно вызывают в аппаратную?»

На территории аппаратной, а иначе — «Станции приемных и обрабатывающих устройств», не было огромных движущихся чаш параболических антенн, не было антенных полей, некогда символизировавших дальнюю космическую связь. Мощные стальные штыри, различные по высоте и направленности острых граней, занимали всего лишь небольшую площадку, возвышавшуюся над всеми помещениями станции.

Игорь Петрович резко выпрямился, посмотрел вверх. Через прозрачную крышу турболета он увидел небо. Белесое утреннее небо, на котором уже не осталось ни одной звезды.

Турболет сделал вираж и пошел на посадку.

Игоря Петровича и Семена никто не встречал.

День четыреста пятьдесят четвертый

В главном зале аппаратной непривычно много народа. Волновой сразу определил — собралась две смены, но передача дежурства почему-то задерживается. Он прошел к пульту начальника смены и остановился за спиной Галины Сергеевны.

Комбинационный экран размером восемь на восемь метров занимает почти всю стену зала перед главным пультом. На экране на фоне неподвижных звезд в различных направлениях передвигаются ярко светящиеся точки — искусственные спутники-маяки, служащие отсчетными точками для наземной и космической навигации.

— Прошу срочно организовать прямой видеоканал с Институтом астрономии, — не отрывая глаз от экрана, говорила с кем-то по телефону Воронцова. — Да, срочно!.. Ваши трудности сейчас меня не интересуют. Через десять минут жду прямой канал связи.

Галина Сергеевна положила трубку, левой рукой придвинула к себе микрофон.

— Что «Вихрь»? Почему не докладываете, установлена ли связь с «Гранитом»?

— «Вихрь» не отвечает ни по одному из трех каналов, — тут же отозвался в динамике назкий мужской голос. — Через каждые сорок секунд даем аварийное оповещение.

— Импульс сигналов до максимума!

Воронцова отодвинула микрофон и, почувствовав на себе взгляд Волнового, повернула голову.

— Судя по всему, — быстро заговорила она, ничуть не удивившись появлению Главного, — «Вихрь» вошел в облако астероидов. Появление астероидов на расчетной трассе зарегистрировано в шесть двадцать восемь.

— Откуда они взялись на трассе?

Галина Сергеевна пожала плечами.

— Пять минут назад наша аппаратура не регистрировала там никаких посторонних объектов.

Галина Сергеевна повернулась к пульту, утопила несколько клавиш. Комбинационный экран засветился ярче. Перемещающиеся и неподвижные космические аппараты исчезли. На экране застыло чистое звездное небо. Справа от созвездия Орion медленно двигалась группа космических объектов, среди которых зеленой звездочкой мерцал «Вихрь».

— Пока насчитываем двенадцать видимых тел, — продолжала доклад Воронцова. — По последней сводке международного Центра пилотируемых космических объектов, в этом районе нет ни одного искусственного тела. Окончательный анализ космической обстановки можно провести после возобновления связи с «Вихрем».

Волновой сразу отметил, что в голосе начальника смены не было и нотки растерянности — прекрасное самообладание! Ему понравилось, что Галина Сергеевна ни разу не сослалась на ошибочный прогноз астрономов. Он сам просматривал его вечером, в течение двух недель на трассе полета не ожидалось появления посторонних космических тел. Орбиты двух тысяч известных астероидов располагались в стороне от района, где сейчас находился «Вихрь». Неожиданное появление группы астероидов в этом районе казалось совершенно необъяснимым.

— Есть связь с «Вихрем»? — прервал размышления Волнового мужской голос в динамике на пульте. — Галина Сергеевна, переключая канал на вас.

— «Гранит», «Гранит», я — «Аврора»! Как меня принимаете? Сообщите обстановку... — Голос Воронцовой был по-деловому уверен и спокоен. — «Аврора» предлагает «Граниту» внеочередной сеанс связи.

На шести видеоэкранах появилось лицо командира «Вихря».

— Я — «Гранит». Вижу и слышу вас хорошо. В шесть ноль восемь провели коррекцию, дали маршевое ускорение. В шесть десять наши локаторы зарегистрировали первый импульс от группы неизвестных космических объектов. В шесть двадцать шесть вошли в плотное облако астероидов. Скорость корабля и астероидов разная. Повреждений внешних конструкций корабля нет.

— Виктор Сергеевич, включите, пожалуйста, внешнюю телекамеру, — попросила Воронцова — Хотим посмотреть на ваших спутников.

На трех нижних видеоэкранах появился коричневый с красными и черными прожилками обломок космического тела. Астероид был настолько велик и так близко от корабля, что его изображение полностью не умещалось на экране.

— Неплохо он выглядит, — Галина Сергеевна заставила себя улыбнуться.

— Да, любопытное соседство, — согласился командир «Вихря». — Даю круговой обзор.

Через полторы минуты на комбинационном экране появилась крупномасштабная план-карта района нахождения космического корабля. В центре — «Вихрь». На различных расстояниях от него около пятидесяти астероидов разной величины и формы. Самый маленький из них был в несколько раз больше «Вихря». У всех астероидов двоянное изображение — корабль и космические осколки летели с разными скоростями.

Волновой сел в кресло дублера начальника смены, знаком попросил включить микрофон перед собой.

— Виктор Сергеевич, с вами будет говорить Игорь Петрович. — Воронцова нажала клавишу на пульте и устало откинулась на спинку кресла.

— Виктор, новая ситуация — сюрприз и для нас, — улынувшись, начал Волновой. — Прямо скажу, мне все это не очень нравится. Какое предлагаете решение?

— Пока маневрирую на ручном управлении. Экипаж в скафандрах. Ввожу в ЭВМ параметры движения астероидов.

— Аварийная капсула к стыковке и автономному полету готова?

— Весь экипаж, кроме меня и вахтенного, в капсуле.

— Одобряю! — Волновой повернулся к Галине Сергеевне. — Приготовьтесь взять на себя управление «Вихрем». Виктор, — снова обратился он к командиру корабля, — пойми меня правильно. Наши машины обрабатывают информацию в пять раз быстрее, чем твоя бортовая ЭВМ. Пока не уравнилась скорость корабля и астероидов, мы берем управление на себя. Следующее решение примем вместе. Согласен?

— Спасибо, вы освобождаете нам время для завтрака! — Виктор Сергеевич в первый раз за время разговора улыбнулся. — Действуйте. Ждем ваших команд.

Волновой молча кивнул, встал и принялся ходить в проходе между креслами. Он понимал, что принимаемые меры по уравниванию скорости космического корабля и астероидов дают лишь временную передышку. Скорее всего «Вихрь» попал в облако осколков крупного космического тела. Эти осколки могут и наверняка будут дробиться дальше. Столкновение астероидов между собой — это взрыв, неожиданный залп по кораблю десятков снарядов. Любой из них может пробить обшивку «Вихря».

— Скорость сравнялась! — услышал он за спиной радостный голос Галины Сергеевны. — «Гранит», вы меня слышите? Скорости корабля и окружающих вас астероидов сравнялись.

Не оглядываясь, Волновой прошел в сектор математиков. Вычислительная машина, рассчитывавшая для план-карты местонахождение отдельных астероидов, выдавала обобщенные данные:

«...стая астероидов яйцевидной, почти правильной формы. Длина — семьдесят километров, поперечник — тридцать. Общее количество космических тел — восемнадцать тысяч четыреста шестьдесят. По размерам и массе опасны для корабля — тысяча сто шестнадцать. Ближайший выход по прямой — четырнадцать тысяч восемьсот метров, по вектору скорости — шестнадцать тысяч двести метров. Прогноз: ближайший к кораблю астероид 32—34 начнет распадаться через сто десять минут. Вероятность прогноза — девяносто пять процентов...»

— У нас в запасе сто десять минут, — сказал кто-то за спиной Волнового.

Игорь Петрович оглянулся.

— Сто десять минут, — повторил Семен Тарханов. — Успеем отвести корабль, Игорь Петрович?

— Отсчет времени на план-карту! — приказал дежурному математику Волновой, так ничего и не ответив Тарханову, и быстро пошел к пульту начальника смены.

Нужно было срочно принимать какое-то решение. Где-то же был выход из этого лабиринта астероидов. Где? Сейчас он думал только об этом, мобилизовав все мысли на решение главной задачи. Потом ученые будут ломать себе головы над загадкой их появления, над тем, почему молчали локаторы корабля... Все это потом.

Когда Волновой сел в кресло дублера начальника смены, отсчет времени показывал 107 минут.

— Ну как, на щите или под щитом? — увидя Главного, спросил с экрана командир «Вихря».

— Повтори... Повтори, что ты сказал, — чувствуя, как запылало от волнения лицо, попросил Волновой.

— Ждем указаний с Земли, — поправился Виктор Сергеевич.

— Ты сказал — на щите или под щитом? — громко и резко произнес Волновой. — Виктор, это же идея! — Он резко повернулся к Воронцовой. — Дайте мне координаты ближайшего к кораблю астероида, распад которого не прогнозируется даже при столкновении.

На пульте светился экран-информатор ЭВМ. Крупной строчкой потянулись слова: «...по вектору скорости вправо, угол двадцать восемь минут, тело 32—15. Расстояние восемьсот пятьдесят метров. Масса тела... Геометрические размеры... Расстояние до корабля... Вероятность столкновения четыре тысячных».

— Виктор, ты слышишь меня? Под щитом! Только под щитом! — Волновой даже не пытался скрыть, как он взволнован. — Ты меня понял, Виктор?

— Вы... Вы предлагаете использовать в качестве щита астероид?

Волновой оглянулся на голос и увидел восторженные глаза Галины Сергеевны.

— Готовьте расчеты. Будем стыковаться с астероидом 32—15. — Волновой повернулся к экрану. — Твое слово, Виктор!

Вместо лица командира «Вихря» он увидел на видеоэкране белозубую улыбку бортинженера Акопяна.

— Под щитом, Петрович! Конечно же, под щитом!

— Бортинженер Акопян, наденьте шлем скафандра! — из динамика послышался спокойный голос командира. — Почему вы покинули аварийную капсулу?

Акопян исчез с экрана, вместо него снова появился командир «Вихря».

— Вы уже слышали мнение экипажа, — сказал Виктор Сергеевич. — Я тоже считаю, что прикрыться астероидом как щитом — наилучший выход в нашем положении. Будем ждать, что скажут ЭВМ.

— У нас в запасе... — Волновой поднял голову и посмотрел на отсчет времени на план-карте. — У нас в запасе 98 минут.

VII

Воронцова попросила разрешения Главного продлить смену дежурства до окончания маневра «Вихря». Нарушая собственный приказ о порядке дежурств, Волновой дал согласие. Экипаж космического корабля попал в опасную ситуацию во время дежурства ночной смены, и выйти из этой ситуации космонавтам должны были помочь на Земле те же люди.

— Пришел ответ из Института астрономии, — сообщила Галина Сергеевна подошедшему Волновому. — Хотите познакомиться?

Она нажала клавишу, и на одном из экранов поплыли слова текста:

«...Стая осколков галактического происхождения, ранее не зарегистрированных, движется по параболической орбите под углом

к плоскости эклиптики в 16 градусов. В настоящее время находится в точке пересечения с плоскостью эклиптики. Совпадение траектории корабля и орбиты астероидного облака — четыре часа».

— Экипаж «Вихря» просил провести стыковку корабля с астероидом на ручном управлении, — почему-то смутившись, доложила Галина Сергеевна. — Я дала свое согласие.

— Прекрасно! — одобрил Игорь Петрович.

Лицо Галины осунулось, под глазами наметились черные тени. «Успела она хотя бы выпить кофе? — Игорь Петрович вспомнил ее утреннее приглашение. — Устала, а держится молодцом!»

— Кто будет управлять «Вихрем» во время стыковки? — вслух спросил Волновой. Он старался, но не мог отвести взгляд от милого женского лица.

Словно чувствуя его борьбу с собой, Галина Сергеевна отвернулась к пульту и протянула ему через плечо листок бумаги.

— Это медбюллетень на восемь ноль-ноль. Врачи рекомендуют Меркулова.

Волновой принялся читать. Коэффициент общего состояния у членов экипажа «Вихря» колебался от 0.78 до 0.65. Самый высокий был у Сергея Меркулова. Самый низкий... Путают что-то врачи! Самый низкий коэффициент был у командира «Вихря».

Неужели Виктор Сергеевич так устал? По лицу незаметно. Голос уверенный, не спешит с принятием решений.

— Вызовите, пожалуйста, командира «Вихря», — попросил Волновой.

На трех нижних экранах появилось лицо командира корабля. Волновой увеличил масштаб изображения. Глаза Виктора Сергеевича смотрели прямо, все с той же знакомой доброй хитринкой.

— Игорь Петрович, до распада астероида 32—34 остается тридцать семь минут, — спокойным, ровным голосом заговорил с экрана Панин. — Расчет траектории тройной: Земля, бортовая ЭВМ и штурман. Предлагаю управление стыковкой с астероидом 32—15 проводить вручную. Управлять кораблем будет второй пилот Меркулов. Маневр начинается через четыре минуты.

— Добро! — Волновой кивнул головой. — Передаю тебя начальнику смены. У Галины Сергеевны рука счастливая.

— «Гранит», я — «Аврора», — тут же принялась за дело Воронцова. — Траекторию, относительные скорости, расстояние будем сообщать на борт в следующем порядке: реальное время, прогноз на минуту, три, пять, десять минут вперед...

Волновой поднялся и, стараясь не смотреть на Галину Сергеевну, отошел в сторону. Руководить таким сложным маневром, как стыковка и вывод космического корабля из астероидного облака, должен кто-то один. Руководитель возьмет на себя всю ответственность, он может надеяться только на себя.

На комбинационном экране разворачивалась впечатляющая картина. В центре — корабль. Под ним и чуть впереди — астероид 32—15, с которым должен состыковаться «Вихрь». Четкая красная линия показывает траекторию маневров корабля, зеленые пунктирные линии — допустимые отклонения. Этих зеленых линий очень и очень много... Управление стыковкой должно быть предельно точным. Движение корабля происходит по узкому

коридору равного притяжения, чтобы не потревожить и не вызвать распада соседних астероидов.

Оптимальный вариант движения «Вихря»: с маневром по курсу корабль обгоняет астероид, опускается с противоположной стороны. Поверхность астероида в этом месте более ровная, удобная для причаливания. Силуэт астероида 32—15 напоминает лежащего на льдине моржа. В том месте, где голова зверя плавно переходит в спину, и должен опуститься «Вихрь».

Маневр начался. На комбинационном экране корабль медленно обгоняет «моржа». Зависает.

— Земля! Сорентировались! Проверьте наше положение! — несется из динамиков главного зала аппаратной уверенный голос Сергея Меркулова.

«Что-то долго вычислительные машины Центра проверяют точность ориентации, — думает Волновой. — Осталось тридцать шесть минут».

— «Гранит», сорентировались отлично, — звучит в динамиках голос Воронцовой.

На комбинационном экране красная капля космического корабля начинает скользить вниз... Приближается самая опасная часть маневра — стыковка.

Волновой быстро проходит в сектор психофизиологии. На видеокранах командный отсек «Вихря». В креслах пилотов — Сергей Меркулов и Виктор Сергеевич. Оба в скафандрах. Почему-то пусто кресло штурмана. Нет, вот и Георгий Калантаров. Низко склонив голову к пульту, штурман работает на ЭВМ.

Что это? Коэффициент «К» у Сергея Меркулова снизился с 0,76 до 0,71. Ничего, ничего... Это волнение лидера, успокаивает себя Волновой. У командира «Вихря» коэффициент «К» даже немного увеличился — 0,7. Прекрасно, Виктор!

— «Аврора», по нашим расчетам, импульс — 1108, — раздался из динамика голос Меркулова. — Прошу сменить импульс.

— «Гранит». С коррекцией согласны! — тут же отзывается Воронцова. — Новый импульс — 1108.

Волновой ловит на себе взгляд Семена Тарханова и отворачивается. Коэффициент «К» у Главного, наверное, сейчас ниже, чем у любого члена экипажа «Вихря». Волнуется Игорь Петрович. Трудно быть простым наблюдателем. Мучительно трудно заставить себя не вмешаться, не взять в свои руки непосредственное управление кораблем.

— «Аврора», начинаю торможение!

Все, кто сейчас находится в главном зале аппаратной, с напряжением всматриваются в лицо Сергея Меркулова. На десятки экранов транслируется изображение второго пилота «Вихря»: широкоскулое простоватое лицо парня-увальня, чуть проступают на висках лучики первых морщин...

— «Аврора», маневр закончил. «Гранит» состыкован с астероидом 32—15.

Все. Теперь можно подойти к Воронцовой. Главный быстро идет к пулту начальника смены и останавливается за креслом Галины Сергеевны. Нужно сказать какие-то слова, но он не находит их сразу...

— Игорь Петрович, хочу с вами посоветоваться, — сухо, поделовому говорит Галина Сергеевна.

Она могла бы дать себе несколько секунд передышки, думает Волновой. Чем он может сейчас помочь ей? Только улыбкой.

— Слушаю вас, Галина Сергеевна.

— Из Института астрономии получены данные экспресс-исследования. При включении маршевого двигателя осколок астероида позади «Вихря» может взорваться...

С лица Главного медленно сползает улыбка. Он поднимает голову, всматривается в план-карту на комбинационном экране. Осколок астероида за кормой «Вихря» напоминает силуэт средневекового замка.

VIII

Вычислительные машины на Земле прогнозируют: после включения маршевых двигателей «Вихря» осколки взорвавшегося за его кормой астероида не попадут в корабль и в астероид 32—15. Согласно план-карте на комбинационном экране опасный сектор находится в противоположной направлению полета стороне. Вероятность прогноза — восемьдесят семь процентов.

Волновой рассматривает на видеоэкране изображение астероида за кормой «Вихря». До чего же все-таки красив этот «замок», думает Игорь Петрович. Одна башня сохранилась почти полностью. Не хватает только родового герба, чтобы разгадать, какому герцогу он принадлежал...

— «Аврора», «Гранит» готов к запуску маршевых двигателей!

Волновой старается не считать про себя: четыре, три, два, один...

— Пуск! — раздается в динамике команда начальника смены.

Изображение «замка» исчезает за яркой вспышкой... Через мгновение на экране непроглядная тьма, рассекаемая лишь искрящимися горизонтальными полосами помех.

— «Аврора», «Аврора», — сквозь шорохи и треск эфира глухо прорывается голос Сергея Меркулова, — продолжаю движение. Ударов по корпусу не ощущаю.

На посветлевшем видеоэкране, словно в кадрах замедленной киносъемки, медленно разваливается «замок». Угловая башня отделяется, плывет вниз, исчезает из поля зрения. Ядро астероида распадается... Вращающиеся обломки сталкиваются, дробятся.

На комбинационном экране, под прикрытием огромного тела «моржа», корабль медленно приближается к астероиду 12—37. Отсчет времени показывает, что до распада астероида 32—34 осталось семнадцать минут.

— «Аврора», прохожу 12—37... — Помехи в эфире мешают разобрать интонации в голосе Сергея Меркулова.

На одном из видеоэкранов крупным планом проплывает глыба космического тела. Поверхность его с округлыми, приплюснутыми бородавками выступов напоминает бугристую кожу какого-то земноводного, холодно поблескивает. Цвет ее меняется на глазах: осенняя охра принимает коричневый оттенок, темнеет. Границы выступов исчезают, растворяются в черной тени.

Волновой переводит взгляд на приборный щит жизнеобеспечения «Вихря»: влажность — 96 процентов, температура в главном отсеке корабля — 32 градуса. Настоящие тропики! Экипаж экономит энергию. Да, работать сейчас в этих тропиках несладко!

Отсчет времени на комбинационном экране: до распада астероида 32—34 — восемь минут. Космический корабль все еще находится в опасном секторе. Вероятность прогноза поражения корабля осколками космического тела при взрыве — 91 процент.

Маршевые двигатели «Вихря» работают одиннадцать минут. Корабль расходится с астероидом 18—46. Эта громада длиной около двух километров напоминает очертаниями рыбу.

Изображение на видеоэкране неожиданно смазывается. Сквозь частую сетку помех пробивается слабое изображение «моржа», над головой которого вырастает султан брызг. В сторону «рыбы» летят мелкие осколки... Щит «Вихря» натолкнулся на небольшой астероид. Лишь бы осколки после взрыва не вызвали распад «рыбы»!

Кажется, пронесло... «Вихрь» оставляет «рыбу» позади себя. Маршевые двигатели работают четырнадцать минут.

До распада астероида 32—34 — пять минут. «Вихрь» все еще находится в зоне возможного поражения осколками.

Впереди по трассе корабля «грецкий орех», последний большой астероид на границе выхода из облака. К сожалению, стороной этот «орешек» не обойти: справа и слева по курсу — плотные скопления крупных осколков. Расходиться с «орехом» придется почти впритирку.

На видеоэкранах лицо Сергея Меркулова. Защитный щиток шлема скафандра откинут. На лбу и висках пилота поблескивают мелкие капельки пота. Жарко! Что может быть проще, опусти щиток шлема и переиди на автономное жизнеобеспечение скафандра! Но щиток шлема открыт. Экипаж должен знать: пилот не боится неожиданной разгерметизации корабля при столкновении с астероидом, он полностью уверен в благополучном окончании маневра.

— Ближайшее расстояние по осям двадцать три метра, — перекрывает треск эфира низкий голос Сергея Меркулова.

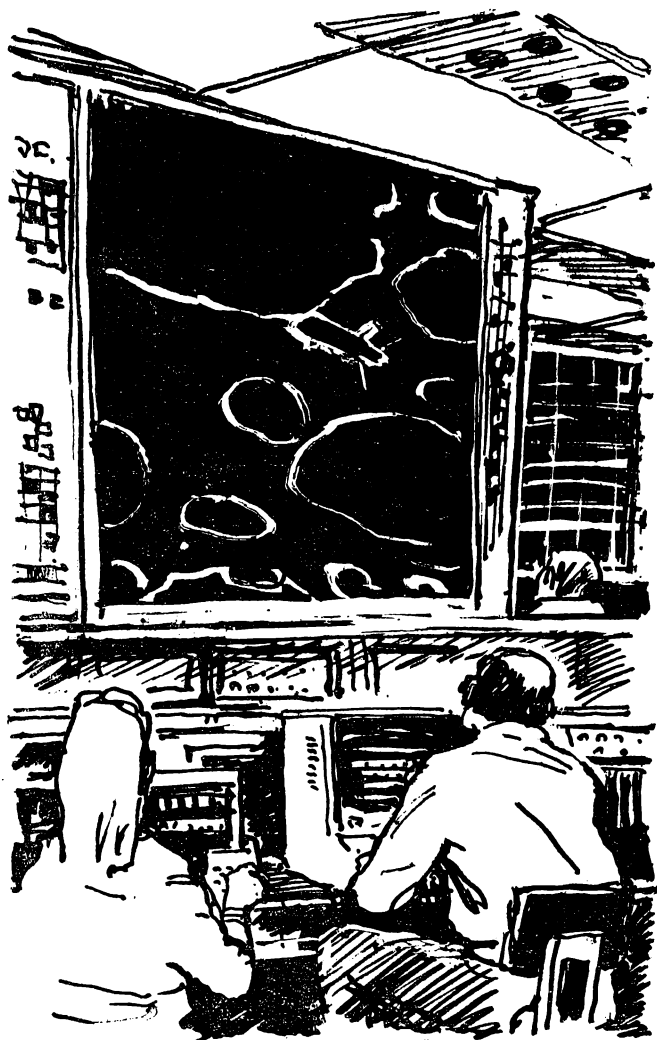
Лишь бы массы астероида-щита и «грецкого ореха» были рассчитаны правильно. Если двигатели корабля не уравновесят силу притяжения этих двух космических тел, то столкновение неизбежно. Тогда корабль мгновенно исчезнет в облаке взрыва.

— «Гранит», через двадцать секунд начинайте прибавлять тягу, — командует в микрофон Галина Сергеевна.

Не рано ли увеличивать скорость? Расстояние от головы «моржа» до черной скорлупы «грецкого ореха» всего двадцать три метра — все равно что лезвие бритвы между молотом и накопальной. Не сдадут ли нервы у начальника смены? Сейчас желание поскорее отделаться от опасности может повлечь за собой катастрофу.

— «Гранит», начинаю отсчет времени. С нулевой позиции начинайте добавлять тягу.

Что это — поспешное решение, диктуемое усталостью, подсознательное желание избавиться от колоссального напряжения или точный расчет?

— Восемь... семь... шесть...

Есть еще время вмешаться.

— Четыре... три... два...

Усилим волн! Главный не позволяет себе отдать приказ «Отставить!».

— Расстояние между осями сорок семь метров... — Волновой прислушивается к голосу Сергея Меркулова. — Задействованная мощность двигателей...

«Грецкий орех» остается позади. «Проскочили, — переводит дух Главный. — Хорошо, что в последнюю секунду не крикнул: «Отставить!» Умница Галина Сергеевна! Молодец, Галочка!»

Маршевые двигатели «Вихря» работают семнадцать минут.

Корабль все еще находится в опасной зоне.

До распада астероида 32—34 две минуты... Шестьдесят секунд... тридцать секунд... пятнадцать...

Под надежным прикрытием астероида 32—15 «Вихрь» наконец выходит за пределы скопления. Взрывы внутри его теперь не страшны. Осколки не разлетятся далеко, их основная масса проследует по прежней орбите и вскоре навсегда покинет солнечную систему. Та же судьба ждет и «щит» корабля, двигатели лишь немного изменили его ускорение, но этого оказалось достаточно, чтобы основной рой пронесся дальше.

Теперь настала пора прощаться. Сейчас включатся маршевые двигатели, и корабль вновь перейдет на свободный полет, навсегда расставшись со своей временной гаванью.

Над пультом управления замигало красное табло — автомат дает предупредительный сигнал. Остается одна минута до пуска двигателей, вновь начинается отсчет времени. Вместе с командой «Пуск!» в аппаратную прорвался искаженный помехами голос Панина:

— «Аврора». Я — «Гранит». Отмечаю... резко возрос...

Фраза оборвалась на полуслове.

После долгой паузы экран над главным пультом управления вновь осветился. Одно за другим начали поступать сообщения наземных станций наблюдения:

— Телерадиосвязь с «Гранитом» потеряна...

— «Гранит» вышел из зоны слежения сектора восемь...

— Пять аварийных каналов связи задействовали! Ответный импульс сигнала — ноль...

— В зоне слежения секторов шесть, четыре, десять «Гранит» не обнаруживается...

Перед залитым молочным туманом видеоэкраном сидит руководитель полетом Игорь Петрович Волновой. В кабинете Главного тихо. После объявления сигнала тревоги участники совещания с сотрудниками Института астрономии тут же покинули кабинет. Волновой ждет доклада начальника смены.

Неужели катастрофа? И это после удачной посадки и взлета с Марса! После пятнадцати месяцев полета, почти у самого порога дома. В каких-то полутора миллионах километров от Земли!

IX

— «Аврора», я — «Гранит». Отмечаю изменение ускорения, отмечаю изменение ускорения! Разгон идет нормально!

Неожиданно видеоэкран оперативной связи с Землей залил молочно-белый туман.

— Жора, как выносные телекамеры? — В голосе командира тревога.

— Все в порядке. Изображение и фокус четкие.

— Нет телесвязи с Землей. Запроси «Аврору» по аварийным радиоканалам.

В динамиках рации ни звука. Не слышно даже обычных для эфира потрескиваний. Сергей Меркулов немедля занялся автоматом проверки связи, Виктор Сергеевич проверил управление.

— Что же все-таки со связью?

— Связь должна быть. — Меркулов, как всегда, говорил спокойно, чуть-чуть растягивая слова. — Автомат в полном порядке.

Панин размышлял недолго. Если автомат в порядке и в аппаратуре самого корабля нет никаких сбоев, то может быть только одна причина: между кораблем и Землей возник непроницаемый для радиоволн экран!

Виктор Сергеевич рывком поднялся с кресла.

— Жора, — обратился он к штурману, — радиоракету к запуску!

Через минуту радиозонд ушел в космос.

Некоторое время в наушниках штурмана слышалось частое попискивание радпомаяка, затем сигналы внезапно смолкли.

— Мы за барьером! — тихо высказал предположение Калантаров.

— Сейчас я вам скажу совершенно точно... — Сергей Меркулов радиолокатором «прощупывал» пространство. — Вокруг корабля в радиусе шести километров встала непробиваемая для сигналов преграда.

— Что же это такое? — В голосе Меркулова слышалась растерянность.

— Пока с уверенностью можно сказать лишь одно, — подчеркнуто спокойно ответил Панин. — Образование экрана как-то связано с облаком астероидов. Возможно, там существует какое-то мощное излучение или выделяется сильно ионизированный газ, этим еще займутся ученые, для нас важно только одно. Зона поглощения сигналов не может быть слишком велика. Как только мы разойдемся с облаком на достаточное расстояние, эфир станет опять прозрачным.

— Послушайте! — воскликнул Меркулов, — а ведь это объясняет, почему астероиды появились так неожиданно. Если вокруг облака периодически возникала зона, поглощающая все радиосигналы, наши локаторы не могли его обнаружить!

— Да, но это означает, что на какое-то время мы остались без глаз, без ушей, без голоса. Я хочу знать ваше мнение, как нам жить дальше? Может быть, попробовать изменить орбиту, уйти в сторону? Мы и так израсходовали на эти астероиды почти все резервное топливо; если сейчас вновь запустим двигатели — будем потом мотаться в космосе, как беспомощные котята. Подавать сигнал бедствия, вызывать заправщик на такое расстояние? Все это слишком сложно. По-моему, надо продолжать полет, — закончил свою мысль Акоюн. — Непосредственно нам ничего не грозит, раз облако уходит все дальше.

— Нам-то что, — откликнулся Георгий Калантаров. — У нас все в порядке. А вот какво им без связи там, на Земле! Будем работать в слепом полете... — Георгий неуверенно улыбнулся. — Нам не привыкать!

— Наверняка наша «клетка» будет уменьшаться, — задумчиво проговорил Василий Карпенко. — Энергия экрана постепенно должна рассеиваться...

Перебивая друг друга, заговорили все.
— Нужно прорубить в «клетке» окно!
— А что?! Лазером и прорубим!
— Проще запустить ракету с антенной.
— Ты бы еще предложил протянуть сквозь «клетку» телефонный провод!

Виктор Сергеевич, конечно, знал, как дальше жить и что делать. Его волновало другое: горстка уставших людей больше года связана с Землей лишь тоненькой ниточкой телерадиосвязи. И вот эта единственная ниточка оборвалась...

В последнее время командир «Вихря» замечал, с каким особым нетерпением его товарищи ждали очередного сеанса связи с Землей, как пытливно всматривались в знакомые и незнакомые лица, с какой жадностью разглядывали обыкновенные земные предметы, попадавшие в поле зрения телекамер. А после долго, с серьезным видом обсуждали, идет ли новая прическа Галише Сергеевне, не случилась ли какая неприятность у Семена Тарханова, продержится ли хорошая погода в Подмосковье до их возвращения на Землю.

Изоляция «в четырех стенах» космического корабля не шутка. Для того они и прошли на Земле специальный курс психологической подготовки. А регулярные гипноотпуска и гипностимуляция в полете? Они тоже сказали свое слово, не давая развиваться болезням одиночества. И все-таки, когда до приземления остаются считанные дни, выдержат ли они?

Вторые сутки слепого полета

Корабль с прежней скоростью приближается к Земле. Размеры «клетки» уменьшаются, но очень и очень медленно. Всего на несколько десятков метров в день.

Третьи сутки слепого полета

— Виктор Сергеевич, «клетка» сжимается! Скачок в двести пятьдесят метров! Эта чертовщина не подчиняется никаким законам!

— Будем включать локатор каждые полчаса.

— Вот когда можно по-настоящему оценить все удобства современной техники! — смеется Акоян. — С Землей не свяжешься, по спутникам-маякам не определишь, где находишься... Вокруг настоящая чащоба, хотя нет ни дерева, ни кустика!

Космический штурман Георгий Калантаров ориентируется как во времена Колумба — по звездам. Сейчас он готовится к очередной коррекции трассы. Сложность задачи в том, что топлива для двигателей осталось мало, слишком дорого обошлись кораблю маневры с «моржом».

— Виктор Сергеевич, топлива осталось только на две коррекции!

Четыре раза Сергей Меркулов и Сурен Акоян производили расчеты на бортовой ЭВМ. Ответ получался один: с имеющимся запасом топлива «Вихрь» сможет только выйти на земную орбиту. Для маневров и стыковки корабля с орбитодомом без дополнительной заправки не обойтись!

Четыреста шестьдесят третьи сутки полета
На вахте Георгий Калантаров.

Экипаж отдыхает по своим каютам. В кресле штурмана дремлет Сергей Меркулов. После исчезновения связи командир назначает вахтенному дублера.

Корабль летит по трассе.

Забот у вахтенного сейчас немного — сиди перед экранами обзорных телекамер, смотри на звездное небо да слушай немой эфир.

Четвертую минуту на левом экране мигает новая точка. Наверное, блуждающий астероид. Автомат слежения за космическими телами сейчас выдаст параметры орбиты незнакомца. Пока ЭВМ работает, Сережа Меркулов может спокойно спать.

На информационном экране медленно плывут цифры. Что это? Ускорение появившегося космического тела нарастает...

Корабль... Навстречу «Вихрю» движется космический корабль!

— Сергей, буди командира, — Калантаров никак не может справиться с голосом. — Ты слышишь, Сережа? Нас встречают!

По всем отсекам «Вихря» гудит зуммер аврала.

— Вижу световые сигналы! — Меркулов чуть ли не лбом упирается в экран перед пультом второго пилота. — Морзянка! Дают повторное оповещение!

— «Гранит», я — «Аврора-2», — за спиной Калантарова вслух читает световые сигналы на экране Виктор Сергеевич. — Мой... повторный... пролет... через... сорок... пять... минут... как... меня... поняли... я... «Аврора-2».

— Как же они нас нашли? — Калантаров поворачивается к командиру. — Мы ведь микроскопический обломок иглолки в стогу сена! Нас же не берет никакой локатор!

— Нашли! — Марина обнимает Сергея Меркулова. — Мальчики! Нас нашли!

— Ну и что тут такого? — притворно ворчит Акопян. — Тоже мне победа техники! Примерная трасса нашего полета известна любому школьнику. Организовали коридор из десятка ракет, вот и все!

Марина по очереди целует всех своих товарищей. Поцелуй в щеку получает и скептик Акопян.

— Вижу еще один корабль! — докладывает Сергей Меркулов. — Интенсивность и яркость световых сигналов иная.

На информационном экране медленно плывут слова расшифрованного текста:

«Траектория трассы «Вихря» близка к расчетной. Для выхода на земную орбиту потребуется две коррекции. Корабль окружен облаком отрицательно заряженных частиц. Наружный диаметр сферы оболочки — шесть километров. При выходе на земную орбиту диаметр оболочки не превысит двух километров. Через сорок два часа встречайте корабль-заправщик. Перед последней коррекцией выбросьте антенну — кварц шестнадцать, код шестьдесят пять...»

Вечером за ужином в кают-компании Сурен Акопян попросил чаю погорячее.

— Да, что-то у нас сегодня прохладно, — поддержал его Жора. — Хоть свитер надевай!

— Прохладно? — переспросил командир. — А я почему-то не почувствовал.

Виктор Сергеевич принялся старательно размешивать в стакане сахар. Смотревшему на него Сурену показалось, что командир еле удерживает готовую сорваться улыбку.

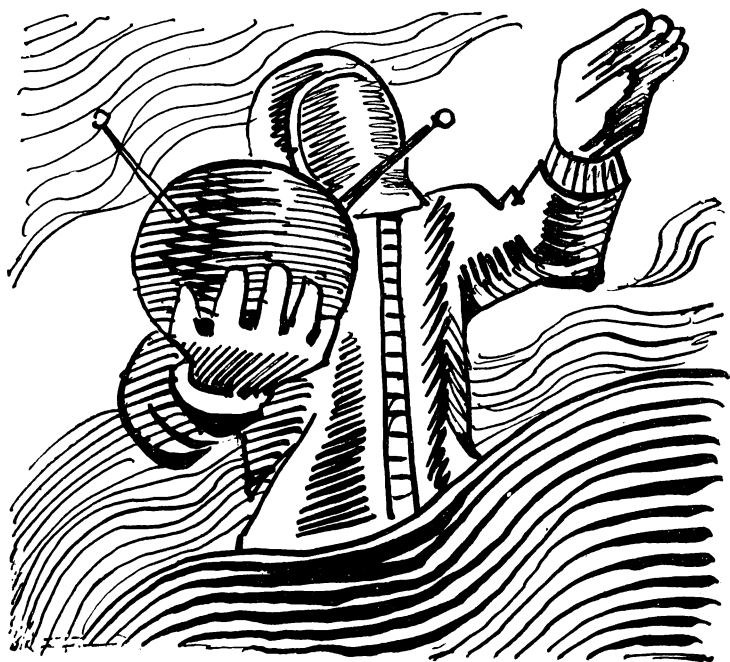
— До встречи с заправщиком еще двадцать девять часов, — после паузы забасил Сережа Меркулов, — а мы уже прекратили экономить энергию. Кондиционер в кают-компании работает пять часов без перерыва!

— Замерзли, товарищи мужчины? — звонко спрашивает Марина. — Какне вы все стали неженки. Да, это я включила кондиционеры во всех отсеках корабля, и до конца полета они будут работать только в одном режиме. А ну-ка вспомните, какая средняя дневная температура в Подмоскovie в этом месяце?

— К помощи ЭВМ не прибегать! — засмеялся командир.

Сергей и Жора посмотрели на Акопяна и перемигнулись. Сурен не спеша допил чай, встал и как бы нехотя подошел к пульту жизнеобеспечения.

— Ох уж эти женщины! — недовольным голосом воскликнул Сурен. — Как всегда, никакой точности! В командном отсеке космического корабля «Вихрь» сейчас ровно 17,6 градуса по Цельсию. На 0,4 градуса ниже, чем в эту самую минуту в Москве...

Андрей ДМИТРУК

АУРЕНТИНА

Фантастический рассказ

Коралловый песок, блестящий, белый и тонкий, как алмазный порошок, — песок, уходящий с края необозримых пляжей в изжелта-голубую, почти невидимую глубину воды; пена прибоя, тающая с нежным шипением, и слоистые обрывы, прикрытые фестонами цветущих мхов; буйный, пронизанный солнцем лес в ущельях, ледяные родники, играющие прозрачной галькой, — такой встречала гостей Аурентина.

Когда легкий алый «Эльф», спасательный катер П-7655, коснулся воды и встал на три опорные подошвы, на коралловом дне, узловатом и вспененном, подобно сахарному сиропу, застывшему в кипении, заметались голубые многоножки, испуганно завихря пышную дыхательную бахрому. И каждый капилляр этой бахромы был отчетливо виден на глубине в десять человеческих ростов.

Рита первая выпрыгнула на берег, подала руку Алдоне. Та остановилась, восторженно озираясь по сторонам, но Рита схватила ее за руку, засмеялась, потащила. Бежали, увязая в песке, — он всасывал ноги с характерным вибрирующим писком, — не переводя дыхания, вскарабкались по шатким багровым глыбам осыпи. Обе девушки — пилот и врач Спасательной службы — были сильные и прекрасно тренированы, да и тяготение Аурентины уступало земному. Поэтому даже Усагр — Универсальный Синтезирующий Агрегат, смонтированный на базе гравихода, — догнал бегущих довольно далеко от берега, в прямой голубовато-зеленой степи с бархатными пятнами древесной тени на пышной сочной траве и шапках цветов. Получив сигнал, Усагр лег на брюхо и принялся за работу...

Под серебристым зонтичным деревом Алдона поздравила Риту с отменно точным приземлением «Эльфа». Морской ветерок шевелил на волнах степи, вздувал пузырями легкое полотнище парашюта. Опутанный стропами, зарылся в гущу сочных стеблей тусклый бронированный шар. Девушки присели на корточки, внимательно рассматривая грубую броню радиомаяка: их завораживала потрясающая вещественность голы, необлагороженной стали, привычная жителям прошлых веков, но совершенно чуждая эпохе Риты и Алдоны. Было в этом шаре нечто от музейных рыцарских доспехов, от реликтовых паровозов или танков — словом, от изделий тех дней, когда прочность корпуса еще зависела от толщины стенок...

— Неужели действительно сто два года? — спросила Алдона, любовно прикасаясь к поверхности шара.

— Почти сто три — старт был в январе.

— Ты знаешь, я совершенно не представляю себе, как мы подойдем к ним, как начнем разговор...

— Я тоже не представляю, но знаю, что подойдем и начнем.

— Они ведь еще не говорили на интерлинге?

— Ничего, — успокоила Рита. — Тогда тоже были международные языки, хотя и не всемирные: русский, английский... Как-нибудь договоримся.

Алдона все так же поматывала головой, прикусив губу и расширенными прозрачно-серыми глазами глядя на радиомаяк. Рита поднялась, устав сидеть на корточках. За роццей зонтичных, как огромный трудолюбивый бегемот, ворочался перемазанный грязью Усагр, извергал пенистую строймассу и укатывал ее в виде гладкого пола. Живо покончив с этой работой, переключил программу и поставил на пол свежесозданную гибкую кровать...

Отвернувшись от Усагра, Рита увидела подругу, лежащую

Рисунки В. Колтунова

на спине под деревом, и, недолго думая, пристроилась рядом. Так лежали они, время от времени принимаясь обсуждать нюансы встречи, пока не совершились вокруг них главные события этого дня. Быстрое солнце Лурентины сползло к местному западу; возня Усагра стала невидимой, поскольку он взвел стены и крышу дома вокруг себя и теперь «доводил» внутреннюю отделку; и, наконец, в зеленоватом сумеречном небе, чуть тронутым мазками фиолетовых облаков, зажглась пламенная, пляшущая, стреляющая иглами звезда.

И Рита с Алдоной опять бежали, срываясь в овраги, забитые массой травы и вьюнков, — им, непривычным к посадке кораблей с горючим топливом, казалось, что звезда падает прямо на них. А она, пробившись в плотные слои атмосферы, подала голос, такой же подавляюще-вещественный, как грубая сталь радиомаяка, и скоро стала ослепительным полыхающим горном. И свирепое палящее дыхание звезды заставило зажмуриться девушек, спрятавшихся в зеленой и красной, лиственной и цветочной толще оврага. Только Усагр, уже выползший из недр своего плоского одноэтажного детища и отливавший последнюю флуорпанель, не обращал внимания ни на порывы раскаленного ветра, оголявшие роццу, ни на тяжкий спуск рвущейся огненной массы, держащей на себе крулый обгорелый обелиск...

* * *

...Веллерсхоф постарался отдать приказ о выключении планетарных софел как можно более будничным «командирским» тоном, но сделал это против воли со слезой в голосе... Прекратилась крупная дрожь, вот уже третьи сутки днем и ночью потрясавшая стены и перекрытия светолета. Резкое ощущение невесомости, словно в оборвавшемся лифте, прокатилось от ступней до горла и прощало, поскольку включился имитатор тяготения. Веллерсхоф поднялся из-за селектора и вдруг, подавив желание заорать во всю глотку, бросился в объятия первого навигатора. И навигатор, превратившийся за время полета из хрупкого, с девичьей кожей восемнадцатилетнего паренька в грузного залысого дядю, отчаянно прижался к щеке Веллерсхофа, плохо выбритой из-за тряски торможения.

В кольцевом коридоре жилого корпуса «Титана» распахивались двери, крики и смех катились по ожерелью кают. Навигаторы и программисты, наладчики, энергетика, врачи, связисты, механики, члены научной экспедиции — двадцать семь мужчин и женщин целовались, плясали, откупоривали бутылки, заготовленные еще на Земле, и расплескивали вино, состарившееся во время полета, на гигиенические псевдопаркетты, на устройства ввода, на луковые перья и укропные кисти осточертевшей оранжереи. Вполне естественно, что в эти минуты остро, обморочного счастья никто не вспоминал ни о четверых мучительно погибших в пути, ни о болезнях и ранах, которые, безусловно, не позволят вернуться еще нескольким членам экипажа, ни, наконец, о неизбежности долгого обратного полета. Цель была достигнута! Но, увы, годы возвраще-

ния не обещали быть менее изнурительными и чудовищно опасными, чем четырнадцать световых лет, с той лишь разницей, что теперь экипаж составляют не упругие, веселые, идеально здоровые юноши и девушки, а израненные, усталые люди, которым под сорок и за сорок.

Впрочем, опасности хранил не только обратный путь. В черно-синем мареве голоэкранов, как диковинные океанские рыбы в аквариумах, плавали изображения вождя мира. Первые пять планет были мертвыми и растрескавшимися, как глиняные шары, обожженные неистовым голчаром — высокотемпературным бело-фиолетовым солнцем. До шестой планеты, удаленной от светила на расстояние вдвое большее, чем последняя из пяти мертвых, раскаленный ураган долетал только теплым ветром. Словно ласковый круглый одуванчик, сербрилась перед землянами Шестая, и сквозь толстую пушистую атмосферу сияли голубизна и зелень. Приземлившись и найдя жизнь, — кто знает, не разумную ли? — члены экспедиции Веллерсхофа полностью оправдали бы свой страшный перелет, и даже дорога домой показалась бы не такой тягостной. Никто не сомневался, что начальник разрешит сбросить исследовательскую ракету. Однако природа Шестой, так уютно выглядевшей на расстоянии двадцати тысяч километров, могла приготовить и более жуткие сюрпризы, чем пустой космос.

Не желая больше разговаривать по селектору, Веллерсхоф созвал в центральный салон всех, кто мог передвигаться. Женщины, за исключением двух, катастрофически постаревших, все еще выглядели очаровательными. Впрочем, ни одна из них даже в юности не могла сравниться с Юлианой, его Юлианой, расстрелянной в лобовой рубке атомами водорода, легко пробившими броню при первом релятивистском ускорении... Ожоги и шрамы были искусно загримированы, радужные парики уложены самым обольстительным образом. Если бы не стандартные гранулиновые комбинезоны, чем не очередная дружеская встреча в одной из квартир Астроцентра? Мужчины во весь опор неслись по равнинам галантного красоречия. Гургена Варганяна уговорили спеть, и толстый механик планетарных содел, у которого отнялись ноги после постоянных перегрузок восьмого года, потребовал принести ему гитару. В другом углу гудели неодобрительно: пение им мешало. Там уже собрались желающие послушать продолжение традиционного четырнадцатилетнего спора Окады с Малолетковым. Они сцеплялись по любому поводу, трепали со всех сторон всякую тему, но главный стержень спора — это равновесие технического прогресса и нравственности. Пылкий картограф Малолетков вынужден был сдерживать свой темперамент, чуть ли не по минуте ожидая ответа собеседника, — регулировщик плазмы Окада, дважды живьем горевший, пользовался искусственным голосовыми связками...

Разумеется, наступил момент, когда Веллерсхофа прижали к спинке кресла и потребовали ответить: кто первым высадится на Шестой? И шеф ответил, потому что успел увидеть все, что нужно, и сделать выводы. Ответил так, что любые возражения и недовольства исключались сразу:

— Высажусь я сам, Свидерский и Феррари.

Да, Свидерский, этот костлявый, густо оплетенный мощными жилами, обтянутый какой-то дубленой кожей энергетик казался просто монстром. У него только жесткий ежик волос чуть потускнел, «припылился» за четырнадцать лет, но кибердиагност по сей день показывал его абсолютное здоровье. Второй избранник — маленький, яркоглазый гидробиолог Феррари, неоднократно штопанный электронным хирургом, держался даже лучше мрачноватого Свидерского, держался только своей неистощимой, сверхчеловеческой, утомительной для окружающих бодростью.

Распустив коллег по каютам (причем без ворчания на самоуправство шефа все-таки не обошлось), Веллерсхоф стал перечислять в микрофон все, что кибергрузчики должны были павьючить на спускаемый аппарат:

— Скафандры высшей защиты с передатчиками радио и лазерными — шесть экземпляров. (Все задублируем на всякий...) Резонансное орудие с турелью частот. Ручные плазмометры... э-э... ну, тоже шесть штук. Комплект генераторов силовой ограны. Бипокли для краев спектра. Три киберкопателя. Аптечка усиленная с диагностом. Патроны дымовой завесы...

* * *

— Бедная наша Аурентина, что они с ней сделали! — сокрушалась Алдона, глядя, как от спустившегося корабля во все стороны разбегался по степи жирный черный дым, как стреляло пламя из догоравших роц.

— Они не умеют иначе, — почему-то шепотом ответила Рита. — Ты же знаешь, у них космодромы были в самых глухих пустынях, потому что все горело при старте.

— Одно дело видеть это в киноархиве, а другое... Нет, я теперь никогда не успокоюсь! Сколько цветов!..

Рита стряхнула пепел с лица и волос, решительно вылезла из оврага. Только теперь, с высоты своего немалого роста, увидела она гигантский выгоревший круг, черную язву вокруг ракеты. Нежные причудливые соцветия, прозванные «барашками» и «лиловцами», туго сплетенная плоть выюнков и папоротников, ломкие стрелы древесных побегов — немислимо щедрый мир, где по спутанным стеблям, как по золотистым шлангам, неслись пузырьки горячих соков, целый мир был испепелен, приведен к тошному образу сгоревшей кучи мусора. У Алдоны, уже стоявшей рядом, защипало в носу, но она сдержала слезы и лишь спросила, приглушив голос по примеру подруги:

— Неужели, неужели они не могли сесть где-нибудь на севере, за Розовым проливом? Там голый солончак, песка...

— Смешная ты, Алька, — ответила рассудительная подруга. — Они же не знают Аурентину так, как мы с тобой. Нащупали локатором ровное место, сбросили радиомаяк и сели. Да и вообще, это были немножко другие люди, тем более перенесшие такой полет. Цветы их мало интересуют, поверь мне...

— Не знаю, — печально ответила Алдона. — Мне кажется, что я после четырнадцати лет в железной коробке молилась бы каждому цветку, а не то что... Да, конечно, другие люди. Я читала, что в те времена стыдились проявлять нежность, чуткость... особенно мужчины! Мне бы никогда не понравился такой... Ой! — Она тревожно схватила Риту за руку. — Слушай, ведь они наверняка составили разведгруппу из одних мужчин, черствых, жестоких! Мы подойдем к ним, а они не разберут издали, кто мы такие, и начнут стрелять.

— Кажется, ты слишком часто бываешь в киноархиве, Алдика. Не такие уж они были дикие... Тем более мы сначала свяжемся по радио. Все будет нормально.

— Надеюсь, — вздохнула Алдона и долго смотрела, как бегут дымные огоньки по стволам деревьев, оказавшихся на границе пала. С неземной быстротой опустилась ночь, и россыпи тлеющих углей уподобились огням большого города.

— Идем-ка лучше в дом, спать, — сказала Рита, обнимая подругу за плечи. — Они до рассвета не выйдут. Во-первых, ночь, во-вторых, конечно, они сразу увидят, что кислорода здесь хватает и радиация не выше нормы, а вот с микробами провозятся до утра.

— Так, может быть, установим связь прямо сейчас? — оживилась Алдона. — Зачем заставлять их делать лишнюю работу?

— Не надо, — сказала Рита, подумав над предложением. — Спуск на такой машине очень утомителен, они должны отдохнуть. И нервы у них напряжены, а наш голос вдруг, сама понимаешь...

— Они подумают — это местные жители, гуманоиды! — засмеялась Алдона и неожиданно резюмировала: — Все равно мне почему-то жутко.

Рита обняла ее более настойчиво, заставила сдвинуться с места, и они побрели, шурша травой и обрывая цепкие вьюнки, отбрасывая их в сторону мерцающих фар Усагра.

* * *

Межзвездный светолет «Титан», использующий импульсную аннигиляционную тягу, был построен почти на исходе эпохи, которую телевизионные комментаторы успели окрестить «несостоявшейся релятивистской». Название было хлестким, но, к сожалению, довольно верным.

К середине XXI века — значительно позже, чем полагали футурологи, — земляне наконец-то добились определенного единства действий в масштабах всей планеты. Первые международные объединения стали строить мощные космические корабли, скоро посетившие все уголки солнечной системы. Были установлены регулярные сообщения с Венерой, Марсом и «рудничным чудом» — Меркурием. На этих рейсах безотказно трудились испытанные за полвека ядерные планетолеты: в экспедициях к внешним планетам «обкатывались» термоядерные, а затем и аннигиляционные модели. Наконец, в конце 70-х годов общеземными усилиями были собраны в откры-

том космосе первые релятивистские великаны, предназначенные для посещения ближайших звезд. Ни один сверхтугоплавкий рефлектор не выдержал бы импульсной аннигиляции на протяжении нескольких лет, поэтому «зеркала» новых кораблей были настолько огромны, что фокус сгорания находился в десятках километров от их поверхности. Для безопасности экипажа многокилометровые трубы-тоннели соединяли двигатель с жилым корпусом, одетым в чудовищную броню из металла и магнитного поля. Носовой квантовый преобразователь, вынесенный далеко вперед, время от времени создавал «псевдомассу» с колоссальной гравитацией — это делалось для улавливания рассеянного межзвездного вещества. Понятно, что такой «корабль» — тончайшее вогнутое зеркало размером с большой город, подвешенное к длинной гирлянде из труб, тросов, разгонных сопел и бронированных шаров, — такой «корабль» не мог не то что совершать посадку, но даже приближаться к планетам. Впрочем, от звездолета требовалось только подойти к объекту и лечь на дальнюю орбиту: для дальнейших исследований были приторочены к «гирлянде» обычные атомные ракеты.

Как водится, несколько видных ученых немедленно выступили с восторженными заявлениями, из коих явствовало, что данная система звездолета является идеальной потому-то и потому-то (следовали формулы) и в ближайшую тысячу лет может претерпеть лишь частные усовершенствования.

В трех первых, очень близких релятивистских полетах участвовали только автоматы. «Сжатие» пространства-времени для летящего корабля, возрастание массы — все эти отвлеченные физические категории были изучены экспериментально. Затем состоялся полет одиннадцати человек в сторону Проксимы Кентавра, достаточно удачный, но, увы, не много прибавивший к сообщениям автоматов. По трассе в четыре световых года было невозможно вести корабль с субсветовой скоростью, — едва разогнавшись, пришлось бы тормозить. Значит, не состоялась главная проверка, проверка реакций человека на максимальные релятивистские эффекты.

Вскоре после возвращения экспедиции с пустынных планет Проксимы — экипаж отсутствовал одиннадцать собственных лет и пятнадцать земных — были закончены расчеты траектории в 74 световых года полета к белой звезде, от которой поступали некие осмысленные радиосигналы. С предельным ускорением, какое выдержат космонавты в течение долгого времени, светолет разгонится не менее чем до «восьми девяток после нуля» и пройдет путь до звезды за четырнадцать собственных лет.

Именно для этого района, вызвавшего бурную полемику как в ученых кругах («безумная авантюра», «жертвоприношение»), так и среди широких слоев населения («забрать у Земли столько энергии!»), был построен суперсветолет «Титан» со стокилометровым зеркалом и добавочными баками антивещества, превосходивший своего «кентаврианского» собрата по величине, как кондор ласточку. Резервное топливо предназначалось для регулярных радиопередач, в то время как другие светолеты имели возможность послать импульсы дальней связи толь-

ко два-три раза во весь полет, — скажем, сообщить о прибытии к месту назначения или об обратном старте.

И «Титан» говорил с Землей. На протяжении многих десятилетий рассказывал обо всем, что творилось на его борту. Удивительными были эти передачи, искаженные замедлением времени, — от импульса до импульса проходили часы и сутки, хотя корабельный радист стучал ключом с профессиональной скоростью. Редкие, полустертые межзвездным шумом сигналы складывались в страшные своим лаконизмом рапорты о том, как на скорости в «семь девяток» любая пылинка, летящая навстречу, устраивает мощный взрыв на броне, как растет поток заряженных частиц, проникающих сквозь пол, и поднимается радиация в жилом корпусе; как бесконечно возросшая масса тел заставляет экипаж постоянно лежать в ртутных ваннах; как медленно умирают раненые или облученные космонавты, и никто не в силах сдвинуться с места, чтобы им помочь... Многие сообщения были бесценными для науки, но страдания экипажа «Титана» лишали спокойствия всю Землю. И мало-помалу строители звездолетов сворачивали с привычных инженерных путей...

На пятьдесят восьмом «земном» году полета передачи прекратились. «Титан», грандиозный, как ни одно из сооружений в истории цивилизации, овеянный более трагической славой, чем корабли полярных первопроходцев или венерианские десанты, окончательно ушел в темноту, в небытие, быть может, не являвшееся смертью, но равное ей.

Но Земля, старшаяся подбодрить своих героев и мучеников, все-таки послала пропавшему кораблю еще одно, радостное сообщение.

После ухода «Титана» состоялось еще несколько аннигиляционных перелетов на меньшие расстояния, две или три катастрофы, и эпоху релятивизма окончательно назвали «несостоявшейся». Попросту никто больше не находил нужным отправлять людей на десяти- или пятидесятилетнюю пытку, на заведомую гибель части улетевших ради крошечного шанса найти что-нибудь неожиданное, неизвестное Земле. Шанса, который так и не осуществился ни в одной из экспедиций, находивших после всех разрушительных лет полета либо беспланетные светила, либо ледяные мертвые миры... А если рано или поздно и сбудется надежда, — кому нужны будут наши открытия на Земле в XXII и XXV столетиях? Так закончилась эпоха, и надгробную плиту над ней положил международный коллектив физиков-«абсолютистов». Как полувеком раньше усилиями кибернетиков была прекращена вивисекция — опыты над живыми организмами, — так сейчас с помощью небанального научного решения прекратились муки космонавтов. Физика «абсолюта» доказала возможность мгновенного «воспроизведения» любой материальной системы на любом расстоянии, вне обычных понятий об удаленности и скорости. Вот об этом-то событии, возвестившем начало космической зрелости, говорила Земля в своем последнем обращении к «Титану»...

Но Веллерсхоф, Свидерский и Феррари, вышедшие утром из ракеты на поверхность загадочной Шестой, не слышали этой передачи. Неимоверно сильное поле тяготения, возникшее во-

круг корабля на скорости в «девять девяток», прервало связь с Землей.

В десантную исследовательскую ракету, сброшенную с «Титана» проникла другая передача: приветствие, произнесенное чистым девичьим голосом...

* * *

Все-таки Феррани не удержался от возгласа, и даже Свидерский, человек без нервов, человек без болезней и слабостей, вдруг обессиленно оперся на плечо шефа, — никакая радиопередача не может быть столь убедительной, как появленис... гм... хозяев передатчика. За краем выжженного круга волновалась роскошная бирюзовая степь. От ее края, каждым шагом разбрасывая клубы сизого пепла, шли к ракете две девушки, обе даже без масок биозащиты, в легких светлых костюмах с брюками, заправленными в изящные сапоги, с пестрыми шарфиками на шее. Шедшая впереди темноволосая, рослая, большеротая девица широко улыбалась и энергично махала кистью руки. Ее чуть отставшая спутница, гибкая блондинка с круглым полудетским лицом, держалась более осторожно и чуть ли не испуганно.

— Ну, вот и все, — почему-то сказал своим спутникам Веллерсхоф и принял более непринужденную позу, подняв правую руку над головой.

— Здравствуйте, — сказала Рита, подойдя и платком стирая с лица пепел. — Я же вам сказала, что маски не нужны. Здесь нет опасных бактерий.

— Ага, — ответил Веллерсхоф и стащил биофильтр. Остальные последовали его примеру, — на лицах остались красные следы упругих краев маски. Последовала церемония знакомства и рукопожатия, причем Феррани привел девушек в замешательство, приложившись к ручкам, и сказал, косясь в сторону более симпатичной ему краснеющей Алдоны:

— Да, здесь нет бактерий, но есть прямая опасность подхватить некое сердечное заболевание...

Веллерсхоф механически усмехнулся, спросил:

— Так, как вы говорите, называется эта милая планета?

— Аурентина, — проскрежетал вдруг Свидерский. — Я запомнил. Ну что ж, этого следовало ожидать. — И смял маску в кулаке так, что побелели костяшки пальцев.

— Тише. Ян, ради бога, они же не виноваты! — вступился Феррани. — Ведь прошло больше века — сто три года! Скажи спасибо, что девушки остались такими же красивыми, как в наше время!..

— Да, сто три. Ближе к расчетам, — снова выдавил улыбку шеф. — И никакого разума здесь, конечно, не обнаружено?

— Нет, — виновато сказала Алдона. — Это звезда так пульсирует... Похоже на радиосигналы.

— Чертова лотерея! — фыркнул Ян.

— Знаете что, — твердо сказала Рита. — Мы потом наговоримся, надоест еще. Зовите всех ваших в дом... мы для вас дом построили. Сколько вас? Двадцать восемь?

— Двадцать семь, — уточнил Веллерсхоф. — Об одном погибшем Земля, видимо, не знает. Это Сайфутдинов.

На секунду замывшись, Рита мужественно продолжала:

— Если надо, наш корабль перенесет всех больных, раненых...

Алдона защебетала, чувствуя неловкость от всей этой ситуации и от более чем откровенных взглядов Феррари:

— Я врач Спасательной службы, и я запрещаю вам волноваться. Через два дня вы уже будете на Земле. А пока отдохайте! Аурентина такой уютный мир, теплый, цветущий, ее все любят, на ней лечатся покоем...

Она взяла Веллерсхофа за руки, умоляюще посмотрела снизу вверх в его светлые, расширенные, как от боли, остановившиеся глаза:

— Здесь есть чудесные минеральные источники... Честное слово, Координационный Совет уже решил строить здесь курорт!

Алдона успела еще перехватить негодующий взгляд Риты, как Свицерский, до сих пор молчавший, глядя вбок и покачиваясь с носков на каблуки, вдруг заорал хрипло: «Курорт вам?!» И ухватил ее за плечи. Ей никогда не приходилось видеть лица, искаженного такой злостью и так близко от себя...

Когда их разняли, Свицерский резко повернулся и зашагал к ракете.

— Луиджи, — многозначительно сказал шеф.

И низенький Феррари, в последний раз скользнув взглядом по статной фигурке перепуганной Алдоны, со всех ног бросился догонять коллегу.

— Вы можете простить его? — отчужденно спросил Веллерсхоф.

— Конечно, — ответила Алдона, прижимая ладони к вискам, чтобы сдержать бисение крови. — Я сама виновата. Не надо было так, сразу...

— Они успокоятся, — сказал шеф. — Идемте к вам. Я первый. Может быть, у вас что-то не так, как мы привыкли.

Он двинулся вперед, спросил на ходу:

— Вы давно нас тут ждете?

— Нет, — ответила Рита. — На расчетном курсе вашего корабля не оказалось, а истинный сумели найти чуть ли не три дня назад. Еще немного, и мы ловили бы вас на обратном пути.

— Хорошо, — саркастически улыбнулся Веллерсхоф. — Колумб, приплывший в нью-йоркскую гавань, прямо к подножию статуи Свободы... От вас можно будет вызвать все наши ракеты? Впрочем, что за глупость! Конечно, можно.

И Веллерсхоф вошел по пояс в медовую, спутанную вьюнками, полную цветов траву Аурентины.

Рита переглянулась с Алдоной и вдруг приказала:

— Стойте.

Веллерсхоф остановился, и впервые на его окаменелом лице выразилось что-то похожее на удивление.

Тогда Рита подошла к нему вплотную.

— Вы мне не нравитесь, Веллерсхоф. Извините. Я знаю это ваше спокойствие. Уж лучше впасть в истерику, как Свицер-

ский, чем вот так, молча... — Долго смотрела в самые зрачки начальника экспедиции, пока в них не засветился теплый огонек. — Вот так лучше. Я все-таки бегала в учебный класс мимо памятника... памятника вам, Веллерсхоф. Да. Посреди площади, с рукой, протянутой к звездам. Я ваше имя знаю с трех или четырех лет. А немного позже я узнала, что ваша экспедиция была самой нужной в истории Земли. И самой результативной. Если бы не наше всеобщее чувство вины перед вами, мы бы вас тут не встретили. Мы бы просто не работали так отчаянно, чтобы проломить пространство и время. Чтобы никто больше... не... — Она заплакала, и Веллерсхоф подхватил ее с одной стороны, а Алдона обняла с другой. Но Рита все же договорила: — ...Потому что, пока страдает хоть один, Земля не может быть счастливой!

ЧУДО

Фантастический рассказ

Гравиход опустился, подмяв одуванчики. Вся семья отставила недопитые стаканы и смотрела, как приближается незнакомый мужчина.

Он шел по колено в траве меж двумя рядами яблонь — старый и крепкий, одетый в черную кожу. Углы его рта были опущены, улыбка только приподняла губу над передними зубами; седой «ежик» подползал к самым бровям и шевелился вместе с ними.

Мужчина остановился перед чайным столом.

В пышной раме жасминовых кустов сидело семейство из трех человек. Массивная рука Марка Паллана держала на краю стола дымящуюся трубку; Иола Гент, жена Марка, приветливо улыбаясь, придвигала четвертый стул; Эрни, шестилетний сын хозяев, прибывший на отдых из учебного города, откровенно любовался кожаным костюмом гостя.

— Садитесь, — сказал Марк. — Можете сразу рассказывать, потом пить чай. Можете наоборот или одновременно. Можете ничего не рассказывать, но чаю вы выпьете.

— Ладно, я буду одновременно, — сказал незнакомец, пряча под стол острые длинные колени. — Тем более очень люблю зеленый сыр.

— Мед с нашей пасеки, — вставила Иола.

— Моя фамилия Бхасур. Рам Анта Бхасур из Совета координаторов. Старший консультант отдела настроений.

— Чем можем служить?

— Только одним: постарайтесь не удивляться, что бы вы ни услышали. Примите все как должное.

— Я вообще люблю удивляться, — ответил Марк. — Но попробую.

— Надеюсь, ничего неприятного? — осведомилась Иола, подвигая вазочку с вишнями.

А Эрни допил чай, держа стакан обеими руками, буркнул что-то маловразумительное и умчался в дебри сада ловить жуков, играть в межпланетную войну, носиться в травяных джунглях, лихо отсекая палкой головы крапивы и лопухов.

— Итак, — начал старик, добравшись до вишен, — итак, меня привела к вам статистика отдела настроений. За последние пять лет Медицинский мозг не принял от вас ни одного сколько-нибудь значительного стрессового сигнала. У вас мир в семье, вы оба талантливые люди и прекрасные работники в своих областях, на вашего сына уже обратили внимание руководители учебного города. Уровень коммуникабельности, психическое здоровье, соответствие возможностей потребностям — все это у вас, пожалуй, обстоит лучше, чем у других людей на Земле.

Марк добродушно засмеялся, помотал своей крупной кудрявой головой.

— Попробую, попробую не удивиться!

Иола же только смотрела в маленькие сверлящие глаза Бхасура, смотрела, почти не мигая: может быть, шевельнулось в ней пелленое древнее поверье, вера в то, что судьбу нельзя искушать, нельзя прямо говорить людям, что они самые счастливые на Земле.

— Что же, вы хотите, чтобы мы поделились с вами счастьем? Милости просим. Если, конечно, у вас есть машина, которая позволит это сделать.

— Нет. У меня есть другая машина. Портативный реструктор.

Воцарилось молчание. Две осы полезли в розетку с медом, и никто их не прогнал. Марк, внешне спокойный, смотрел на жасминовый купол. Иола, вздрогнув, чуть не опрокинула стакан и принялась вытирать листом лопуха лужицу на столе.

— Триста лет назад я окропил бы вас святой водой, веря, что вы рассыплетесь, оставив запах серы, — заговорил наконец Марк. — Значит, вам удалось добиться портативности?

— Как видите.

— И мы должны быть вашими кроликами?

— Почему же кроликами? В конце концов, люди испытывали на себе даже действие вакцин. А реструктор не только

не причинит вам вреда, но даже... Только с одним условием: пользоваться самим, но никому не передавать.

— Хорошо, — ответила Йола. — А вы будете следить за нашими настроениями?

— Вы же привыкли к тому, что Медицинский мозг всегда следит.

— Он вмешивается только при сильных отклонениях от нормы, когда есть опасность для здоровья.

— А мы и тогда не вмешиваемся. Просто заберем машину. Но я не думаю, чтобы это понадобилось. Я немножко разбираюсь в людях.

— Много шуму вокруг этих реструкторов, — сказал Марк Йоле. — У нас в лаборатории об этом говорят почти каждый день. Дескать, конец придет человечеству, все задохнется от безделья. Может, правда?

— Вот вы нам и поможете установить истину, — подтвердил Бхасур. — Видите, какую важную работу вам поручает Совет.

Йола еще раз переглянулась с Марком, вздохнула и спросила:

— Почему вы мед не кушаете? Кыш! (Это относилось к осам.) Берите прямо ложкой. (Это опять Бхасуру.)

Уходя, Бхасур поставил на стол серый толстенный ящик, похожий на маленький сейф. Если надо было создать предмет больших размеров, чем полость ящика, из верхних углов выдвигались упругие серебристые усы с чашечками на концах. К ящику было приложение: объемистый том, напечатанный мелким шрифтом, под заглавием «Каталог предметов централизованного распределения. Экспериментальная группа СК «Чудо».

Похвалив сыр, мед и домашнее печенье, по-старомодному приложившись к руке Йола, Бхасур ободряюще улыбнулся и улетел на своем белом гравиходе. На взлете его обстрелял из пугача Эрни, гордый своей победой над целым войском сухих прошлогодних коровяков.

Марк сидел перед ящиком реструктора, задумчиво перелистывая том каталога. Тоненькая Йола прильнула сзади, спрятав подбородок в его кудрях и обняв руками шею мужа.

— Ну, что нам надо? Чего не хватает? — спрашивала она, смеясь над растерянными гримасами Марка. А он читал, время от времени поглядывая на жену:

— «Стержни графитовые для реактора такого-то типа»... «Ставни оконные узорчатые, из с. Холмогоры, XVIII век»... «Строительная машина»... «Сумка женская крокодиловой кожи»... Не нужны нам стержни?

— Нет, — смеялась Йола. — Бедный крокодил, ободрали его на сумку!

— Ладно, поехали дальше... «Трехскоростная мясорубка для приготвления фаршей разной крупности, производительность до 25 кг/ч». Что нам, волчьку стаю кормить? «Топор...» Ты послушай только! «Топор из Оружейной палаты Московского Кремля, XV век, работа миланских мастеров, золото, слоновая кость», так, так... Подарить, что ли, Рассохину? Он любитель антикварных вещичек. Дальше...

— «Фауст» Кристофера Марло, Лондон, издание 1789 года», — прочла Йола. — «Форма для печенья «Привет»... «Футбольный мяч»... «Филигранные серьги, серебро, бирюза»... «Ходовая часть гравихода Д-108 в комплекте с автоматом, реагирующим на препятствие»...

Листали опять, сначала, ездили пальцами по строчкам. Владеке воинственно орал Эрни, изображал пулеметную стрельбу. Потом затих, поскольку занялся сооружением заруды на ручье.

Перед ними стоял ящик, снимавший квантовые копии с любого из предметов, перечисленных в каталоге, — копии, абсолютно ничем не отличавшиеся от оригиналов. Нажатием кнопки можно было воссоздать антикварную мебель и лисьи шубы, детали машин, обувь, стаканчики с мороженым и лазеры, рассаду деревьев, инфракрасные бинокли, военную форму государства Коста-Рики (XX век), диван с зеркалом на спинке или порцию кафельных плит для бассейна, рыболовный ультразвук «манок» или набор слайдов «Памятники Грузии», связку воблы, переносный катер на воздушной подушке, скворечник и 200 типов электронно-вычислительных устройств, отрез серебряной парчи, зефир в шоколаде, кофейную мельницу, библиотеку из 100 тысяч томов...

— Ага! — вдруг торжествуя крикнул Марк, и его палец задержался на одной из строк. — Как это мы раньше пропустили! Посмотри, воробышек: «Микротом квантовый для генных операций, личный экземпляр Мейсснера, 2007 год». Вот это я беру. Старина Мейсснер сам собрал его, и с тех пор ни у одного генного инженера не было лучшего инструмента. Ну, теперь я король! В лаборатории все полопаются от зависти...

— Не полопаются, — успокоила Йола. — Тот же Рассохин посмотрит на тебя умильно, и ты ему подарить такой же. И остальным тоже.

— Там увидим, — сказал Марк. Нажав кнопку, он через секунду вытащил из ящика микротом, чмокнул Йола и убежал в лабораторию — пробовать новый инструмент. Йола же сидела еще долго, почти до заката, сварила себе новую порцию чая. Будучи человеком благоразумным и запасливым, она сотворила с десяток хрустальных розеток для варенья (Эрни бьет их немилосердно, а есть из пластмассовых не так приятно), затем подарила себе запас фотобумаги и несколько отличных объективов — Йола работала фотографом в журнале мод. Наконец, сообразив, что неплохо было бы почитать перед сном что-нибудь новенькое, да поинтересней, она вынула из реструктора сборник последних приключенческих повестей.

Было совсем темно, когда вернулся Марк, сияя блаженством и потирая руки на ходу. Рассохин не только засматривал в глаза, но и сулил отдать за микротом половину своих смен на главном регенераторе. Другие не отставали: наутро Марк должен был сотворить еще шесть копий микротом Мейсснера, зато главный регенератор принадлежал ему безраздельно...

Совместными усилиями они загнали Эрни спать и легли сами, посмеиваясь и обсуждая план трехдневной прогулки на байдарках по маршруту, предложенному одним из коллег

Иолы. А в саду, на дощатом столе, стыл под жасмином ящик, способный завалить всю землю императорскими коронами, шоколадом и транзисторными схемами любого предназначения.

...Гравиход опустился, подмяв одуванчики. Марк с Иолой оставили недопитые стаканы и смотрели, как приближается Бхасур.

Он шел по колено в траве меж двумя рядами яблонь — яблонь, с которых ночной ветер уже начинал стряхивать спелые плоды. Шел и смотрел, как в нежной полутьме сумерек пили чай самые счастливые люди на Земле, закусывая сыром, яблоками и медом. Только чайничек для заварки был новый, антикварный, из черненого серебра. А за спинами Марка и Иолы, за кустами жасмина, на которых давно осыпались цветы, за черепичной крышей домика дрожало, выбрасывая длинные разноцветные лучи, странное пульсирующее сияние.

— Садитесь, — сказал Марк. — Можете сразу спрашивать, а потом пить чай. Можете...

— Чай я выпью обязательно, — улыбнулся Бхасур, садясь и сразу же придвигая себе зеленый сыр.

— Хорошо, тогда я спрошу, — сказала Иола. — Какживает Медицинский мозг?

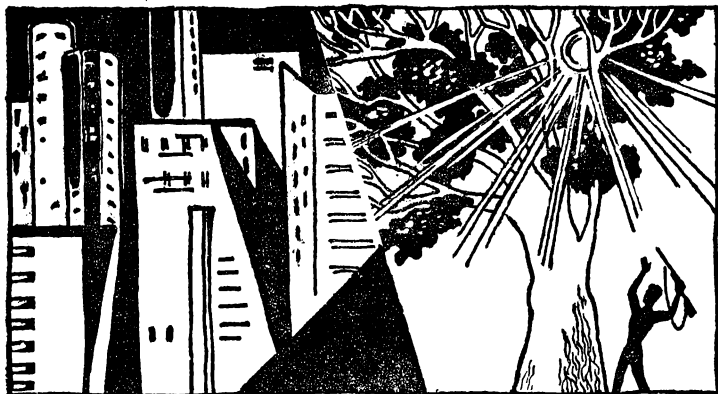
— По-старому.

— Вы хотите сказать, что...

— Да. Никаких изменений в сигналах. Все та же пара людей — самая счастливая на Земле. Вот только ваш Эрни дал какую-то непонятную кривую, огромный взлет: пожалуй, теперь он даже счастливее вас.

— Оно и понятно, — ответил Марк. — Пусть всегда он будет счастливее нас. Видите ли, мы... Вон тот свет, там, за домом... У Эрни там теперь все, что хотите, — рыцари Круглого Стола в настоящих латах, и марсианский дом, и целые маленькие города... Вы уж простите нас, Бхасур, но у него вчера был день рождения, и мы...

— Подарили ему вашу машинку, — решительно закончила Иола.

Сергей СМЕРНОВ

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Фантастический рассказ

В шесть часов вечера Ролл Дагон выключил экран, на котором весь день бесчисленными роями пронеслись цифры, словно тонкие извивающиеся черви, проползали графики, а в перерывах между этапами этой сумасшедшей гонки появлялось каменное лицо старшего клерка, дававшего новые указания.

Теперь экран был выключен, но в глазах у Ролла все еще металась точки и полосы, прозрачные тени порождений экрана.

«Рабочий день кончился», — сказал Ролл самому себе. Вот уже десять лет, каждый вечер выключая экран, он произносил эти слова. Они как выключатель: стоит нажать — и Ролл перестает быть придатком экрана, превращается в человека, имеющего право думать о чем-то своем и заниматься какими-то своими делами. Ролл встал, выключил кондиционер и вышел в коридор. Его тут же увлек людской поток, который быстро двигался по коридорам и площадке лестничной клетки, где были лифты.

В коридоре монотонно шуршали трущиеся друг о друга рукава пиджаков, резко шаркали по пластиковому полу ботинки. Часть толпы вместе с Роллом была отсечена от коридора тяжелыми дверьми лифта, и cabina — глухой короб с вогнутыми, грязно-серого цвета стенами — полетела вниз.

Ролл спешил. Его ждала Игра.

Игра... Она была единственным утешением, единственным отдыхом для рабов, подобных Роллу. То, что раньше применя-

лось только по отношению к уголовникам и политическим преступникам, теперь, как прививки, было обязательным для всех. Крохотный зонд, установленный в коре головного мозга каждого человека, в течение всей жизни был строгим цензором его мыслей. Стоило появиться «крамольным» идеям, как зонд настораживался, а когда идеи превращались в действие, зонд «окончательно просыпался», начинал беспощадно рвать мысли, ломал волю и заставлял человека прекратить всякие попытки посягательства на установленные законы.

В семь часов вечера Ролл уже стоял у подножия гигантской пирамиды из металла и бетона, которая была перевалочным пунктом из этого кошмарного мира в мир иной, зачарованный и спокойный, в мир Игры. Кажется, это был и в самом деле иной мир — совсем другая планета, приспособленная для Игры, но об этом толком никто ничего не знал. Иногда до Ролла доходили обрывки слухов, что существует совсем другой мир, где люди живут без зондов в мозгу, свободно работают и отдыхают как хотят, но в это верилось не больше, чем в потустороннюю жизнь.

Назвав в проходной автомату свое имя, номера квартала и пропуска, Ролл поднялся на двадцатый этаж и, миновав несколько коридоров, нашел наконец зал обслуживающего участка, номер которого ему был сообщен внизу. За дверью Ролла вновь встретил сухой голос робота:

— Что вам угодно?

— Охотиться, как всегда. Оружие: карабин-автомат «Лаконда» серии 12.

— Хорошо. Пятьдесят алонов.

Ролл достал из бокового грудного кармана куртки монету и бросил ее в щель рядом с проемом в стене. Из стены выдвинулась панель с лежащим на ней карабином.

— Кабина номер семь, — раздалось сверху.

Войдя в тесное и низкое помещение кабины, Ролл закрыл дверь, разделся до пояса и прижался лицом к холодному пластику двери, вытянув руки над головой.

Справа из стены выдвинулся круглый блестящий стержень с кубической формы предметом на конце. Прошло несколько секунд, послышалось короткое шипение, раздался звук, словно из бутылки вылетела пробка, и темный жесткий коробок детектора безопасности намертво присосался к боку Ролла.

Когда Ролл обернулся, противоположная стена уже исчезла. Там, где кончался главный серый пол кабины, начиналась бугристая земля, покрытая взъерошенной травой, которую то там, то здесь пересекали изогнутые корни могучих зеленых великанов. Сквозь их сомкнувшиеся в вышине кроны пробивались лучи ласкового солнца, усеивая сухую дорогу светлыми пятнами. Ветви и листья шевелились, и блики на дороге металась, точно затевали веселую и отчаянную игру, приглашая всякого, кто пожелает присоединиться к ним. Это и был сказочный мир охоты, или мир Игры.

Ролл быстро оделся и шагнул с дороги в лес. Пройдя несколько метров, оглянулся. Вокруг был лес и только лес.

Роллу казалось, и он чувствовал это каждый раз, когда попадал сюда, что этот нереальный мир был для него гораздо

реальнее мира жмущихся друг к другу небоскребов, просверленных трубами-туннелями. Ему казалось, что он всегда жил в этой доброй сказке и что на самом деле не существует именно той злой сказки, в которой он проводил большую часть дня и отсюда всегда спешил уйти, чтобы возвратиться сюда, в этот лес, в эти горы.

В конце концов, только здесь Ролл мог на время забыть все свои дела и думать о чем угодно и сколько угодно. В этом мире не действовало психозондирование, и даже просто знать об этом было приятно. Единственным предметом, который связывал Ролла с миром, казавшимся теперь таким далеким, был детектор безопасности.

Функции его были несложными. Во-первых, он тихим жужжанием напоминал человеку о конце его пятичасового пребывания в мире Игры, и после третьего напоминания охотник оказывался в кабине, откуда он начал свое путешествие. Второе и главное — детектор гарантировал жизнь человеку, отправлявшемуся в мир Игры. Если подстреленный разъяренный хищник бросался на охотника, то в последний момент, когда когти уже касались одежды, детектор срабатывал. Охотник мгновенно переносился в кабину, а обманутый зверь падал на пустое место.

На таком принципе действия этого аппарата был основан еще один «вид охоты». Когда в мире Игры встречались два охотника, между ними всегда завязывалась перестрелка. Победивший в такой дуэли премировался одноразовым бесплатным прокатом оружия, а побежденный, когда между ним и пулей противника оставалось расстояние в какой-нибудь десяток сантиметров, переносился в кабину.

В этот вечер Роллу не повезло. Он проходил все пять часов, не встретив ни одного крупного животного или хотя бы птицу. Даже мелочь попадалась всего два раза, да и была это такая мелочь, которая для охотника не представляет никакого интереса.

Домой Ролл вернулся в половине первого. Настроение было скверное, и он, не став смотреть, как обычно, по телевизору вечернюю эстрадную программу, наскоро поужинал, намереваясь тут же лечь спать. Встав из-за стола, Ролл бросил тарелку в поглотитель, машинально посмотрел в ящик пневмопочты и увидел какую-то карточку. «Странно, — подумал Ролл. — Вся почта приходит с утра... Странно». Он осторожно вытащил карточку и поднес ее к глазам.

**«Уважаемый господин Ролл Дагон,
настоящим уведомляем Вас о том, что с первого числа
следующего месяца предполагается расторжение с Вами
трудового контракта.**

**Намечаем в скором времени обсудить с Вами вопрос о
предоставлении Вам услуг сервиса.**

С уважением к Вам

дирекция фирмы «Сойл-Бишер».

У Ролла захватило дух. Он уволен. Почему?! В эту ночь Ролл не сомкнул глаз.

Рано утром он съездил в финансовый отдел компании, чтобы получить деньги, а на обратном пути зашел в блок по трудоустройству. Когда автомат, проглотив анкету с данными Ролла, сухо прогудел: «Ждите. Как только вы понадобится, вас вызовут», Ролл понял, что положение его безнадежно. Он вернулся в свою квартиру на восемьдесят второй этаж круглого, словно незаточенный карандаш, небоскреба, сел в кресло и закрыл глаза. «Что теперь?» — задавал он себе один и тот же вопрос.

Сидеть и ждать, и пользоваться услугами блока сервиса для безработных? Так долго не протянешь. Требовать? Протестовать? Бессмысленно.

«Куда же деваться? Что еще можно предпринять?.. А что если просто-напросто... — Ролл вскочил. Неожиданная идея поразила его. — Что если сбежать из этого мира? Сбежать в мир Игры. Может быть, он так же реален, как и наш? Во всяком случае, таким кажется. А если я не прав?.. А что, собственно, я теряю, если даже вся эта охота просто обман чувств? Ничего не теряю. Конечно, ничего. Так можно и рискнуть? Из этого мира меня выбросили, так зачем же оставаться в нем? Странно, что за всю жизнь ни разу об этом не подумал».

«О господи! О чем я думаю?! — вдруг спохватился он. — Об этом же нельзя думать! Сейчас сработает этот проклятый зонд! Пронюхает Служба безопасности, и тогда... Нет, нет. Нельзя об этом думать ТАК ОТКРОВЕННО. Нужно переключиться на что-то другое. На что-то другое... НУ ВОТ, СКАЖЕМ, ВЫТЕРЕТЬ ПЫЛЬ СО СТОЛА. Тьфу, какую пыль? Что за вздор! ВКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР. Вот это еще туда-сюда. Так. Я ВКЛЮЧАЮ ТЕЛЕВИЗОР, ВКЛЮЧАЮ ТЕЛЕВИЗОР».

Ролл включил телевизор: на экране что-то горело багровым пламенем, колыхалась стена черного дыма, кто-то бежал, трещали выстрелы. Он посидел несколько минут перед экраном, отрешенно глядя на огонь и беготню, не слыша ни криков, ни стрельбы.

Вдруг снова обожгла сознание внезапно возникшая мысль: «Нет, так тоже нельзя! Надо решать сразу, иначе потом все равно не сможешь думать ни о чем другом. Итак, решено... Ну... Чего бояться?.. Решено! — Он рывком выключил телевизор и встал. — Теперь нужно только выиграть время и сбить с толку зонд. И надо подготовиться как следует, ведь обратной дороги уже не будет».

В одном из шкафов Ролл нашел большую сумку, вытащил ее и бросил в кресло.

«Для чего мне сумка? — думал Ролл. — Для чего?.. Я ХОЧУ СХОДИТЬ В МАГАЗИН. КУПИТЬ ЧТО-НИБУДЬ, ВЕДЬ Я СЕГОДНЯ ПОЛУЧИЛ ЗАРПЛАТУ».

Потом он достал несколько рубашек и пару брюк и засунул одежду в сумку. Надел куртку, схватил сумку и выбежал из квартиры.

«СКОРО Я ВЕРНУСЬ... ВЕРНУСЬ... ВЕРНУСЬ, — пытался он убедить своего вечного пшика, подслушивавшего все его мысли. — КОНЕЧНО, ВЕРНУСЬ... Черта с два... Однако времени у меня совсем мало. Надо спешить... Что лифта так долго нет?!»

Ролл обежал магазины, набил сумку доверху. Руки ныли от тяжести двухсот электроразжигалок, пистолета и полутора тысяч патронов к нему. Ролл то и дело поглядывал на часы. Прошел уже целый час, а он был еще далеко от Дома Игры. Роллу уже казалось, что он чувствует, как включается зонд в его мозгу — вот он начинает вибрировать, нарастают, учащаются колющие импульсы, парализуя нервные клетки; острые безжалостные иглы пронзают каждую мысль, не давая ей превратиться в ясный образ. Голова раскалывалась от боли. В ушах шумело от адского напряжения. Ролл страшно устал от того, что каждому своему шагу он должен был находить бессмысленное и нелепое объяснение и повторять его мысленно, повторять про себя одно и то же десятки раз, чтобы замаскировать, спрятать свои истинные намерения. Но разве можно за барьером нелепиц скрыть, убрать в дальний угол сознания те мысли, которым подчинено все твое существо?

И чем ближе подходил Ролл к своей цели, тем явственнее представляла перед ним перспектива провала, тем сильнее стучало его сердце, тем слабее становилась психологическая защита против пока что еще дремавшего зонда.

...Когда детектор впился ему в бок, он вздрогнул и облился холодным потом...

...Упал Ролл уже на берегу небольшой речушки. Он растянулся во весь рост на песке и долго лежал неподвижно, чувствуя, что ему никогда не подняться на ноги — так отяжелело все его тело.

«Неужели я победил?! — первое, что пришло ему в голову. — Неужели все это правда?!» Ролл никак не мог поверить в то, что еще два часа назад он считал невозможным, — что разум его прорвал наконец блокаду и ему не страшны теперь никакие зонды, никакие электронные вампиры, которые только того и ждут, чтобы высосать из человека его интеллект. У Ролла было такое чувство, будто он вышел из раскаленной печи и окунулся в холодную воду. Он пытался собраться с мыслями, но это у него не получалось: в голове еще бурлили и мешались какие-то бессмысленные образы фраз и воспоминаний.

«Стоп! Нужно отделаться от детектора. Иначе Служба безопасности сможет найти меня».

Ролл перевернулся на спину и сел, проведя ладонями по брюкам, чтобы стряхнуть прилипший к пальцам песок. Теперь детектор безопасности представлялся ему чудовищным паразитом, сосущим его кровь, выгрызающим внутренности. Ролл осторожно подцепил детектор пальцами, потянул в сторону. Коробок не поддавался. Ролл плотно сжал зубы и потянул сильнее. Побелели пальцы, побелела оттянутая на боку кожа, но детектор не хотел отпускать Ролла. Тогда он, вздохнув, задержал дыхание, напрягся и дернул изо всех сил. Раз-

дался чмокающий звук, и детектор упал на песок, а Ролл застонал от боли. Он посмотрел на свой бок и ужаснулся: на боку зияла малиновая ссадина. Но Ролл поначалу не придал этому большого значения. Он понял, что последний мост за его спиной сожжен, последнее сомнение в реальности окружающего исчезло.

Через пять часов после побега детектор безопасности и карабин, оставленные Роллом на берегу реки, исчезли, а сам Ролл в тот момент был уже далеко. Он шел куда глаза глядят, минуя овраги, холмы и низины. Единственная цель, которую он теперь преследовал, заключалась в том, чтобы отойти подальше от того района, где он оказался после выхода из кабины, чтобы Служба безопасности не смогла напасть на его след. Ролл еще не представлял себе, как он станет устраивать свою дальнейшую жизнь, но это его сейчас не волновало. Теперь, после того, как он избавился от детектора и время, отведенное для охоты, уже прошло, а с ним ничего не случилось, Ролл окончательно уверился в том, что мир Игры существует на самом деле так же, как и тот мир, откуда он сбежал. И этой уверенности Роллу было пока более, чем достаточно.

На третий день Ролл наткнулся на труп. Он лежал на вершине пологого холма лицом вниз, широко раскинув руки в стороны, словно пытался обхватить ими весь холм.

Ролл стоял около тела, распростертого на земле, и, как завороченный, глядел на него, не веря своим глазам.

Светлые волосы на затылке мертвеца шевелились под порывами ветра, а ближе ко лбу они были слеплены какой-то темной высушенной массой; на земле, у самого лица, виднелось ровное бурое пятно.

Страшная догадка осенила Ролла.

Он нагнулся и осторожно приподнял край незастегнутой рубашки, надетой навывпуск.

— Боже милостивый! — прошептал Ролл.

На правом боку убитого, где должен был находиться детектор безопасности, зияла точно такая же ссадина, как и у него самого.

— Боже милостивый! — повторил Ролл. Земля уходила у него из-под ног.

Роллу ясно представилась простая и кошмарная истина. Все, что окружало его, было плоской, раскрашенной в разные цвета декорацией, и мир этих декораций, мир Игры, оказался таким же жестоким и бесчеловечным, как тот, о котором Ролл вспоминал с содроганием, уже не веря, что он когда-то мог в нем жить. И этот безоблачный мир оказался просто продолжением или даже частью того, он был коварной ловушкой для человека: сначала он отвлекал от главного зла и вместе с зондами и Службой безопасности сковывал мысль, а потом, когда человек становился опасен, он завлекал его в свои сети и убивал. Те, кто создал это, точно рассчитали: человеку, если он всерьез вздумал бежать, был, в сущности, открыт «путь к спасению».

Ролл понял, что он далеко не единственный беглец, решив-

ший порвать с миром, который все еще управлялся людьми, но в котором Человеку не было места. Он догадался, почему «не сработал» зонд в его голове, пока он лихорадочно готовился к бегству: его победа на самом деле была поражением, хитро замаскированным под победу. Он понял, почему премировался удачливый охотник в охотничьей перестрелке, вспомнил, с каким азартом сам палил в противника, и ужаснулся, сообразив, что, быть может, стрелял в ничем не защищенного человека и мог убить его.

Роллу стало дурно. Он с трудом отвел взгляд от трупа, повернулся и, подхватив сумку, сначала пошел, а потом побежал прочь, прочь от этого жуткого места...

...В тот день ссадина на боку загноилась. Он обмыл рану водой и двинулся дальше, прижимая рукой к боку найденный в одном из карманов посовой платок. К вечеру Ролл почувствовал, что начинает слабеть. Сначала нервное потрясение, а потом разболевшаяся рана доконали его совсем. Еще хуже стало после встречи с охотником, который, к счастью, его не заметил и прошел мимо. С этого момента Ролл больше не ставил пистолет на предохранитель...

Когда Ролл спустился в широкую ложбину, прорезавшую ровной линией весь лес, и прилег за маленьким холмиком на самом ее дне, а потом, приподнявшись, вдруг увидел, что по направлению к нему по ложбине идет человек, то понял, что на этот раз встречи ему не миновать.

Ролл снова опустился на землю и внимательно осмотрелся, окончательно удостоверившись в том, что, покинув свое укрытие, никак не сможет остаться незамеченным. Рассчитывать на быстроту действий он не мог. Отступить по дну ложбины, которое было размыто дождями, не имело смысла, поскольку укрыться уже нигде не было никакой возможности, а штурмовать довольно крутой склон Роллу было уже не под силу.

«Кажется, начинается самое мерзкое», — подумал Ролл, достав пистолет и вставив в него новую обойму. После этого он перевернулся на живот и осторожно высунулся из-за холма. До идущего человека оставалось около семидесяти метров.

«А что, если это такой же беглец?! — Ролл даже испугался этой мысли. — А если нет? Но как отличить его от простого охотника? Ошибка в любом случае будет стоить жизни одному из нас. Как же быть?»

Ролл до боли напрягал глаза, пытаясь по походке, по самой фигуре как-то определить, кто перед ним: такой же беглец, как и он сам, или охотник, приученный только убивать.

Между тем расстояние между ними сокращалось.

И тут ему в голову пришла новая мысль. Ролл чуть-чуть подался назад, продолжая выглядывать из-за холма, повернулся на бок, держась на локте, и, резко вытянув руку с зажатым в ней пистолетом, выстрелил вверх.

Человек, шедший по дну ложбины, замер на миг, затем прыжком бросился за камень, выставил перед собой ствол карабина.

«Если это охотник, то сейчас он начнет палить не переста-

вая», — подумал Ролл. Охотники патронов не жалеют. Это он знал по собственному опыту.

Прошла еще бесконечная минута. Потом вторая.

Тишина.

«Неужели беглец?! — Ролл еще больше разволновался. — Нет, это немыслимо. Слишком нереальный случай, чтобы в таком просторном мире на такой узкой дороге встретились два беглеца...»

Ролл еще раз резко поднял руку и выстрелил.

Раскатистое эхо унеслось вдаль, и в этот момент Ролл впервые за шесть лет полного одиночества услышал человеческий голос. Он словно разбудил что-то в душе Ролла, включил какую-то переставшую работать часть сложного механизма сознания. Ролл встрепнулся и весь напрягся, всем телом ощущая обращенные к нему слова.

— Эй, дружище! Ты что-то там мудришь. И стреляешь, если мне не изменяет слух, из пистолета. А у всех охотников бывают только карабины-автоматы. Ты что... беглец? — Последнее слово было произнесено так, что это был вопрос и одновременно ясный ответ на него.

— Да! Да! — заорал изо всех сил Ролл. Он даже задохнулся: горячая волна прокатилась по его телу.

— Ну тогда все в порядке, черт побери! — Незнакомец весело рассмеялся, встал с земли, отряхнулся, повесил карабин на плечо и уверенным шагом двинулся к Роллу, одной рукой почему-то касаясь края жесткой широкополой шляпы, на которую Ролл поначалу не обратил внимания. — Рад тебя приветствовать, коллега.

Ролл приподнялся и молча глядел на «своего коллегу», который, улыбаясь, приближался к нему.

Вскоре Ролл мог уже рассмотреть его лицо. Оно представляло собой сплошную сеть морщин и складок. Из-под шляпы выбивались начинающие седесть волосы. Мелкие тонкие морщинки расходились веером из уголков добрых смеющихся глаз. Передние зубы у знакомого были испорчены, но это только еще больше подчеркивало добродушные и искренность его улыбки. Но особенно поразили Ролла глаза знакомого. В них было что-то хорошее и живое, успокаивающее.

Незнакомец остановился в двух шагах от Ролла и внимательно осмотрел его.

— Беглец, значит... Ну это здорово, — это было сказано так, что Ролл почувствовал, как это действительно здорово. — Ну и перепугал же ты меня вначале. Думал, уж конец приходит... Знаешь, приятель, я ведь весь в броню закован. И куртка пуленепробиваемая, и брюки, и шляпа даже... Вот ведь брожу, как танк этакий. Да толку от всего этого чуть, когда чувствуешь себя рыбой, выброшенной на берег, и ждешь пуль. А будут они сыпаться, пока друг-охотничек не убедится, что я — пшик! — исчез, а я это, увы, без детектора делать не умею. А это означает, что пятьдесят пуль наставят мне синяки, а пятьдесят первая, глядишь, и найдет лазейку... Ну ладно. Главное, нам с тобой повезло... Беглец... Это хорошо... А меня, собственно, зовут Граун.

— А я Ролл. — Он еще не пришел в себя и только слабо улыбался.

Он хотел встать, но, поднимаясь с земли, задел большим местом сумку и, закусив губу от резкой обжигающей боли, в изнеможении вновь сел, прислонившись к сумке спиной.

— Эге, дружище! Что с тобой? — всполошился Граун.

Ролл расстегнул рубашку и отвел ее край от правого бока.

— Хм... — Граун поморщился. — Понятно... Ну ничего. И я с этого начинал. Пойдем ко мне. Я тут недалеко обитаю. Сможешь идти?

Ролл покачал головой.

— Тогда, если не возражаешь, я тебя перетащу, как мешок.

— Мне все равно. — У Ролла шумело в ушах, на глаза наплывал туман.

Граун подошел и осторожно взвалил Ролла на плечо.

— Ничего?

— Сойдет, — ответил Ролл, упершись лицом в мускулистую спину, покрытую жесткой бронированной тканью.

Граун чуть присел и, повесив на плечо свой видавший виды карабин, поднял с земли сумку Ролла.

— Фью! Ну и тяжеленная же! У тебя что там, камни?

— Патроны. И электрозажигалки еще, — сказал Ролл.

— Патроны?! — обрадовался Граун. — Это здорово! Это ты молодец! А у меня теперь с патронами туговато. Да, туго, ничего не скажешь. Подумываю уже переходить на копье и лук со стрелами.

Всю дорогу, пока Граун шел по дну ложбины, а потом по лесу, Ролл молчал. Зато Граун говорил без умолку. Рассказывал, как он жил раньше, как работал в системе техобслуживания автотоннелей, как его ни с того ни с сего вышвырнули за дверь, как после этого все его родственники словно забыли о его существовании, а жена от него ушла, и как, в конце концов, он плюнул на все, сбежал сюда, и вот уже четырнадцатый месяц живет в свое удовольствие.

Наконец они дошли до жилища Грауна. Это была небольшая землянка, сверху прикрытая сухими ветками и высохшей травой.

Когда Граун уложил его на постель, сплетенную из веток, Ролл внимательно осмотрелся. В землянке было опрятно и уютно. Вся «мебель» составляли кровать и плетеный стул. Стол заменяла неглубокая полукруглая ниша, вырубленная в стене. Сбоку, у лестницы, виднелась еще одна ниша, которая находилась у самого пола. На дне этой ниши были разбросаны потухшие угли, на которых стояло нечто вроде котелка. Стены были аккуратно обтесаны и орнаментированы светлой калькой.

— Да, брат, чего только не придумаешь, сидя в одиночестве, — вздохнул Граун, увидев, как Ролл с улыбкой рассматривает стены землянки, продолжая копошиться в углу среди каких-то склянок. — Ага, — вдруг сказал он, паливая

Рисунки М. Петрова

из банки в деревянную плоскую пемного густой зеленоватой жидкости. — Ну теперь держись. Я этой травой один раз случайно от загноившейся царапины вылечился, а теперь всегда лечусь: все раны, ссадины как рукой снимает. Поворачивайся на бок... Так, подними рубашку... Готово! — Граун поднес плоску к ране и вылил сулу на нее все содержимое.

Роллу показалось, что ему на бок положили раскаленную металлическую чушку. Он до крови закусил нижнюю губу и, согнув ноги в коленях, прижал их к животу.

— Ничего, ничего, потерпишь, — говорил Граун. — Зато через два дня будешь здоровее меня.

Ролл прижался плечом к стене, чтобы было удобно лежать, и почувствовал, что засыпает.

— Все-таки как это замечательно, что мы с тобой встретились, — сказал, помолчав, Граун. — Я ведь уже говорил, что ни разу не встречал здесь беглецов... живых, во всяком случае.

— Я видел труп, — тихо, сквозь дремоту, сказал Ролл.

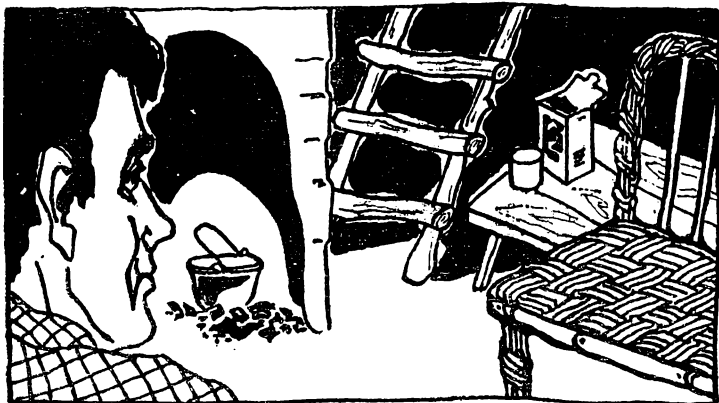
— Да? — Граун вскинул голову. — Значит, ты уже об этом знаешь... Что ж, тем лучше... Это тот самый труп, который у ручья, рядом с обрывом? Я его сегодня утром закопал.

— Нет, — сказал Ролл. — Этот далеко отсюда. Очень далеко. Километров шестьдесят или даже семьдесят.

— Сволочи! — с чувством сказал Граун.

— Охотники не виноваты.

— Да я не об охотниках. Наш брат, конечно, не виноват... Он ведь ничего не знает, пока сам не попадет на наше с тобой место... Это дело тех, кто сидит за рулем машины, машины эксплуатации чужого труда, чужой жизни. Тех, кто наживается на таких, как мы. Хитро придумали: обманом привязали всех пассажиров к сиденьям, чтобы, чего доброго, не взбунтовались и не разделались со своими хозяевами, а потом намалевали на стекле занимательные картинки, чтобы все сидели смирно и только любовались, ничего не понимая. Эх, если бы мы что-то могли!..

— Я тоже думал об этом, — согласился Ролл. — Но не кажется ли тебе, что создатели Игры все-таки просчитались? Например, в том, что на Игру не распространяется действие психозондирования?

— Да как сказать? Мы тут, вдалеке от Таулы, ничего не можем. Живем как дикие звери, ожидая охотников.

— Ты говоришь, что мы находимся далеко от нашей планеты?!

— Ну да. Потому и не работают здесь зонды.

— Я что-то не соображу...

— Да и не надо соображать. Все очень просто. Нашли планетку подальше от Таулы, где и жить можно, и места для всех хватит, и переоборудовали ее в этакое охотничье угодье. Потом наладили сюда мгновенное и бесперебойное передвижение через пространство. И весь секрет.

— Откуда ты знаешь?

— Однажды слышал разговор на эту тему. Да и сам кое-что замечал. Солнце здесь не такое, как у нас... А где на Тауле ты видел столько зелени и зверья? Нигде. Все вытравили в угоду этим самым вечно прячущимся эксплуататорам.

— М-да. — Ролл все еще никак не мог примириться с мыслью, что каждый день он перешагивает чудовищные бездны крошечной тьмы и пустоты.

— И ведь надо ж так придумать: превращать беглецов в дичь. Хорошо, что я догадался облачиться в броню. Теперь попробуй меня просто так взять... Кстати, у меня осталось несколько кусков ткани, из которой скроен этот панцирь. Нашем тебе на куртку и на брюки бронированные заплатки.

Прошел месяц. Ролл постепенно привык к новой жизни, и ему начинало казаться, что он так жил всегда, а прошлое было скучным и серым сном. Каждое утро он охотился вместе с Грауном, а в остальное время расширял землянку или плел нехитрую мебель. Как-то Граун предложил всерьез заняться земледелием, и они изобрели деревянный плуг. Всерьез подумывали о приручении диких животных. Между тем патроны кончались. Оставили неприкосновенный запас специально для защиты от охотников. И вскоре эти патроны понадобились.

Однажды после очередной перестрелки, во время которой удалось «подстрелить» охотника и отправить его в Дом Игры, Ролл сказал Грауну:

— Послушай, а что, если попробовать переманивать охотников на нашу сторону?

— То есть как это? — У Грауна приподнялись брови.

— Договориться с ними. Убедить, чтобы они поступили так же, как и мы, и остались здесь.

— Но как это ты с ними договоришься? Миленькие-хорошенькие? А они тебе пулю в лоб. Тебя это устраивает? — Граун усмехнулся. — И потом не забывай, что таких, как мы, бобылей и бедолаг, на свете не так уж много. Мало кто захочет просто отмахнуться от того мира. Да и Служба безопасности может докопаться, тогда достанется всем. И нам тоже.

— Так ведь и голова нам, надеюсь, не зря дана. Можно при встрече представиться агентами той же Службы и начинать прямо с расспросов. Что говорить дальше, мы решим потом, когда узнаем о человеке достаточно. Я верю: найдется немало людей, которые могут примкнуть к нам. Это уж точно... Сейчас нас только двое, а представь себе то время, когда нас будет много.

...Случай представился через две недели. Было тихое и пасмурное утро. Ролл и Граун бродили по лесу и, увидев просвет между деревьями, вышли из чащи.

Лес кончался на краю пологого склона, на котором то там, то здесь лежали, вдавившись в землю, огромные валуны. Внизу росло еще несколько деревьев, а дальше расстилались бескрайние изумрудные луга.

— Красивое место, — сказал Граун, окидывая взглядом величественный простор. — Вот где бы нам поселиться... Ложись! — вдруг воскликнул он.

— В чем дело? — спросил Ролл, припав к земле.

— Ох и везет же нам, поверь мне. — Граун многозначительно покачал головой. — Погляди вниз повнимательнее.

Ролл посмотрел в сторону, куда показывал Граун: внизу, у подножия холма, шел человек.

— И как это мы его сразу не заметили? — удивился Ролл.

— Главное — он нас не заметил. — Граун немного помолчал, наблюдая за незнакомцем. — Охотник. Карабин-автомат за плечом, и бок распух от детектора... Что ж. Начнем большую охоту?

У Ролла по спине пробежали мурашки.

— Начнем, — сказал он. — На этот раз рискну я. На мне достаточно бронированных заплаток. Только дай свою шляпу. Голова у меня не защищена.

— Держи! — Граун отдал Роллу шляпу.

— А теперь, — Ролл показал на лежавший неподалеку громадный валун высотой в полтора человеческих роста, — я переберусь за эту махицу, а ты займи позицию где-нибудь в стороне так, чтобы охотник был всегда в поле твоего зрения. Стреляй в самом крайнем случае. В общем, я надеюсь, ты сможешь правильно оценить обстановку.

...Ролл дополз до валуна и поднялся посмотреть, как дела у Грауна. Тот все еще полз, одной рукой держа карабин за ремень. Трава вокруг Грауна колыхалась из стороны в сторону. «Как бы он себя не выдал этим», — с тревогой подумал Ролл. Наконец Граун остановился, выглянул из-за кочек и, убедившись, что он не замечен, положил карабин перед собой. Ролл, увидев, что его напарник уже приготовился, помахал ему из-за валуна рукой. Граун кивнул.

Охотник медленно приближался.

Ролл вспомнил, как впервые обратился к нему Граун в тот день, когда они встретились, и крикнул:

— Послушай, дружище!

Охотник дернулся, мгновенно вскинул карабин, даже не глядя на Ролла, выстрелил в его сторону и бросился за ближайшее дерево.

— Дьявол! — прошептал Ролл, осторожно выглядывая из-за валуна. — Эй, приятель, подожди! Не стреляй!

В ответ еще две пули. Над головой брызнули фонтанчики раздробленного камня.

— Чтоб тебя!.. — Ролл повернулся и посмотрел на Грауна. Тот лежал, не двигаясь, положив цевье карабина на кочку и плотно прижав приклад к плечу.

— Не стреляй! — снова крикнул Ролл.

Бах! Бах!

— Кончай палить, тебе говорят! — Ролл начал выходить из себя. — Это принесет тебе только пользу! Если не хочешь потерять право пользования Игрой, прекрати стрельбу. Прекрати стрельбу!

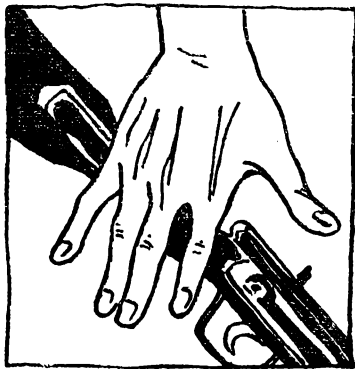
На этот раз воцарилась тишина, но это была тревожная тишина.

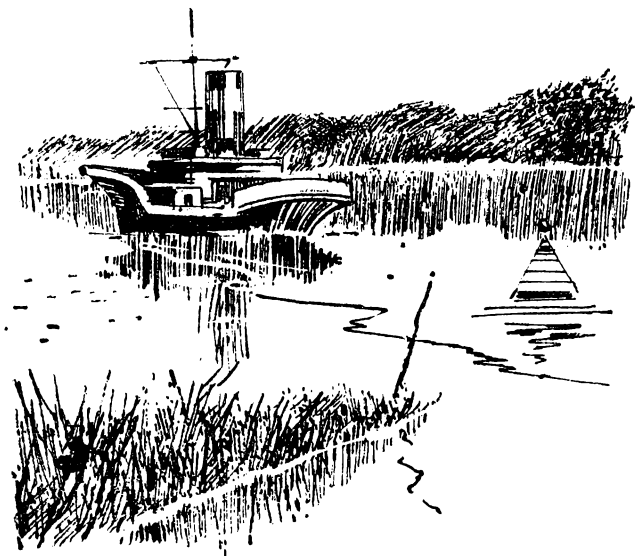
— Сейчас я выйду из-за валуна! — Ролл чувствовал, что голос его стал тверже. — Ты увидишь: я безоружен!

Ролл переложил пистолет из кармана брюк во внутренний карман куртки, потом набрал в легкие побольше воздуха и решительно вышел из-за своего укрытия, левую руку высоко подняв над головой, а правой касаясь шляпы, чтобы в крайнем случае попытаться защитить лицо.

Он прошел два десятка шагов прежде, чем охотник вышел из-за дерева, держа в руках оружие.

Ролл продолжал идти на негнущихся ногах прямо на охотника. Он не видел перед собой ничего, кроме нацеленного на него карабина. Он заметил, как качнулся и нехотя отвернулся в сторону темный зрачок ствола. Теперь медленно опускалась вниз ложа, пока не уперлась прикладом в землю рядом с ногой охотника. Его рука продолжала сжимать вороненый ствол. Прошло несколько мгновений. Стали разжиматься обхватившие ствол пальцы. Карабин дрогнул, рука на миг задержалась в воздухе, словно прощаясь с оружием, к которому она так привыкла, и медленно опустилась.

Вадим БУРЛАК

РЕЧНЫЕ ЗАВОДИ

Повесть

I

Уставший после первого трудового дня Пашка Нестеренко отдыхал на корме «Быстрого». Рядом примостился боцман Егорыч, кряжистый шестидесятилетний старик. Буксир шел вниз по Днепру. С берега налетел ветер, пропитанный запахами Таврии, сохлых солончаков и прошлогодней созревшей травы.

— Зря ты, Павло, окрысился на капитана, — неторопливо начал Егорыч. — Ну, скажи на милость, чего он тебе сделал плохого?

Пашка исподлобья, молча посмотрел на боцмана. Действительно, если разобраться, так разве кто виноват на этой консервной банке, что его, Павла Нестеренко, курсанта мореходного училища, послали на практику не в загранку, а с лягушатниками шуровать по Днепру. В отделе кадров сказали, пока, дескать, нет восемнадцати, поплаваете на внутренних водах, а там видно будет. Вот и весь разговор.

Не стал, конечно, Пашка унижаться перед этими бюрократами, не таковский он человек. Плюнул на все, взял направление на «Быстрый» и с этого дня и до конца практики будет перевозить всякую дребедень из Херсона в Каховку, из Каховки в Цюрупинск.

— Ну, ты чего молчишь? — недовольно спросил Егорыч. — Я тебя спрашиваю, за что нагрубил капитану?

— Да ну его к дьяволу, сам прицепился непонятно чего, я и послал куда подальше. Подумаешь, начальник нашелся. Капитан... Моря небось и в глаза не видел.

— Зря. Первый день, и такие кренделя выписываешь. За границу его, видишь ли, не пустили, так он и лаетя на весь белый свет...

Остывала палуба. Солнце скатывалось куда-то за плавни, в степные низы. Стихали полевые запахи. В речном воздухе прибавлялось сырости. Добрыми глазками бакенов и окнами хат прибрежных деревень засветилась река.

Егорыч, глядя в одну точку, продолжал:

— Не всю жизнь речником был капитан, плавал и по морям. И я тоже, шарик разов десять обошел. Где только не был. А тонул и в Индийском и в Тихом океане...

Пашка с удивлением посмотрел на боцмана.

— Не веришь? Спроси у любого из команды.

— Да не, я верю. Только чего это вас занесло сюда после кругосветки?

— Годки подпирают. Стало тяжело рейсовать по морям. Перешел поближе к дому. На каботажном уже лет восемь плаваю. Да и отсюда списывают. Шестьдесят один — все, шабаш. Теперь на пенсию. Так что отобьют в эту навигацию последние склянки — и в тихую гавань, на вечный прикол. Но дело не в этом, Павло. Я вот чего думаю: все моря и океаны как бы внешность страны, а реки, значит, кровь и душа. И прежде чем выйти в море человеку, скажем тебе, к примеру, прежде чем во всяких других странах побывать, надо сначала пройти по Днепруше, по Волженьке, чтобы дух русский так пропитал, что дальше некуда. И чтобы силушку взял от этих рек, иначе плохо ему придется, когда будет рейсовать по всяким Сингапурам и Монтевидео.

Тужился буксир, перемалывая винтом воду, скрипел штурвальной цепью, и вдруг, словно захлебнувшись, неизвестно для чего, сначала пискливо, затем густо засвистел, и эхо в плавнях передразнило его.

Из-за темной кручи выплыла луна. В ее косом сиянии вода в реке залоснилась. Невзначай кликнула на берегу сойка и смолкла. Пролетели какие-то жуки, гудя басовитыми струнами.

На уснувшем берегу полыхал костер, и огонь от него весело отражался в реке, опрокинутый языками вниз. Черная тень человека присела на корточки у костра. Мешает в котле варево и напевает какую-то песню. Слов не слышно, лишь можно угадать, что песня эта сродни речным ширям, крутым сизым кручам, беспокойному камышу.

И долго еще сидели бок о бок, взглядываясь в ночь, ста-

рый боцман и мальчишка-матрос, которого ждут не дождутся дальние страны, незнакомые города, неведомые земли.

А на берегу, в рыжем под луною ивняке, высвистывали днепровские соловьи.

II

Известная в городе шпана — Саня Граммофон и Штырь — с утра околачивались на пристани. Сидя на перевернутых ящиках, они лениво играли в «буру». При этом изредка посматривали в сторону разгружающейся баржи. Когда игра им наскучила, Граммофон сунул колоду карт в карман и сладко зевнул.

— Так говоришь, дело верняк?

— Бузило не трепач, — ответил Штырь. — Сказал — за метал. Я знаю, он давно с хозянками снюхался.

Граммофон недоверчиво покачал головой; с хозянками-то он снюхался, но все равно не укладывается в башке, зачем нужны ему эти железяки. Одно дело заводу или фабрике...

— Говорю тебе, хозянкам они нужны, — оборвал приятеля Штырь. — Хозянки все тащат, где что плохо лежит. Головастый народ, замастырят дело и всегда в цвет попадают. Знают кому толкать.

Граммофон посмотрел на часы.

— Долго еще будем торчать?

— Не шебурши, самому надоело. Ага, вон, кажется, матросик тащится с «Быстрого». — Штырь вскочил на ноги и подмигнул приятелю.

— Гляди, Саня, зря динаму не верти. Улыбни свой циферблат, слушай меня и поддакивай.

Пашка чуть вразалочку, не спеша, прогуливался по пристани. «Быстрый» отчаливает вечером. Времени еще уйма. В город одному идти неохота. Ребята из команды, кто занят делом, а кто подался, как Володька Сазонов, к своей «невесте». Может, сходить в кино? Пашка остановился в раздумье.

— Эй, морячок! Ты с «Быстрого»? — прервал его раздумья Штырь.

Пашка окинул настороженным взглядом парней.

— Ну, с «Быстрого».

— Отличная посудина, — заметил Штырь и мечтательно посмотрел в сторону буксира. — Наверное, и в загранку ходите?

— Всякое бывает, — уклончиво ответил Пашка, ожидая какого-нибудь подвоха. — Ну и дальше что?

— Да ничего, — улыбнулся Штырь. — Батя мой строил этот буксир, вот и интересуюсь.

— Робя, чем мы здесь маячим, жаримся на солнце? Айда по кружечке махнем, — предложил молчавший до сих пор Граммофон.

— О! Дело говоришь, — обрадовался Штырь.

Пашка вначале потоптался в нерешительности, потом согласился.

— Пивка — это можно.

От причала поднялись узенькой, пыльной улочкой к базару. Новые знакомые чувствовали себя здесь хозяевами. Саня Граммофон, проходя мимо фруктового ряда, выбрал самое большое яблоко и небрежно подбросил его на ладони, продолжая как ни в чем не бывало двигаться дальше сквозь толпу. Пашка думал, что продавец поднимет сейчас крик или кинется вдогонку. Но продавец только зло посмотрел ему в спину и отвернулся.

Штырь выхватил у Граммофона яблоко.

— Санечка, я тебе сейчас по рукам надаю. Кто тебе разрешил есть немытые фрукты?

Пашка усмехнулся — веселые ребята.

В это время откуда-то из толпы вынырнул милиционер. Глаза его блуждали, отыскивая кого-то в людской толпе.

Штырь тут же подлетел к нему.

— Товарищ Бородько! Рад приветствовать вас. Ищете кого? Ай-ай, неужели потеряли ребеночка?

Милиционер недоуменно посмотрел на Штыря.

— А, это ты, Авдеев? Шляешься все? Ладно, топай, не до тебя.

— Разрешите угостить вас? Из своего сада. — И Штырь сунул милиционеру яблоко.

Тот хотел было отказаться, но в это время он, видимо, заметил, кого искал, и с машинально зажатым в кулаке яблоком снова нырнул в толпу.

Граммофон и Пашка засмеялись, а Штырь, продолжая паляничать, послал вслед милиционеру воздушный поцелуй.

— Это кто, знакомый? — любопытствовал Пашка.

— Друг детства и буйного отрочества, — ответил Штырь и подмигнул Граммофону.

Пивная находилась в дальнем углу базара. Пробраться к ней надо было мимо пустых бочек, пропахших квашеной капустой, мимо телег, запряженных унылыми битюгами.

Подойдя к выходу, Штырь деловито распорядился:

— Саня, мостырь бутылку. Я очередь займу.

Минут через десять на столе уже стояла бутылка водки, кружки с пивом, в тарелках дымились сосиски.

— Давайте за встречу, — нетерпеливо раскупоривая бутылку, предложил Граммофон.

Пашка покосился на табличку: «Приносить и распивать спиртные напитки запрещается».

Штырь перехватил его взгляд.

— Да ты не дрейфь, моряк называется!

— С чего ты взял? — молодежато ответил Пашка.

— Во, я и говорю — настоящий моряк ничего не боится.

Когда закончили бутылку, а Граммофон выдал с десятка анекдотов, Штырь подтолкнул Пашку.

— Ну а ты чего молчишь, рассказал бы о своем плаваньи.

Пашка хотел было загнать о дальних морях и странах, но, встретившись с насмешливым взглядом Штыря, осекся.

Рисунки Г. Сундарева

— Чего тут рассказывать? В эту навигацию только по Днепру мотаемся.

— А что возите?

— Так, всякую дребедень для нового комбината.

— Интересно, — вставил Граммофон и тут же получил пинок по ноге от Штыря.

— А когда еще к нам завернете?

— Наверное, дней через пять. Целые сутки будем стоять у вас. Тоска.

Граммофон и Штырь переглянулись.

— Полными придете?

— Полными, — кивнул Пашка.

Граммофон почесал пятерней шею.

— Э, робя, может, еще того?

— Можно, — согласился Штырь.

Пашка хотел было отказаться, но потом решил не ронять

достоинство морского волка и достал из кармана мятую трешку.

— Убери, — запротестовал Штырь. — Так не годится. Ты наш гость. — И он сунул деньги Пашке в карман.

Когда Граммофон ушел за новой бутылкой, Штырь огляделся по сторонам и, обняв Пашку одной рукой, полушепотом спросил:

— Хочешь заработать?

— Смотря что.

— Ну, конечно, не срок. В общем, такое дело. — Штырь окинул оценивающим взглядом Пашку. — Есть у меня один друг. За большие деньги он купит несколько ящичков с теми железками, что вы привозите для комбината. Не дрейфь, дело выигрышное. Ты попросишься, чтобы тебя поставили ночью дежурить на барже. Мы подъедем на катере, возьмем ящички — и порядок. Все будет без пыли и шума. Идет?

Пашка помутневшим взглядом покосился на Штыря.

— Ты что, на кражу меня толкаешь?

— Какая кража? — всплеснул руками Штырь. — Смех один. Подумаешь, несколько ящичков. Государство не обеднеет. А друг мой спасибо скажет и отблагодарит. Так как же?

— Надо подумать.

Вернулся Граммофон.

— Согласился?

— А чего не согласиться? — ответил за Пашку Штырь. — Дело кондовое наклеивается.

— Я еще не решил, — упрямо сказал Пашка.

— Дашь ответ, как вернешься. А мы с Саней встретим тебя на пристани.

Граммофон разлил по кружкам водку.

— За удачу. — И, скосив глаза на Пашку, добавил: — А ты, матросик, смотри не трепани языком, а то и занозу в бок недолго получить.

— Запугиваешь? — Пашка сжал зубы, сунул правую руку в карман. Глаза его сузились и налились злостью.

— Но-но, детки, не бузите, — вмешался Штырь. — Наш Саня человек большой доброты, но шутит всегда неудачно.

Утром Пашку растолкал Сазонов. Чертовски болела голова, а во рту все пересохло.

— Ну, Паш, ты даешь, — усмехнулся Володька. — Где так вчера накачался? Мы с ребятами еле затащили тебя в кубрик. Хорошо, никто из начальства не видел.

Пашка неопределенно махнул рукой.

III

Старую дворнягу пристрелили на рассвете. Эхо неслось по выстывшим плавням, разрывая тишину. Потом оно смолкло, застряв где-то в сыром вязком тумане. Затихла и дворняга на речном косогоре, откинув на лапу простреленную голову.

Утром сторож с пристани принес на «Быстрый» щенка и сказал, что пристрелить дворнягу ему приказало начальство.

Собака, дескать, была никудышная и чем-то болела, один вред от нее.

Щенка сторож нашел в норе над речным обрывом. Еще четверо его братьев и сестер околели два дня назад. И дворняга выла всю ночь на луну за старой пристанью.

Капитан разрешил оставить щенка на буксире. Тут же кто-то из команды дал ему кличку — Листок.

Мордочка у щенка была острая и сердитая. Темно-серая шерстка на спине чуть лоснилась, а хвост завивался колечком. Он совсем не был похож на свою мать.

Листок быстро освоился на палубе. Правда, в руки сперва никому не давался, и, если кто-то из матросов пытался взять его, он ловко увертывался и убегал на корму. Там он прятался под выцветшим брезентом. Дико, по-лесному, блестели оттуда его зеленые глаза. Щенок, наверное, тосковал по матери, ее ласке и теплу.

Володька Сазонов принес ему с камбуза молоко, но он только шлепнул несколько раз языком и отошел в сторону. Потом, недовольно фыркая, Листок облизал испачканный в молоке нос.

Сазонов резким движением схватил щенка. Листок забился в сильных руках с таким отчаянием, что Володьке показалось, будто он держит мягкую заводную игрушку.

Володька отпустил щенка на палубу и сунул ему в рот кусочек сахара. Листок выронил сахар, но, подумав, обнюхал, осторожно взял в рот и старательно захрустел. Покончив с лакомством, он облизнулся и некоторое время выжидательно смотрел то на Сазонова, то на Егорыча.

Но у Володьки начиналась вахта, и он, помахав щенку рукой, отправился в рулевую рубку. Листок сделал за ним несколько неуверенных шажков, потом вдруг резко повернулся и побежал в обратную сторону, к облюбованному месту под брезентом. До самого вечера Листок не показывался оттуда.

Из-за дальнего острова как-то спешно вынырнул месяц. Озарил речку мутным зеленоватым светом.

Пашка, закончив ужинать, собрался было спуститься в кубрик почитать перед сном, как вдруг услышал на корме шорох. Сделав несколько шагов, он увидел щенка, играющего краем брезента.

Пашка подошел поближе и, усевшись на ящик с песком, поманил щенка. Листок не заставил себя долго ждать. Пашка взял его на руки. Щенок вытянулся во всю длину, заслоняя лапами глаза от лунного света. Пашке хорошо чувствовалась его пушистая теплота и в ней маленькая незащищенная жизнь. Он погладил щенка, и Листок, уткнувшись в его руку, доверчиво лизнул шершавую ладонь. Потом, глубоко и протяжно вздохнув, закрыл глаза.

Щербатый и уже выцветший рог месяца уплывал на покой к лесу. Осенняя тишь баюкала в росных лугах далекие огни деревень. Спало заречье предзоревым сном, и лишь одинокий перепел, затерявшийся в темных лугах, кого-то звал и звал.

Пашка читал раньше, что собаки не различают цвета, но сейчас ему казалось, что Листок видит зеленые теплые сны прошедшего лета.

Проснувшись, Пашка вначале не мог сообразить, почему так тихо. Потом вспомнил — команда отдыхает.

Осторожно, чтобы никого не разбудить, он оделся, взял приготовленные с вечера снасти и на цыпочках вышел из кубрика.

Игравший на палубе Листок увязался было за ним, но Пашка подумал, что щенок будет ему помехой, и решил не брать с собой.

Берегом реки он прошел почти километр. Однако удобного для заброса места не попадалось. Пашка уже начал ругать себя за то, что забыл взять у Володьки резиновые сапоги. Он решил вернуться на «Быстрый», но заметил выплывающую из-за острова лодку-плоскодонку. На веслах сидел высокий старик в телогрейке и лихо сдвинутой набекрень кепке. Выхав на середину реки, старик огляделся и, увидев Пашку, повернул плоскодонку к берегу.

Подтянув лодку на отмель, он хмуро кивнул головой и не спеша достал из кармана телогрейки пачку «Примы». Серые маленькие глаза его при этом так и сверлили Пашку.

— Что, дед, рыбалим?

— Ага, внучек, — с какой-то ехидцей ответил старик.

— А щучка в этих местах имеется?

— Щучка-то есть, да не про всяку честь. Много тут шастают. Думают, место тихое, рыбы полно, так можно и лопатой отгребать. Ан нет, рыба поумнела, на ваши тростиночки-былиночки не пойдет.

— Это почему? — усмехнулся Пашка.

— Да потому, шо вы, городские, не уважаете ее и к старым рыбакам без почтения. Вот раньше, к примеру, придет какой-нибудь в шляпе и с таким животом. — Старик развел руки в стороны. — И бежит сразу в магазин. А то и с собой привезет. Полный чомодан. Выходит на пристань, а я уж тут как тут. Мое почтение вам, Спиридон Лукич. Он бутылку выставляет — я ему хорошее рыбное местечко показываю. Он вторую достает, я ему наговор тайный для каждой рыбки рассказываю. А уж как третью не пожалует — лодку отдаю.

Старик хитро глянул на Пашку.

— Перевелись хорошие рыбаки. Шастает теперь всяких с удочками та спиннингами больше, чем рыбы в реке, и не то шо бутылку, стакан не поставят. Одним словом, туристы.

Старик неторопливо курил, разглядывая Пашку.

— Я, дед, твой хитрый намек понял. Не дождешься от меня бутылки. Как-нибудь и без твоих тайных наговоров наловлю рыбы.

— Дело хозяйское, — обиженно пожал плечами старик и отвернулся от Пашки.

Внезапно тишину нарушил бой жереха. Рыба громко плескалась почти у середины реки. Пашка стремглав кинулся в воду. Что есть сил размахнулся и послал блесну чуть выше того места, где играл жерех. Как только блесна легла на воду, он стал торопливо подматывать, стараясь вести ее у самой поверхности.

Старик с любопытством наблюдал за Пашкиными действиями, но скрывал это презрительной улыбкой.

— Как же, вытащи его этой тростиночкой-былиночкой, — не выдержал он наконец. — Держи карман шире. Жерех не дурак. Я вот нашепчу ему заветное слово, он и уйдет.

Пашку уже начинало злить ворчание старика.

— Слушай, дед, ты кончай колдовать мне под руку.

Он хотел еще добавить несколько крепких словечек, но тут почувствовал сильную и резкую хватку жереха. Ручка непослушной катушки вырвалась из пальцев, и леска потянулась в глубину. Утащив леску еще метров на десять, жерех на какое-то мгновение остановился, но тут же заметался с новой силой еще яростнее.

Пашка застопорил катушку, и теперь леска то провисала к самой воде, то напряженно звенела, сгибаемая удилице. И когда наконец утомленная, измученная рыба показалась над водой, Пашка перевел дух. Выброшенный на берег жерех долго подпрыгивал на траве.

— Их ты, какого выволоч! — Старик даже хлопнул себя по бокам. Лицо у него подобрело, в голосе послышались дружелюбные нотки. Подойдя к Пашке, он протянул широкую ладонь и важно произнес: — Василь Никитич я, будем знакомы.

— Оказывается, и на тростиночку-былиночку можно ловить, — ответил Пашка.

Старик засмеялся.

— А ты уж и обиделся. С норовом ты, парень, с норовом. Веслами-то шуровать умеешь?

— Еще бы! — Пашка распрямил плечи. — Я же моряк.

— Ну, садись тогда, моряк, в лодку. Покажу я тебе одну расчудесную яму.

Ехать пришлось недолго.

— Давай-ка попробуй ось тут, — скомандовал старик, — а я посижу на веслах.

Василий Никитич действительно хорошо знал рыбные места. Не прошло и пятнадцати минут, как Пашка почувствовал рывок, да такой сильный, что удилице клонуло воду. Стравив несколько метров, Пашка решил, что зацепил за корягу.

— Придется вертаться, — недовольно сказал он.

— Не, — покачал головой старик. — Я наговорил, шоб то была рыба.

Пашка хотел возразить, но тут неожиданно затрещала катушка, и метр за метром начала разматываться леска. Рыба уходила в глубину.

Пашка растерянно оглянулся на старика, но тот уже понял ситуацию и подналег на весла. Лицо его стало серьезным и красным от напряжения.

— Стопори! Стопори, мать ее так! — заорал старик. — Ты шо уснул? Упустишь рыбину!

Когда лески на катушке осталось совсем немного, рыба вдруг сама остановилась.

Пашка попробовал стронуть ее с места, чуть подтянув катушку. Рыба не поддавалась. В напряженной тишине слышалось

дыхание старика, всплески воды и попискивание какой-то пичужки в густых зарослях ивняка.

— Вострись помалу. Сейчас она запляшет, — прошептал старик.

И тут же Пашка почувствовал рывок.

— Пошла! Пошла, голубонька! — крикнул над самым ухом Василий Никитич. — Не послабляй ей. Их ты, кто ж так с рыбой обращается. Мотай ее, дурак! Мотай!

У Пашки от напряжения заныли пальцы. Но он продолжал плавно подкручивать катушку. Несколько раз над водой показывалась черная голова щуки.

— Только не сорвись, рыбка. Только не сорвись, — шептал Пашка.

Он, казалось, не слышал выкриков старика. Все внимание его сосредоточилось на точке, где леска вонзилась в зеленую воду.

Лодка неслась теперь вниз по течению. Старик понемногу табанил, чтобы не порвать леску. Он уже не кричал, а бормотал какие-то ему одному известные заклинания. Ход лодки вдруг стал затихать, леска ослабела, и над водой показалась разинутая щучья пасть. Словно глотнув побольше воздуха, щука медленно перевернулась вверх брюхом.

Старик вовсю заработал веслами, направляя лодку к берегу.

— Еще, еще чуток подтяни. Легче, не рви, — давал он советы.

Наконец рыбу подтащили к берегу. Старик схватил бугор и, выпрыгнув из лодки, зашлепал по воде. Когда щука легла на песчаную отмель, он ловко забагрив ее и выволок на берег. Щука несколько раз ударила тяжелым хвостом по траве и, изогнув спину, затихла.

Пока Пашка дымил сигаретой, старик, стоя перед рыбой на коленях, творил колдовской обряд.

— Касатушка моя, раскрасавица, накажи детушкам своим, ребятушкам-щуряточкам, шоб не боялись моей лодки. Накажи, шоб реченька слушалась весла моего, а вся рыба моего слова, — доносилось до Пашки тихое бормотание.

Уже в сумерках подъехали они к «Быстрому». Пашка предложил подняться на палубу, чтобы Василий Никитич вместе с командой повечерял сегодняшним уловом. Старик вначале поломался для порядка, но, когда Пашка пообещал, что к уху будет кое-что покрепче, согласился. Прощаясь после ужина, старик шепнул Пашке:

— Ты, того, не сердчай на меня за слово сказанное. Запальный я дюже. Как в азарт войду, так шумлю на всех. Меня Водяным прозвали за мой нрав и любовь к реке. А ты, как надумаешь рыбалить, заходи, не стесняйся. Подскажу тебе заветное слово.

V

«...А вчера мы пересекли экватор. Сейчас ночь. Над нами висит созвездие Южного Креста. Очень красиво.

Из команды я один остался на ногах. Всех свалила страшная болезнь — лиловая тропическая лихорадка. Ты только,

Алена, не волнуйся и не ищи названия этой болезни в энциклопедии. Она еще неизвестна науке.

Я тоже заразился лиловой тропической лихорадкой, но, собрав всю свою силу воли, встал на вахту. Один — и за штурмана и за рулевого, и за механика. И будь спокойна, Алена, корабль «Быстрый», управляемый мною, придет куда надо и в назначенный срок. Правда, все навигационные приборы вдребезги разбиты и смыты волной (это когда мы проходили мыс Доброй Надежды). Там всегда ужасные штормяги...

Как я уже говорил тебе во время нашей последней встречи,

мы выполняем очень важный секретный рейс, о котором рассказывать можно будет только через двадцать или даже через тридцать лет...

Письма мне не пиши, все равно не дойдут. А почтовый штамп города Херсона пусть тебя не смущает. Это для конспирации, чтобы никто не знал, в каком порту находится «Быстрый».

На этом заканчиваю свое послание. Прямо по курсу показались рифы.

До скорой встречи.

П а в е л».

Едва Пашка успел сложить письмо, как в кубрик ввалился Егорыч.

— Ты чего размечтался? К Цюрупинску уже подходим. Шуруй наверх, доски выгружать.

Пашка сунул письмо в карман, поморщился.

— Ладно, бегу.

VI

— Не, Паш, я на это дело не пойду. И не уговаривай. — Сазонов, заложив руки за спину, рассказывал по каюте. — На кой мне это нужно — получить от шпаны финку?

Пашка исподлобья наблюдал за товарищем.

— И тебе не советую связываться, — продолжал тот. — Иди лучше в милицию и все Расскажи.

— В милицию, в милицию, — передразнил Пашка. — Да кто мне поверит? Эти гады от всего откажутся. Скажут, будто я был пьяный или что они пошутили. Надо их взять на деле.

Сазонов почесал затылок.

— А какого дьявола ты вообще связывался с ними? И так тебе капитан вкатил выговор за ту пьянку, а ты еще с блатными связался. Ох, Пашка, помяни мое слово — плохо конишь.

— Да это же они меня тогда напоили. Я вначале не разобрался, вроде свои ребята. А потом уже поздно было.

— Напоили! Ты что, салажонок несмышленный? Скажи, просто испугался ножа.

Пашка схватил Володьку за руку.

— Я испугался? Плевать мне на их нож. Боишься помочь, сам задержу всю шайку.

Сазонов усмехнулся и вырвал руку.

— Чего орешь? Я не глухой. А к моему совету прислушайся.

В иллюминаторах показалась пристань. Буксир стал замедлять ход.

— Обойдусь и без твоих советов, — буркнул Пашка.

Штырь и Саня Граммофон, как и обещали, пришли его встречать.

— Привет морскому волку, — оскалив два золотых зуба, улыбнулся Штырь.

«Подгребли все-таки», — со злостью подумал Пашка. Честно говоря, была у него надежда на какой-то счастливый случай: может, передумают или в милицию попадут.

— Как ты там, на морских просторах? — продолжал скалиться Штырь.

У Пашки чесались кулаки двинуть его по золотым зубам, но он подал руку Штырю и вяло ответил:

— Все как и было.

— Ты чего такой кислый? — поинтересовался Граммофон.

— Голова болит, — соврал Пашка.

— Так, может, дернем по маленькой с прицепом? — предложил Граммофон.

— Не могу.

— Плюй на все, пойдем...

— Ша, Саня, — остановил приятеля Штырь. — Тут дело, как пламя свечи, колышется.

Он положил Пашке руку на плечо и с пристальной подозрительностью посмотрел в глаза.

— Ты чего, морячок, фары в сторону отводишь? Задумал сыграть наоборот? Не выйдет! Стукнешь кому — вгоню на две метра под землю.

Пашка сбросил руку Штыря.

— Кончай запугивать. Не таких видел. Если б я что-то задумал — к вам не пришел или привел бы милицию.

— Ну ладно, не обижайся, — примирительным тоном сказал Штырь. — Погорячился я. Может, все-таки сходим, пропустим по маленькой за удачу?

Пашка покачал головой.

— Нет, я и так выговорешник от кэпа схватил в тот раз.

— Кто-нибудь из команды заложил? — деловито осведомился Граммофон. — Покажи пальцем — живо рога обломает фрайеру.

— Никто меня не закладывал. Капитан сам заметил. Я даже на второй день какой-то обалдевший был. А сегодня перед этим делом нельзя ни грамма. Если унюхают, снимут с вахты и пошлют на баржу другого.

— Правильно, — согласился Штырь. — Соображаешь, морячок. Сейчас мы разойдемся. А ты жди нас на барже в два часа.

Граммофон и Штырь отправились в пивную, а Пашка вернулся на «Быстрый». Хотел поспать часок перед вахтой, но сон не шел.

«Как же быть? — думал он. — Одному не справиться с этой бандой. Наверняка прирежут. А все-таки неохота погибать».

Пашка закрыл глаза и представил, как в училище сообщат: «Ваш курсант Павел Нестеренко погиб смертью храбрых при задержании особо опасных преступников...»

Он вскочил с койки и начал искать ручку и бумагу. Для начала решил написать прощальное письмо Аленке, а потом уже обдумать план задержания банды. Но едва положил перед собой чистый лист бумаги, как в кубрик вошел Егорыч.

Пашка чертыхнулся про себя: опять боцман не вовремя пришел.

Егорыч окинул хозяйским взглядом кубрик и уселся на койку.

— Гляжу я на тебя, Павло, и не узнаю. Что с тобой случилось? Дело, конечно, дрянь, так нельзя напиваться. И капитан правильно сделал тебе выговор. Но и убиваться не стоит. С кем не бывает?

Пашка тяжело вздохнул.

Егорыч истолковал это по-своему.

— Ты не бойся. Если такое не повторится, в училище общаться не будем.

— Не повторится, — поспешно заверил Пашка, ожидая, что боцман сейчас уйдет.

Но Егорыч не уходил.

— Чего-то скрываешь ты. Поделись, Павло, от сердца отойдет. Легше будет.

— Ничего я не скрываю.

— Дело твое, — вздохнул Егорыч, — не хочешь говорить, не надо. Затаился, затаился ты, парень.

Боцман хлопнул себя по коленям и поднялся с койки. У выхода он обернулся.

— А все же подумай и приходи.

Егорыч ушел, и Пашке вдруг расхотелось писать прощальное письмо.

Синий вечер затуманил речку. Из иллюминатора не стало видно противоположного берега. В небе задрожали первые звезды.

Пашка взглянул на часы — пора.

На барже он выбрал за ящиками удобное место, откуда хорошо просматривалась река, взял багор.

«Пока они достанут свои финки, всех уложу», — злорадно подумал он.

Как быстро летит время. Час ночи. Луна выскользнула из тучных лап и нависла полным диском. От баржи к противоположному берегу засеребрилась лунная дорожка.

«Хоть бы у них мотор заглох, — мечтал Пашка. — Или течь появилась в лодке. А еще лучше врезались в какое-нибудь судно и пошли к чертовой матери всей компанией на дно, раков кормить...»

Без пятнадцати два. Пальцы устали сжимать багор. Пашка опустил его рядом с собой, закурил. В горле защемило, пересохло от сигаретного дыма. Под ногами выросла куча окурков. И за день столько не выкурить.

Лунный серебристый луч вздрогнул на циферблате. Два часа. «Может, не приедут? Передумали?»

Издаലെка слышалась таракание мотора. Ближе. Еще ближе. Внезапно мотор смолк, и снова затишье; только сонное поплескивание реки.

Настороженный Пашкин слух вдруг выхватил из тишины размеренные удары весел. Черная тень пересекла лунную дорожку.

— Один, два, три, четыре, — насчитал Пашка. В баркасе

четверо. Не справится. Ну ничего: поднимется шум, наши проснутся, помогут.

— Эй, морячок! — послышался за бортом баржи сдавленный голос Граммофона. — Как там у тебя?

— Порядок, — глухо отозвался Пашка.

Четверо вскарабкались на баржу.

Штырь толкнул Пашку в спину.

— Молодец, морячок.

Остальные молча кивнули головой. Впереди шел незнакомый полный человек.

«Главарь, наверное», — отметил про себя Пашка.

Человек включил фонарик и, словно обнюхивая, осмотрел ящики.

Багор в Пашкиных руках дрогнул. Вот сейчас, сейчас, но не было сил сдвинуться с места.

«Не трусь!» — приказал себе Пашка. Сердце обдало горячей волной крови. Он сделал шаг вперед. Резкий взмах — и человек, которого Пашка определил главарем, схватился за голову.

Пашка отпрыгнул назад, заорал, раздирая черную тишину:

— Бросай оружие, гады! Продырявлю всех!

— Ты что, сдурел?! — испуганно воскликнул Граммофон. — Какое оружие? Нет у нас никакого оружия. — Он медленно, по-кошачьи, начал подбираться к Пашке. На пальцах тускло блеснул кастет.

— Куда, падло Штырь, привел? — выхватывая финку, сквозь зубы процедил человек в белой кепке, тот, что последним влез на палубу. — Под вышку подводишь, лярва?

Пашка прижался спиной к ящикам — отступать было некуда.

Луч замер на лезвии финки незнакомца, больно резанул по глазам.

Пашка угрожающе поднял багор, но вдруг увидел, как на незнакомца в белой кепке откуда-то сверху прыгнул Сазонов и подмял его под себя. Еще двое матросов с «Быстрого» навалились на Штыря, выбили у него нож.

— Братва! Полундра! — неизвестно кому крикнул Сазонов.

Граммофон, увидев такой оборот, попятился к баркасу. Пашка бросил багор, двумя прыжками догнал его, четким, заученным ударом в челюсть свалил с ног.

С пристани донеслась трель милицейского свистка.

Пашка вытащил ремень, чтобы связать Саньку, но тот уже был на ногах и, бросившись вперед, резко выбросил правую руку. Пашка чуть отклонился в сторону, и кастет лишь слегка задел его. Короткий удар в солнечное сплетение, и Граммофон, только охнув, опустился на палубу.

Пашка провел ладонью по лицу. Крови не было, но синяк под глазом будет наверняка.

Кто-то вбежал по трапу с пристани на баржу. Луч фонарика обшарил палубу. К Пашке подошли Сазонов и человек в милицейской форме — сержант Бородько.

— Я на тех дуциков давно глаз поставил. А тут вижу — они четвертый день около пристани крутятся... — объяснил

он Сазонову. Потом повернулся к Пашке. — Как это ты Граммофона так здорово припечатал?

— Второй разряд по боксу, — небрежно ответил Пашка, потирая кулак правой руки.

Бородько пристально всмотрелся в его лицо.

— А я ж тебя с ними на базаре видел!

— Это он им западню устроил, — пояснил Сазонов.

— Никакой западни я не устраивал. Я и сам не знал, что ты с ребятами на барже был.

— Ладно, — махнул рукой Бородько, — отвезем задержанных в милицию, там во всем и разберемся.

За ящиками послышался шум. Неожиданно скользнула тень человека, перемахнула за борт. С ходу взревел мотор, и от баржи отделился баркас.

— Ушел, гадюка! — закричал Бородько.

Граммфон, уже поднявшийся на ноги, посмотрел вслед уходящему баркасу и злорадно прошипел Пашке:

— Чухнул Штырь! Ну, теперь держись, матросик. Сыграет он тебе хану. Из-под земли достанет. Гадом буду, если Штырь тебя не порешит.

VII

Закатные лучи потянулись из-за дальнего леса и в ослепительном сиянии сошлись на реке, медленно отступили в сырые луга. Там и померкли они. Задуло мокрым ветром. Он по-осеннему занял в верхушках деревьев, и казалось, что навсегда ушло лето и вот-вот заморосит первый сентябрьский дождик.

— М-да, сегодня поштормит Днепрушка, — нараспев произнес Сазонов. — Ох, и начнет выворачивать все наизнанку. — Он сладко потянулся, но, тут же застонав, схватился руками за перевязанную голову.

— Во трахнули по башке, все сосуды, наверное, полопались. Какого дьявола полез я в это дело? Из-за тебя все. Третий день голова раскалывается.

Пашка ухмыльнулся.

— Ничего, до свадьбы заживет.

— Свадьба... — недовольно пожал плечами Сазонов. — Ты же знаешь, я смотрю на женщин рыбьими глазами. Они и я — это два несовместимых понятия.

— А как же твои невесты в каждом городе?

Сазонов поморщился и снова потрогал повязку.

— Надоело трепаться. Пойдем, что ли, в кубрик, расширим сосуды. После такого дела, я думаю, кэп не будет шуметь.

— Неохота, — ответил Пашка.

— Ну как хочешь. — Недовольный Сазонов ушел один.

Из капитанской каюты выглянул Егорыч, поманил Пашку.

— Эй, Павло! — Боцман оглянулся. — Послушай, до тебя человек из милиции пришел. Опять говорить хочет по тому делу.

— А чего говорить? Все, что знал, уже сообщил.

Егорыч поднял вверх указательный палец.

— Не ерепенься. Раз пришел, значит, надо. Может, вспомнишь еще чего-нибудь.

Невысокий, грузный, с большой залысиной человек окинул Пашку рассеянным взглядом. Пухлые пальцы его нервно отстукивали по раскрытой записной книжке.

— Майор Лаврентьев, — представился он. — Садись, Павел. Я к тебе все по тому же делу. — И он почему-то кивнул на Пашкин синяк под глазом. — В общем, давай все рассказывай сначала о своих дружках-приятелях. Не торопись. Постарайся вспомнить каждое их слово. Это очень важно для следствия.

— Какие они мне приятели? — возмутился Пашка.

— Ну а как же? — Брови у Лаврентьева выгнулись удив-

ленными дугами, в глазах мелькнула насмешка. — Вы ведь пили вместе...

— Подумаешь, один раз, так это ж не значит — приятели.

— Ладно, не горячись. И так своей горячностью и авантюризмом наделал нам хлопот.

Пашка от негодования вытаращил глаза.

— Я авантюрист?! А кто банду задержал? И причем живьем. В газетах пишут — за такие дела медали и ордена дают, а вы авантюристом обзываете.

Лаврентьев громко захохотал.

— Вон ты куда метишь. Ордена, медали, хм... А может, и вправду заслужил? Ну, да это вопрос другой. А насчет авантюриста не обижайся, есть в тебе такая черточка. Ишь, надумал чего: взять целую шайку. Нам в первую очередь надо было сообщить.

— А все-таки задержал банду?

— Тебе товарищи помогли. И то не всех задержали.

— Подумаешь, один Штырь сбежал.

Лаврентьев нахмурился.

— Да, да, один Штырь. Вот его-то мы как раз и не можем разыскать. Хоронится, как зверь, в плавнях. Начисто замывает следы. Вот поэтому-то я к тебе и пришел, Павел, чтобы ты каждую мелочь вспомнил и рассказал без утайки. Страшным, опасным зверем стал Штырь... Он и тебе может навредить.

— Я не из пугливых. А рассказывать мне больше нечего. Все сообщил вашим работникам. Если не верите, спросите у Бородько. Мы с ним целый день говорили, а он все строчил, исписал целый блокнот.

На скулах у Лаврентьева вздулись желваки.

— Нет больше Бородько.

— Как нет? — Пашка даже привстал.

— Сегодня утром его нашли убитым. Два ножевых удара в спину. Убийца взял его пистолет...

VIII

— Василий Никитич? Очень приятно. Еле разыскал вас. Разрешите представиться: инспектор уголовного розыска лейтенант Нестеренко... — И Пашка неизвестно для чего приложил ладонь к козырьку мичманки.

У старого рыбака от неожиданности открылся рот, и он вытаращил на Пашку глаза.

— Ты шо, Павло, не узнал меня?

— Узнал. Но это к делу не относится, гражданин Василий Никитич, по прозвищу Водяной. У меня к вам серьезный разговор.

— Ну, сидай, раз по делу, — вздохнул Водяной.

— Благодарю, — учтиво произнес Пашка и подсел поближе к костру.

— Хорошая погода, — начал он и снял мичманку.

— Шо?

— Погода хорошая, говорю.

— А-а, да-да, ветрит помалу, — закивал головой Водяной. Он хитро посмотрел на Пашку. — Кто це вас, товарищ лейтенант, разукрасил так? Може, того, по пьяному делу подвесили фонарь?

— Гражданин Василий Никитич! Ваши необоснованные намеки оскорбляют не только меня как личность, но и весь уголовный розыск. А сияк этот мне поставили бандиты, когда я, рискуя жизнью, ликвидировал целую шайку.

— Понимаю, понимаю, — закивал старик. — А документ у вас имеется?

— Какой?

— А такой, шо вы из милиции.

Пашка на секунду задумался, потом строго посмотрел на Водяного.

— Вы тайну хранить умеете?

— Допустим.

— Вам я доверяю, — с нотками торжества произнес Пашка. — Документы и оружие пришлось оставить на работе для полной конспирации. И ни одна живая душа не должна знать, откуда я. Для всех Павел Алексеевич Нестеренко — обыкновенный моряк с «Быстрого». А на самом деле я выполняю секретное задание, разыскиваю опасного преступника. И смотрите, Василий Никитич, если проговоритесь, привлечем к уголовной ответственности.

— Понятно, товарищ старший лейтенант.

— Я еще просто лейтенант, — скромно поправил Пашка. — Но это к делу не относится. Вернемся к бандиту.

— Вернемся, — поспешно согласился Водяной, продолжая чуть насмешливо смотреть на своего собеседника.

— Не нравится мне ваша несерьезная, я бы даже сказал, легкомысленная улыбка, — недовольно заметил Пашка.

— Хорошо, не буду улыбаться. — На лице Водяного появилась деланная серьезность, но глаза продолжали хитро блеснуть.

— Так вот, когда мы с коллегами ликвидировали банду, одному особо опасному преступнику удалось бежать на баркасе в плавни. Баркас он бросил, а сам скрылся в неизвестном направлении. Служебные собаки его след не взяли. Бандит, наверное, бродом или вплавь ушел на другие острова. А два дня назад в плавнях был убит наш сотрудник.

Старик покачал головой.

— Слышал я об этом.

Пашка подбросил в костер несколько веток.

— С помощью дедуктивного метода...

— Шо? — не понял Водяной.

— Метод, говорю, есть у нас такой, — как можно громче произнес Пашка. — Тебе это, дед, не понять.

— Куды ж мне, — согласился Водяной. — Та не кричи на ухо, не глухой. Слова тольки мудреные не подбирай.

Где-то вдали, на островах, тревожно закричала ночная птица. Пашка посмотрел на темнеющий лес, и ему стало как-то не по себе.

— Вот мы сидим сейчас у костра, беседуем, а он, может, нас уже на мушку взял.

— Мовет, мовет, — закивал старик. — Этот возьмет обязательно.

Пашка огляделся по сторонам и почти полупшепотом продолжил:

— Я вот чего думаю: зачем ему понадобилось убивать милиционера? Для него ведь лучше отсидеться в плавнях, пока все приутихнет, а потом драпануть в город. Что его заставило пойти на убийство? Здесь какая-то тайна. Наш работник, наверное, попал на след, а может, нашел место, где прятался бандит.

Водяной почесал подбородок.

— Оно, конечно...

— Наша задача, — перебил Пашка, — выяснить, что же все-таки удалось обнаружить милиционеру. Это поможет найти убийцу. Но есть еще один вариант. Вот глядите сюда.

Пашка подсел ближе к старику, расстелил перед ним карту устья реки.

— Здесь нашли труп. Значит, с помощью моего метода ужимаем сектор поиска. Дальше этих островов преступник уйти не мог. Я обвел участок поиска синей линией. Запомнили?

— Товарищ лейтенант, я ж ничего не вижу на цей вашей карте, — развед руками Водяной.

Пашка вздохнул и бережно сложил карту.

— Ох как трудно с вами работать, гражданин Василий Никитич. Тормозите вы следствие своей непонятливостью. Скажите прямо, хотите помочь нам найти и обезвредить преступника? Или собираетесь отсидеться в тихом месте, когда бандит угрожает спокойствию мирных жителей?

— От номер! — удивился Водяной. — Та чем же я могу помочь?

— Не юлите, гражданин Василий Никитич. Лучше вас плавни на этом участке никто не знает. Подумайте, где удобней всего скрыться преступнику, на каком острове. У бандита нет жратвы. Значит, он должен воровать у населения или... или ему кто-то помогает из местных...

Пашка внезапно замолчал. Как же он раньше до этого не додумался?

— Все может быть, — уклончиво заметил Водяной, прикуривая от горячей головешки.

Пашка подозрительно посмотрел на него. Что-то ему перестало нравиться выражение лица старика.

— У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Соображение у меня всегда есть, — обиделся Водяной. — А насчет бандита... подождите, товарищ лейтенант, недели две. В плавнях уже падает лист. Деревья скоро голышами станут, и негде будет укрыться человеку. Та еще холодать стало, без одежонки в плавнях много не насидишься.

— Та-ак, — зловеще протянул Пашка. — Вот гляжу я на тебя, дед, и никак не могу понять: за кого ты? За нас или за того бандюгу? Крутишь вокруг да около. Говори прямо — продался ему?

— Э, хлопчик, полегче. За такие слова...

— Ладно, гражданин Василий Никитич, извините, если обидел. Это у меня после ранения нервы не в порядке.

— Нэрвы, нэрвы, — проворчал Водяной, — Вот сходил бы в нашу деревню, тут недалече, та и поспрошал народ. Можэ, кто чего и видел. У нас многие на эти острова привозят скотинку попасти.

— Мне легализовываться нельзя. А побеседовать с народом надо, но как-нибудь по-хитрому. Чтобы трепя по деревне не было. Я думаю, Василий Никитич, поручить это дело вам. Как, справитесь? Мы на вас очень надеемся.

— Поговорить можно.

— Только действуйте осторожно, — предупредил Пашка. —

Помните, что вокруг могут быть глаза и уши бандита. Попробуйте обследовать острова.

— На острова не поеду, — заупрямился Водяной.

— Это почему?

— Та на шо мне це надо? Люди там втихоря самогон варят, а я мешать им буду.

— Какой самогон?

— Обыкновенный. С буряка гонят.

— С этим делом завязывайте. Своим пристрастием к спиртному вы можете запятнать честь нашей милиции. Я назначаю вас нештатным сотрудником уголовного розыска. А у чекиста должна быть трезвая голова. Понятно?

Водяной покачал головой.

— Их, и складно ж ты, Пашка, брешешь. Ухо не отведешь.

— Вы на что намекаете, гражданин?..

— Та я так, пошуткував, — сделав серьезное лицо, ответил Водяной.

— Нам сейчас не до шуток.

— Понимаю.

Пашка задумался. Ему не нравилось поведение старика. Но отступать было поздно.

— Я посоветовался с капитаном «Быстрого», и мы решили на пару деньков отчалить отсюда по одному важному делу. Как вернусь, доложите обстановку. И смотрите, никаких лишних разговоров, — строго предупредил Пашка.

— А теперь слухай сюда, хлопчик, — поманил его пальцем Водяной. — Шуруй-ка отсюда со своей трескотней. И ни черта я тебе докладывать не буду, начальник выискался.

Пашка от неожиданности едва не выронил из рук мичманку. Вот так оборот! Он вскочил на ноги.

— Так, значит, с представителем власти?!

— Катись, представитель!..

— Ну ладно, — зловеще произнес Пашка и натянул на голову мичманку. — Доберусь я до тебя, Водяной. Ох, доберусь. Браконьер несчастный!

Старик схватил весло.

— Я тебе дам браконьера! Катись, а то второй фонарь подвешу!

IX

— Эх, Листок, такие дела кругом творятся, а я доски разгружаю. — Пашка погладил щенка. — Бородько убит, Штырь на свободе. Да появись я в ту минуту, когда он поднял нож на сержанта, все было бы по-другому. А тут еще кэп выговор вкатил. Следователь обозвал авантюристом. Плохи, брат, дела. Вот перейти бы нам с тобой на океанский лайнер и...

— Товарищ лейтенант!

— Кто?! — Пашка вздрогнул от неожиданности, резко обернулся. — А, это ты, Водяной. — Он опустил щенка на палубу. — Чего надо?

— А я до вас по тому делу. — Старик виновато улыбнулся. — Не сердитесь, товарищ лейтенант.

— Ты кончай, дед, мне зубы заговаривать. Говори прямо, что случилось. А насчет злостных выпадов против представителя власти поговорим потом.

— Ага, поговорим, — согласоно закивал Водяной. — Так слушайте насчет бандита. Отвезла моя сусидка Терентьевна козу на остров пастись. Вечером приезжает за ней, а козы нема. Трава вокруг того места, где она привязана была, кровью забрызгана...

— И сожрали серого козлика волки. И остались от козлика рожки да ножки, — подхватил Пашка. — Ты что, дед, издеваешься надо мной? Что ты мне сказки рассказываешь?

— Погодь, погодь, — замахал рукой Водяной. — Сам же мне говорил, шо бандиту жрать нечего. Ну я и подумав: хто мог убить козу? А? Конечно, ее могли наши мужики украсть и пропить. Но на шо тогда ее резать? Помозгував я, и на другой день начал осматривать близкие острова. Обнюхивал каждую тропиночку.

— Так, так, давай, дед, — заерзал Пашка.

— Ходыв, ходыв я, пока не нашов у камышах на одном острове остатки той козы. Там я себе и оборудовал наблюдательный пункт. Просидел у камышах до самого вечера. А як смеркаться стало, вижу — крадется хтось бережком, я за ним. Дошов человек до поляны, а там стога сена стоят. Огляделся он по сторонам, и все...

— Как все?

— А дальше ничего не видел за деревьями. Наверное, человек прячется в тех стогах.

Пашка потер от удовольствия ладони.

— Неплохо сработали, Василий Никитич, неплохо. Теперь будем действовать. Операция проста, как грабли. Сейчас поезжайте в деревню и возьмите человека понадежнее. Встретимся за старой пристанью через час. Да прихватите с собой косы. Когда подъедем к острову, я спрячусь в камышах, а вы пойдете вдвоем на ту полянку траву косить.

— Так она ж там уже скошена.

— Не перебивай, дед. Скошена, так делайте вид, что косите. А сами между собой, только погромче, разговор ведите: дескать, сено в стогах трухлявое, никудышное и надо бы его сейчас поджечь. Бандит, как услышит, наверняка наружу выползет.

— А если стрельнет?

— Не стрельнет, — убежденно ответил Пашка. — Не захочет шум поднимать. Как вылезет из стога, подойдите к нему и попросите закурить. И пока вы будете заговаривать, я незаметно сзади подкрадусь. Понятна задача?

Водяной задумался.

— Поняв-то я поняв. Только шось не очень она мне по душе.

— Не трусьте, Василий Никитич, надо действовать, времени остается мало.

— Ну ладно, — вздохнул Водяной. — Пошов я выполнять ваши указания.

Пашка проводил взглядом лодку старика, пока она не скрылась за поворотом реки, и спустился в кубрик. Он вдруг

вспомнил свою недавнюю ссору с Водяным, и недоброе предчувствие заставило его поколебаться. А что, если Водяной сообщник Штыря и ему готовится ловушка? Штырь пойдет на все, чтобы отомстить. После убийства Бородько ему терять нечего. Может, сообщить в милицию? А вдруг Штыря не окажется в стогах — поднимут на смех и опять назовут авантюристом. Нет, надо попробовать одному. А если все-таки Водяной заодно со Штырем?..

Раздумывать было некогда. Пашка спустился в кубрик, вырвав из тетради лист, размашисто написал: «Где меня искать, знает местный рыбак Василий Никитич по прозвищу Водяной».

Записку сунул под подушку Сазонову, раньше вечера он ее не увидит. А до этого времени или Штырь будет пойман, или...

Пашка поднялся на палубу. Никого. Только Листок, радостно виляя хвостом, кинулся к нему.

— Некогда, — сказал Пашка и потрепал щенка. — Ухожу на ответственное задание.

Он сбежал по трапу на берег, оглянулся и зашагал по старой пристани.

Когда на «Быстром» уже была дана команда «отчаливать», подкатил мотоцикл.

— Эй, на буксире! Подождите. — Моложавый лейтенант милиции взбежал по шаткому трапу на палубу. — Где ваш капитан?

— А что случилось? — поинтересовался Егорыч.

— Дело есть, — нетерпеливо ответил милиционер.

Подошел капитан.

— Я слушаю...

— Есть у вас в команде матрос Павел Нестеренко?

— Есть, — ответил капитан и почему-то посмотрел на Егорыча. — А в чем, собственно, дело?

— А в том, — зло ответил милиционер, — что ваш Нестеренко или аферист, или состоит в сговоре с опасным преступником.

Капитан удивленно выгнул брови и еще раз взглянул на боцмана.

— Пойдемте ко мне в каюту, — сказал он, пропуская милиционера вперед. — А ты, Егорыч, разыщи Пашку и тоже ко мне.

В каюте капитан окинул милиционера хмурым взглядом.

— Та что же все-таки натворил мой матрос?

— Поступило заявление от одного местного жителя о том, что гражданин Нестеренко выдает себя за сотрудника уголовного розыска. Собирает у населения сведения. Ищет якобы опасного преступника.

— Та-ак, — протянул капитан. — Слышал, Егорыч?! Докатился Нестеренко! Аферист или пособник бандита! Слышал? Выдает себя за работника милиции. Сколько раз говорил в пароходстве: не нужны мне практиканты. Возьмешь такого

оболтуса, горя не оберешься! Гнать, гнать его надо к чертовой матери!

Капитан перевел дыхание.

— Что молчишь, Егорыч? Видишь, дисциплина в команде какая? Дошли до ручки, арестовывают нашего матроса.

— Да вы не горячитесь, — попробовал успокоить его милиционер. — Я ж не арестовывать пришел, а только задержать для выяснения некоторых обстоятельств.

Но капитан махнул рукой.

— Где Пашка?

Егорыч как-то неестественно развел руками.

— Нет его, Виктор Николаевич. Всех спросил, никто не видел, никто не знает.

Милиционер криво усмехнулся.

— Мне все ясно. Сбежал ваш Нестеренко. Будем искать.

— «Быстрый» ждать не может, — исподлобья глядя на милиционера, сказал капитан. — Сейчас отчаливаем. Вернемся дня через два, а вы уж тогда сообщите нам, как и что.

— Непременно, — ответил милиционер и, попрощавшись, вышел из каюты.

Х

Водяной уже поджидал его в лодке.

— Где напарник? — деловито осведомился Пашка.

— Та он уже на том острове.

— Нарушаете, Василий Никитич, инструкцию. Нехорошо.

Пашка, оттолкнув лодку от берега, вскочил на корму.

— Да, — тут же спохватился он, — а косы взяли?

— Все взяли, товарищ лейтенант, — успокоил Водяной.

— Человек-то надежный? — не унимался Пашка.

— Ага, надежный, — налегая на весла, ответил старик.

На лице его вдруг появилась лукавая усмешка. — А скажите, товарищ лейтенант, чего же вы один едете арестовывать бандита?

— Сейчас трудно с людьми, — невозмутимо ответил Пашка. — Много моих коллег в отпуске, а остальные на заданиях.

— А где же ваше оружие?

Пашка поморщился: ну и вредный дед.

— Бандита надо взять живьем, а я человек нервный и переполненный к нему ненавистью. И чтобы сгоряча не продрывить его, оставил пистолет на работе.

Водяной, очевидно, остался удовлетворен ответом и больше вопросов не задавал.

У лодки размеренно скрипели уключины. В воздухе плавали паутинки. По-осеннему молчали речные заводи. Хранили свою дремотную тайну глубокие омуты. Осенняя тишь заволочла и острова и речку, по которой скользила лодка, и желтый камыш. Кружился рыжий лист, опускаясь на воду. Затаилась в глубинах рыба, не хрустнет засохшей веткой осторожное зверье. И как-то совсем не верилось, что где-то за этим камышом, за деревьями, в осенней тиши хоронится лютый, одинокий зверь.

— Долго нам еще? — не выдержал Пашка.

— Рукой подать.

— Что-то едем, едем...

— Та вот, кажись, и на месте.

Лодка с разгона ткнулась в песчаный берег маленького островка. Пашка вскочил на ноги.

— Ты куда меня, дед, завез? Где стога? Остров просматривается как на ладони. А где же твой напарник?

— Ой, промашку дав, — огорченно ответил Водяной. — Трошки заблудился.

Пашка подозрительно покосился на старика.

— Опять начинаешь темнить? Сусанин...

— Та ничего, сейчас найду той остров, — засуетился Водяной.

Он снова заработал веслами.

— Во, кажись, этот.

Пашка выпрыгнул из лодки на берег, огляделся по сторонам.

— Что-то я не вижу твоего человека.

— Сейчас вызовем его, — ответил Водяной и оттолкнулся веслом от берега.

Вначале Пашка подумал, что старик хочет отогнать лодку в камыши, но, когда Водяной был уже на середине реки, понял — ловушка.

Хотел было Пашка заорать проклятому старику что-нибудь такое обидное, чтобы тот перевернулся от злости вместе со своей лодкой, но тут вдруг послышались выстрелы: один, другой, третий... Стреляли где-то вдалеке, наверное, на другом острове.

Пашка замер. Перестал грести Водяной. Эхо выстрелов долго рокотало в плавнях. Забыв о старике, Пашка бросился напролом через камыши в глубину острова. Проваливаясь по колено в зеленую жижуху, то и дело падая, он выбрался наконец на сухое место. Камыш кончился, и Пашка очутился на поляне, залитой лучами заходящего солнца. Прислушался — выстрелов больше не было. Не зная, в какую сторону бежать, он в нерешительности топтался на месте.

И вдруг настороженный слух выхватил из наступившей тишины вначале громкие всплески, потом шуршание камыша, чье-то тяжелое дыхание. Камыш раздвинулся, и на другом конце поляны появился человек.

Штырь!

Их разделяла теперь только эта маленькая, красноватая от заходящего солнца полянка. Свет бил Штыря прямо в глаза, поэтому он не сразу заметил Пашку. Но это длилось мгновение.

— А-а! И ты здесь, морячок?! Продажная сука...

Слова прервались выстрелом. Пашка отпрянул за дерево, пуля зацепила ствол, и тут же Пашка почувствовал нестерпимую боль в животе.

Штырь огромными прыжками пересекал поляну.

Еще выстрел. На этот раз пуля просвистела над головой. Пашка медленно пятился к воде. Штырь был уже в нескольких шагах, и теперь он мог лучше прицелиться.

Пашка беспомощно огляделся. Спрятаться было не за что. Позади открытое место, а впереди обжигающий взгляд ствола пистолета.

— Ну, стреляй! Чего тянешь?! Стреляй, сволочь! — не выдержал Пашка.

Штырь медленно нажал на спуск. Щелчок. Еще щелчок. Патроны кончились или просто осечка? Раздумывать было некогда. Пашка бросился на Штыря, свалил на землю. Но неожиданно Штырь вывернулся из-под него, яростно матерясь, подмял под себя. И в это время Пашка почувствовал, как сзади кто-то наваливается на них. Краем глаза увидел — Водяной...

Кое-как вдвоем они скрутили Штырю руки за спину и связали веревкой. Пашка подобрал пистолет, спрятал его в карман.

— Падлюка! — процедил сквозь зубы Штырь.

Водяной подмигнул Пашке.

— А я думал, ты с ним заодно. Потому и завез на другой остров, шоб милицию потом вызвать.

— Верить надо людям, — недовольно сказал Пашка и, вдруг застонав, схватился за живот.

— Ты чего, Павло?

— Ранен, кажется, — сморщившись, сказал Пашка и лег на землю.

— Куды?

— В живот.

— Ой, лишенько, — запричитал старик, задирая на Пашке рубаху.

— Ну как, видна дырка?

— Шось не вижу. Все в крови.

Лицо у Пашки стало испуганным.

— Ты меня прости, Василий Никитич, за то, что незаслуженно подозревал тебя и ругал по-всякому.

Водяной со злостью ткнул кулаком в бок Штыря.

— У, собака, такого человека загубил.

С реки донесся рев мотора. Катер с разгона врезался в заросли камыша, на берег выпрыгнули какие-то люди. Впереди с пистолетом в руке бежал майор Лаврентьев.

Водяной махнул им.

— Сюды! Тут он!

— Ух ты! Готовый! — воскликнул Лаврентьев и спрятал пистолет. — А мы уж думали, упустили.

Лаврентьев заметил наконец Пашку.

— И ты здесь? Ну и чудеса! Ранен?

— Смертельно, товарищ Лаврентьев, — еле слышно ответил Пашка. — Так что передайте...

— Погоди паниковать. — Лаврентьев осмотрел Пашкин живот. На лице его появилась улыбка.

— Пулей, говоришь? А ну-ка...

Острая боль прошла Пашкино тело, он закусил губу.

— Держи! Пулю...

— Щепка? — В Пашкиных глазах появилась растерянность, сменявшаяся разочарованием.

— Она самая. Видно, когда Штырь стрелял в тебя, пуля

попала в ствол дерева и отщепила кусок. Так что радуйся, рана пустяковая.

Пашка недовольно поднялся с земли, пробурчал недовольно:

— Тоже мне рана. Сказать кому стыдно.

А Лаврентьев уже отдавал приказания:

— Арестованного в первый катер — и в город в управление! Раненого перевяжите и побыстрей в местную больницу.

Штырю развязали руки, повели к берегу. Он обернулся, сказал сквозь зубы:

— Дай бог свидимся. А жаль, что промахнулся.

Пашка не удостоил его взглядом.

— Прощай, Василий Никитич, — тихо сказал он старику. — Если не истеку по дороге кровью или не умру от заражения, мы с тобой порыбачим еще.

— Пoryбачим, — ответил Водяной.

И тихая скорбь на его лице успокоила Пашку, заставила думать, что ранен он все-таки смертельно и не щепкой, а пулей навывлет.

XI

Пашка нетерпеливо прохаживался у входа в общежитие. Листок, с большим ошейником, на поводке, едва успевал семенить за ним.

Наконец показалась Аленка, издали помахала рукой.

— Да, — вздохнул Пашка. — Женщины не могут без опоздания.

— Не сердись. — Аленка поцеловала Пашку и тут же спросила: — А что это за песик?

— Его зовут Листок. А вообще это дикая собака динго.

Аленка погладила Листка.

— Странно, я всегда почему-то думала, что динго рыжего цвета.

Пашка на секунду задумался.

— Понимаешь, Ален, хищническое, империалистическое отношение к фауне и флоре Австралии привело к тому, что собак динго почти полностью истребили. И чтобы сохранить породу, ученые скрестили их с тасманским волком. Это скрещивание и дает такой окрас.

Аленка засмеялась.

— Пойдем к реке.

— Пойдем, — согласился Пашка и тут же добавил: — Ты только не спеши. Не могу быстро идти. Здорово болит. — И он провел ребром ладони по животу.

— Опять бандитская пуля?

Пашка страдальчески поморщился.

— Ты все не веришь! А я серьезно ранен, только на этот раз не пулей. Понимаешь, был на днях в Испании, а у них праздник начался. Забыл, в честь какого-то святого. Ну и рехнулись испанцы организовать корриду. А известный тореадор заболел. Объелся несвежих устриц...

— И, конечно, испанцы попросили тебя заменить его, — подхватила Аленка.

— Верно! А ты откуда знаешь?

— Из газет. Вся мировая пресса об этом шумела.

— А еще что писали? — поинтересовался Пашка.

— Писали еще, что Павел Нестеренко заколол шесть быков. А когда он обернулся к прекрасной испанке, бросившей к его ногам красную розу, седьмой — самый свирепый бык — поддел рогом смелого тореадора. А еще писали, что нет на свете большего вруна и фантазера, чем Павел Нестеренко.

— Это газетная утка, — нахмурился Пашка. — Очередные происки буржуазной прессы. Посмотри внимательно, Алена, разве человек с такими кристально честными глазами может соврать?

— Еще как! — засмеялась Аленка.

Солнце скользит в далекие плавни. Темень за рекой впитывает лес на островах и становится от этого тяжелее и гуще. Но вдали еще светится малиновая полоса, и свет этот будто исходит из уснувшего речного простора. И кажется, чем дальше по реке, тем светлее и шире раздвинутся ее осенние берега.

Жорж СИМЕНОН

МЕГРЭ В МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТАХ

Роман

Глава первая. Как Мегрэ провел вечер в роли холостяка и как этот вечер закончился в больнице Кошен.

Почему бы вам не поужинать у нас чем бог послал? Уверяю вас, жена так обрадовалась бы! Бедный старина Люка! Это было совсем не так. Ведь жена его впадает в панику из-за любого пустяка, и для нее настоящая пытка пригласить кого-нибудь к ужину. Конечно, она засыпала бы упреками мужа.

Они вышли вдвоем из уголовной полиции около семи часов, когда еще сияло солнце, направились в пивную «Дофин» и, как обычно, заняли столик в углу. Выпили по первой рюмке аперитива, ни о чем не думая, как люди, закончившие рабочий день. Потом Мегрэ машинально постучал монетой о блюдечко, чтобы подзвать официанта и попросить его принести еще по рюмке.

Мегрэ был убежден, что Люка подумал: «Шефу не очень нужна эта вторая рюмка, и он заказывает ее только потому, что уехала жена».

Вот уже два дня, как мадам Мегрэ вызвали в Эльвас к больной сестре, которой предстояла операция.

Может быть, Люка решил, что это выбило комиссара из колеи или даже огорчило? Во всяком случае, он приглашал его к себе на ужин, невольно проявив при этом, пожалуй, чересчур дружескую настойчивость. Кроме того, он как-то особенно смотрел на своего начальника, словно жалел его. А может быть, все это существовало только в фантазии Мегрэ?

Словно по иронии судьбы, за эти два дня ни одно срочное дело не задержало комиссара в кабинете после семи часов. Он даже смело мог бы уйти в шесть, тогда как обычно считалось чудом, если он попадал домой к ужину.

— Нет, я воспользуюсь свободным временем и схожу в кино, — ответил он.

Слово «воспользуюсь» комиссар произнес невольно, как будто оно совсем не отражало его мысли.

Расстались они возле Шатле, Люка бегом спустился по лестнице в метро, а Мегрэ стоял в нерешительности посреди тротуара. Небо розовело. Улицы тоже казались розовыми. Это был один из первых дней, когда запахло весной, и все террасы кафе заполнились людьми.

Чего бы ему поесть? Ведь он был свободен, мог пойти куда угодно, а потому и задал себе этот вопрос совершенно серьезно, перебирая в памяти различные рестораны, которые были ему по душе. Сначала он сделал несколько шагов в сторону площади Согласия, но тут же почувствовал укору совести, потому что без всякой нужды отдалялся от своего дома. В витрине одной из колбасных он увидел уже приготовленные устрицы, политые маслом, словно покрытые лаком, и посыпанные петрушкой.

Его жена не любила устриц, и потому он ел их нечасто. Но в этот вечер Мегрэ решил полакомиться, иначе говоря, «воспользовался случаем», и повернул к ближайшему ресторану на площади Бастилии, который славился этим блюдом.

Там его знали.

— Один прибор, мсье Мегрэ?

Официант смотрел на него с оттенком удивления, с легким

укором. Так как он был один, ему не предложили удобного столика, а усадили в своего рода коридоре, напротив колонны.

Да он, собственно, и не ожидал ничего особенного. В сущности, ему даже не хотелось идти в кино. Он не знал, куда девать свое грузное тело. И в то же время чувствовал какое-то разочарование.

— А что будете пить?

Он не осмелился заказать какое-нибудь изысканное вино, опять-таки не желая показать, что пользуется случаем.

И через три четверти часа, когда в синеющих сумерках зажглись фонари, он уже стоял в одиночестве на площади Бастилии.

Ложиться спать было рано. Вечернюю газету он успел прочитать у себя в кабинете, начинать новую книгу не хотелось, а то еще зачитаешься и заснешь слишком поздно.

И он направился в сторону Больших Бульваров, решив все же пойти в кино. Дважды он останавливался и смотрел на афиши, кинофильмы его не привлекли. Какая-то женщина пристально на него посмотрела, и он чуть не покраснел, поняв, что она угадала его временное положение холостяка.

Может быть, она надеялась, что он воспользуется этим? Она обошла его, обернулась, и чем больше он смущался, тем больше она убеждалась, что это робкий клиент. Проходя мимо него, она даже пробормотала несколько слов, и, желая отделаться от нее, он перешел на противоположный тротуар.

Даже пойти одному в кино казалось ему предательством. Или, во всяком случае, чем-то неестественным. Но все же он пошел в маленький кинотеатр в подвале, где показывали только новости дня.

В половине одиннадцатого Мегрэ снова был на улице, постоял, набил трубку и поплелся к себе на бульвар Ришар-Ленуар.

В общем, весь вечер ему было не по себе, и, хотя он не делал ничего предосудительного, где-то в уголке сознания его как бы мучили укоры совести.

Поднимаясь по лестнице, он вынул из кармана ключ и направился к своей двери, из-под которой не виднелось полоски света. Навстречу не пахло ничем вкусным. Ему самому пришлось включить в комнате свет, потом он подошел к буфету и решил еще выпить, не чувствуя на себе сегодня укоризненного взгляда жены.

Он начал раздеваться, затем подошел к окну, чтобы задернуть шторы, и, когда он уже снимал подтяжки, раздался телефонный звонок.

В ту же минуту он понял, что произошло что-то неприятное и что именно этим объяснялось его плохое настроение на протяжении всего вечера.

— Алло!..

Он боялся, что сейчас услышит голос жены, которая скажет, что его свояченица умерла... Но звонили из Парижа.

— Это вы, шеф?

Значит, звонят из уголовной полиции. Он тут же узнал пронзительный голос Торранса, так напоминавший звуки трубы.

— Я рад, что вы вернулись домой. Звоню вам уже четвертый

раз. Я уже звонил Люка и узнал от него, что вы пошли в кино, но он не мог сказать, на что именно...

Взволнованный Торранс, казалось, не знал с чего начать.

— Я звоню по поводу Жанвье...

Странная реакция. Мегрэ машинально спросил ворчливым голосом:

— А что ему надо, Жанвье?

— Его только что отвезли в больницу Кошен. Кто-то всадил ему пулю в грудь...

— Что ты говоришь?

— Думаю, что он сейчас на операционном столе.

— Откуда ты звонишь?

— С набережной Орфевр. Кто-то должен же быть здесь. Я сделал все необходимое на улице Ломон. Люка поехал в больницу. Я позвонил мадам Жанвье, и она, вероятно, уже там.

— Еду немедленно туда.

Он хотел уже повесить рубку и одной рукой стал натягивать подтяжки, как вдруг догадался спросить:

— Это Паулюс?

— Неизвестно. Жанвье был на улице один. Он заступил в семь часов вечера, а малыш Лапуэнт должен был сменить его в семь утра.

— Ты послал людей в этот дом?

— Они и сейчас там. Меня держат в курсе дела по телефону. Пока ничего не удалось обнаружить.

Только на бульваре Вольтера Мегрэ удалось поймать такси. Улица Сен-Жак была почти пустынна, лишь в нескольких быстро горел свет. Он вошел под арку больницы Кошен, и на него сразу пахло специфическим запахом всех больниц, в которых ему приходилось бывать.

Зачем создают такую мрачную, такую унылую атмосферу для больных, раненых, людей, которых собираются вернуть к жизни и тех, которым уже не суждено жить? Зачем этот скупой и одновременно чересчур резкий свет, который встречаешь только здесь, да еще в некоторых административных помещениях? И почему от самых дверей тебя встречают так неприветливо?

От него чуть было не потребовали удостоверения личности. Дежурный врач оказался совсем мальчишкой и из озорства заломил свою белую шапочку набекрень.

— Корпус Ц. Вас туда проводят.

Мегрэ сгорал от нетерпения, злился на всех: даже медицинская сестра, которая вела его к больному, раздражала его тем, что у нее завиты волосы и накрашены губы.

Плохо освещенные двory, лестницы, длинный коридор, в глубине которого три силуэта. Путь до них показался ему бесконечным, а паркет более скользким, чем где бы то ни было.

Люка сделал несколько шагов навстречу Мегрэ, не глядя ему в глаза, с видом побитой собаки.

— Врачи надеются, что он выкарабкается, — сказал Люка почти шепотом. — Вот уже сорок минут, как он в операционной.

Мадам Жанвье, с покрасневшими глазами, в небрежно наде-той шляпке, посмотрела на него умоляющими глазами, словно от комиссара что-то зависело, и вдруг разрыдалась, закрыв лицо платком.

Мегрэ не знал третьего человека с длинными усами, который скромно держался в сторонке.

— Это их сосед, — объяснил Люка. — Мадам Жанвье не могла оставить детей одних. Она попросила соседку приглядеть за ними, а муж соседки предложил пойти вместе с ней в больницу.

Человек, услышав эти слова, поклонился и улыбнулся Люка в знак благодарности за объяснение.

— Что говорит хирург?

Они стояли и тихо переговаривались у дверей операционной. На другом конце коридора, как муравьи, сновали взад и вперед медицинские сестры, держа что-то в руках.

— Пуля не задела сердце, но попала в правое легкое.

— Жанвье что-нибудь сказал?

— Нет, он был без сознания.

— Вы думаете, мсье комиссар, они его спасут? — спросила мадам Жанвье, она была уже заметно беременная, с желтыми пятнами под глазами.

— Нет оснований опасаться.

— Вот видите, не зря я всегда плохо спала, когда он уходил на ночное дежурство.

Они жили в пригороде Парижа, в коттедже, построенном Жанвье три года назад из-за детей, которых трудно было воспитывать в городской квартире. Он очень гордился своим садом.

Обмениваясь обрывками каких-то незначительных фраз, они тревожно поглядывали на дверь операционной, которая все не открывалась. Мегрэ вытащил из кармана трубку, потом засунул обратно, вспомнив, что курить здесь запрещено.

В присутствии мадам Жанвье он не стал подробно расспрашивать у Люка о происшествии. Кроме Люка, который был его правой рукой, Мегрэ больше всех инспекторов любил Жанвье. Он пришел к нему работать совсем юным, как теперь вот Лапуэнт, и Мегрэ до сих пор иногда называл его «малыш Жанвье».

Наконец дверь отворилась, но вышла только рыжая санитарка и, не глядя на них, торопливо направилась к другой двери, потом пошла обратно, держа что-то в руках — они не могли разглядеть, что именно. Им не удалось остановить ее, спросить, как идет операция. Все четверо посмотрели ей в лицо, но, к своему разочарованию, прочли на нем только профессиональную озабоченность.

— Если все кончится плохо, я этого не переживу, — сказала мадам Жанвье, которая, несмотря на поставленный ей стул, продолжала стоять, дрожа, боясь потерять секунду, когда наконец откроется дверь.

Раздался шум, обе створки дверей операционной распахнулись, и показалась тележка. Мегрэ схватил мадам Жанвье под руку, чтобы помешать ей броситься вперед. На мгновение он испугался: ему показалось, что лицо Жанвье закрыто простыней. Но когда тележка поравнялась с ними, он понял, что их опасения напрасны.

— Альбер!.. — вскрикнула жена Жанвье, сдерживая рыдания.

— Тихо... — предупредил хирург, проходя мимо них и снимая на ходу резиновые перчатки.

Глаза у Жанвье были открыты, и он, видимо, узнал их. На губах его показалась слабая улыбка.

Больного увезли в одну из палат. За ним следом пошла жена, Люка и сосед, а комиссар задержался у окна, чтобы поговорить с врачом.

— Он будет жить?

— Нет оснований опасаться плохого исхода. Выздоровление будет долгим, как обычно после ранения легкого, и придется соблюдать меры предосторожности, но практически опасность миновала.

— Вы извлекли пулю?

Хирург на минуту вернулся в операционную и вышел оттуда, держа в руках окровавленную марлю, в которую был завернут кусок свинца.

— Я возьму это с собой, — сказал Мегрэ. — Потом верну. Он ничего не говорил?

— Нет. Пока давали наркоз, он что-то бормотал, но очень невнятно, а я был слишком занят, чтобы прислушиваться.

— Когда я смогу с ним побеседовать?

— Когда оправится от шока. Думаю, что завтра днем, часов в двенадцать. Это его жена? Передайте ей, чтобы она не беспокоилась. И пусть не пытается увидеться с ним до завтра. Согласно полученным распоряжениям ему предоставлена отдельная палата и сиделка. Простите меня, но я не могу больше задерживаться. В семь часов утра мне снова надо оперировать.

Мадам Жанвье не захотела уйти до тех пор, пока не увидит, как устроили ее мужа. Им велели подождать в коридоре, потом разрешили только заглянуть в палату.

Мадам Жанвье о чем-то тихонько попросила сиделку, женщину лет пятидесяти, похожую на переодетого мужчину.

Выйдя на улицу, они не знали, что делать, — нигде ни одного такси.

— Уверю вас, мадам Жанвье, все будет прекрасно. Доктор нисколько не беспокоится. Приходите завтра к двенадцати, не раньше. Мне будет регулярно сообщать о его состоянии, и я тут же буду звонить вам. Думайте о детях...

Им пришлось дойти до улицы Гей-Люссака, пока не попалось свободное такси. Не отстававшему от них мужчине с усами удалось на минутку отвести Мегрэ в сторону.

— Не беспокойтесь за нее. Положитесь на мою жену и на меня.

И, только очутившись с глазу на глаз с Люка на тротуаре, Мегрэ вдруг подумал о том, есть ли у мадам Жанвье деньги. Ведь сейчас конец месяца. Ему не хотелось, чтобы она каждый день ездила в больницу на поезде и в метро. А такси стоит дорого. Решил, что завтра этим займется.

Повернувшись наконец к Люка, он зажег трубку, которую давно уже держал в руке, и спросил:

— Что ты обо всем этом думаешь?

Они находились в двух шагах от улицы Ломон и пошли по направлению к мебелированным комнатам мадемуазель Клеман.

* * *

Улица, безлюдная в этот час, имела удивительно провинциальный вид. Между большими доходными домами были зажаты и трехэтажные домики. Один из них принадлежал мадемуазель

Клеман. Три ступеньки вели на крыльцо, а сбоку висела дощечка: «Меблированные комнаты. Сдаются на месяц».

У порога двое болтавших друг с другом полицейских из муниципалитета узнали Мегрэ и поприветствовали его.

Над входной дверью горел свет, светились также окна справа и на третьем этаже. Мегрэ не пришлось звонить — видимо, его уже поджидали, — дверь сразу открылась и показавшийся инспектор Ваше вопросительно посмотрел на комиссара.

— Он выкарабкается, — сообщил ему Мегрэ.

И тут же из комнаты справа раздался женский голос:

— А что я вам говорила?

Странный голос, одновременно ребячливый и веселый. И тут же в дверях появилась женщина, очень высокая и очень полная. Она радушно протянула руку комиссару и заявила:

— Счастлива с вами познакомиться, мсье Мегрэ.

Она походила на огромного младенца: розовая кожа, неопределенные формы, огромные голубые глаза, очень светлые волосы, яркое платье. Глядя на нее, можно было подумать, что ничего трагического не произошло, что все обстоит наилучшим образом в этом лучшем из миров.

Комната, куда она их повела, оказалась уютной гостиной. На столе стояли три ликерные рюмки.

— Позвольте представиться, я мадемуазель Клеман. Мне удалось отправить всех своих жильцов спать. Но, само собою разумеется, я могу пригласить их сюда в любой момент, когда вы захотите. Итак, ваш инспектор остался жив?

— Пуля продырявила ему правое легкое.

— Теперь хирурги справляются с этим в один миг.

Мегрэ был несколько ошарашен. Прежде всего, он представлял себе иначе и дом и хозяйку. А два инспектора, Воклен и Ваше, которых Торранс послал на место происшествия, словно забавлялись его удивлением. Воклен, который был с ним в более близких отношениях, чем Ваше, даже подмигнул ему, указывая на толстуху.

Ей было, вероятно, за сорок, может быть, сорок пять, возраст определить было трудно. И, несмотря на внушительные габариты, она словно казалась невесомой. Кроме того, она была настолько экспансивна, что, невзирая на обстоятельства, в любую минуту могла разразиться веселым смехом.

Речь шла о деле, которым Мегрэ лично не занимался. Он не выезжал на место преступления, а работал по донесениям, возложив всю ответственность за операцию на Жанвье, который очень радовался такому заданию.

Никто в уголовной полиции и не подозревал, что это дело, которое прозвали «Делом с «Анстом», представляло опасность.

Пять дней назад в маленький кабачок под названием «Анст» на Монпарнасе, на улице Кампань-Премьер, между двумя и половиной третьего ночи, когда кабачок уже собирались закрывать, вошли двое.

Лица у обоих были закрыты черной материей, а один из них держал в руке револьвер.

В кабачке были только хозяин, официант по имени Анжело

Рисунки Ю. Макарова

и служительница туалета, которая уже надевала перед зеркалом шляпку.

— Кассу! — скомандовал один из вошедших.

Хозяин, не оказав ни малейшего сопротивления, выложил на стойку выручку за вечер, и через несколько мгновений воры умчались в автомобиле темного цвета.

На следующее утро Мегрэ допрашивал у себя в кабинете служительницу туалета, толстушку со следами былой красоты.

— Вы уверены, что узнали его?

— Лица его я не видела, если вы это имеете в виду, но я хорошо запомнила нитку на его брюках и узнала материю.

В сущности, деталь идиотская. За два часа до кражи один из клиентов, сидевших в баре, вошел в туалет, чтобы вымыть руки и причесаться.

— Вы знаете, как это бывает. Вдруг что-то заметишь, не отдавая себе в этом отчета. Протягивая ему полотенце, я увидела у него на брюках белую нитку, с левой стороны, примерно на уровне колена. Нитка была длиною сантиметров в десять, и ее извилистые линии образовали какой-то рисунок. Я даже подумала, что это похоже на профиль.

Она хотела ее снять, и если этого не сделала, то только потому, что молодой человек тут же вышел.

Потому что это был молодой человек. Она даже сказала бы — мальчишка. Последнее время она часто видела его в баре. Однажды вечером он познакомился там с одной девушкой, усердно посещавшей «Аист», и тут же ее увел.

— Ты этим займешься, Жанвье?

Не более чем через три часа один из грабителей был опознан. Жанвье пришлось только разыскать девушку, некую Люсетт, которая жила поблизости в отеле.

— Он провел с мной всю ночь. Он удивился, узнав, что я из Лиможа. Оказывается, он и сам оттуда родом, а его родители живут там и поныне. Зовут его Паулюс. На вид ему не дашь и восемнадцати лет, хотя на самом деле уже скоро двадцать.

На розыски его потребовалось бы еще какое-то время, но Жанвье нашел в списках жильцов частных гостиниц некоего Эмиля Паулюса, родом из Лиможа, прописанного уже четыре месяца в меблированных комнатах на улице Ломон, у мадемуазель Клеман.

Жанвье взял кого-то с собой. Мегрэ запомнил, что это происходило около одиннадцати утра и было солнечно. Через два часа инспектор вернулся и выложил Мегрэ на письменный стол конверт с банковскими билетами, игрушечный револьвер и кусок черной материи.

— Это действительно Паулюс.

— Сумма соответствует?

— Нет. Здесь только половина. Эти ловкачи, должно быть, уже поделили добычу. Среди денег оказалось три доллара. Я сходил к хозяину «Аиста», и он подтвердил, что в тот вечер какой-то американец расплатился долларами.

— А где сам Паулюс?

— Кровать в его комнате была не застелена, но его там не оказалось. Мадам Клеман, хозяйка, не видела, как он уходил, и полагает, что он ушел около десяти утра, как обычно.

— Ты там кого-нибудь оставил?

— Да. Мы там устроим мышеловку.

Наблюдение велось уже четыре дня, и все безрезультатно. Мегрэ этим делом не занимался, но, просматривая рапорты, видел имя дежурившего там инспектора и каждый день одну и ту же приписку: «Ничего не обнаружено».

Пресса никак не откликнулась на находку, сделанную полицией. Паулюс ушел из дому без вещей, и все ждали, что он вернется за маленьким состоянием, оставленным в чемодане.

— Ты принимал участие в засаде, Ваше?

— Дважды.

— Как вы ее организовали?

— Кажется, в первый день Жанвье сидел наверху в доме и поджидал Паулюса в его комнате.

Он искоса посмотрел на толстую мадемуазель Клеман.

— Потом, должно быть, Жанвье сообразил, что так дело не пойдет, что парня могут предупредить до того, как он станет подниматься по лестнице.

— И что же дальше?

— Мы стали по очереди дежурить на улице. Мне дежурить ночью не пришлось. А днем это легче и приятнее. Неподалеку, на другой стороне улицы, есть маленькое бistro с двумя столиками на террасе. Честное слово, там кормят совсем неплохо...

— Дом обыскали в первый же день?

На этот вопрос ответила мадемуазель Клеман веселым голосом, словно речь шла о забавном приключении:

— Сверху донизу, мсье Мегрэ. Могу еще добавить, что мсье Жанвье приходил ко мне не менее десяти раз. Что-то его раздражало, не знаю что. Он часами ходил наверху взад и вперед по комнате. Случалось, он заходил посидеть и поболтать со мной. Теперь он знает все подробности из жизни моих жильцов.

— Что же в точности произошло в тот вечер? Вы знали, что Жанвье дежурит на улице?

— Я не знала, кто именно, но знала, что кто-то из полицейских там дежурит.

— Вы могли его видеть?

— В половине десятого, перед тем, как лечь спать, я вышла на крыльцо. Кто-то ходил взад и вперед по тротуару, но фонарь отсюда так далеко, что лица я разглядеть не смогла. Потом я вернулась к себе в спальню.

— Она на втором этаже?

— Нет, на первом. Окна выходят во двор. Я начала раздеваться и уже снимала чулки, когда услышала, как мадемуазель Бланш бежит по лестнице и что-то кричит. Она открыла мою дверь не постучав.

— Она была одета?

— В халате. Вы спросите почему? Когда она по вечерам остается дома, она лежит в кровати и читает. Это милая девушка. Ее комната на втором этаже, рядом с мсье Лотаром. Окна выходят на улицу. Оказывается, она услышала выстрел, спрыгнула с кровати и подбежала к окну. Сначала она ничего не заметила. Правда, ей показалось, что кто-то бежит, но в этом она не уверена.

— Мы ее допрашивали, — сказал Воклен. — Она даже совсем в этом не уверена.

— В домах напротив открылись окна, — продолжала мадемуазель Клеман. — Какая-то женщина указывала на что-то, лежавшее на нашем тротуаре, и мадемуазель Бланш поняла, что это распростертое тело.

— Что вы тогда сделали?

— Надела платье, выбежала в коридор, где висит телефон, и вызвала полицию. Тут из своей комнаты вышел мсье Валентен, я не хотела, чтобы он открывал дверь, но он не стал слушать и, кажется, первым подошел к телу. Это прелестный человек, настоящий джентльмен, вы сами увидите.

Мадемуазель Бланш была милая девушка, мсье Валентен — прелестный человек, Лотары, конечно, тоже великолепные люди. Мадемуазель Клеман улыбалась жизни, мужчинам, женщинам, Мегрэ.

— Выпьете рюмочку ликера?

В рюмках был налит шартрез, и она с явным удовольствием пригубила свою.

— Как ваши жильцы попадают ночью в дом? У них есть ключи?

— Нет. Они звонят. У изголовья моей кровати висит шнурок, как у швейцаров, с помощью которого открывается дверь, а также выключатель, который зажигает и тушит свет в коридоре и на лестнице.

— Они называют свое имя?

— Этого не требуется. Перед тем как открыть дверь, я зажигаю свет. Моя комната в глубине коридора. Дом этот старый, очень забавно построенный. Когда я лежу в постели, мне достаточно наклониться, и я через маленькое окошечко вижу, кто входит в дом и кто выходит.

— А чтобы выйти из дома, нужно тоже будить вас?

— Конечно!

— А днем?

— Днем дверь остается открытой. Но есть другой глазок, в кухне, и никто не может пройти без моего ведома. Я вам сейчас покажу.

Она посулила ему это, словно приглашая на увеселительную прогулку.

— Много у вас жильцов?

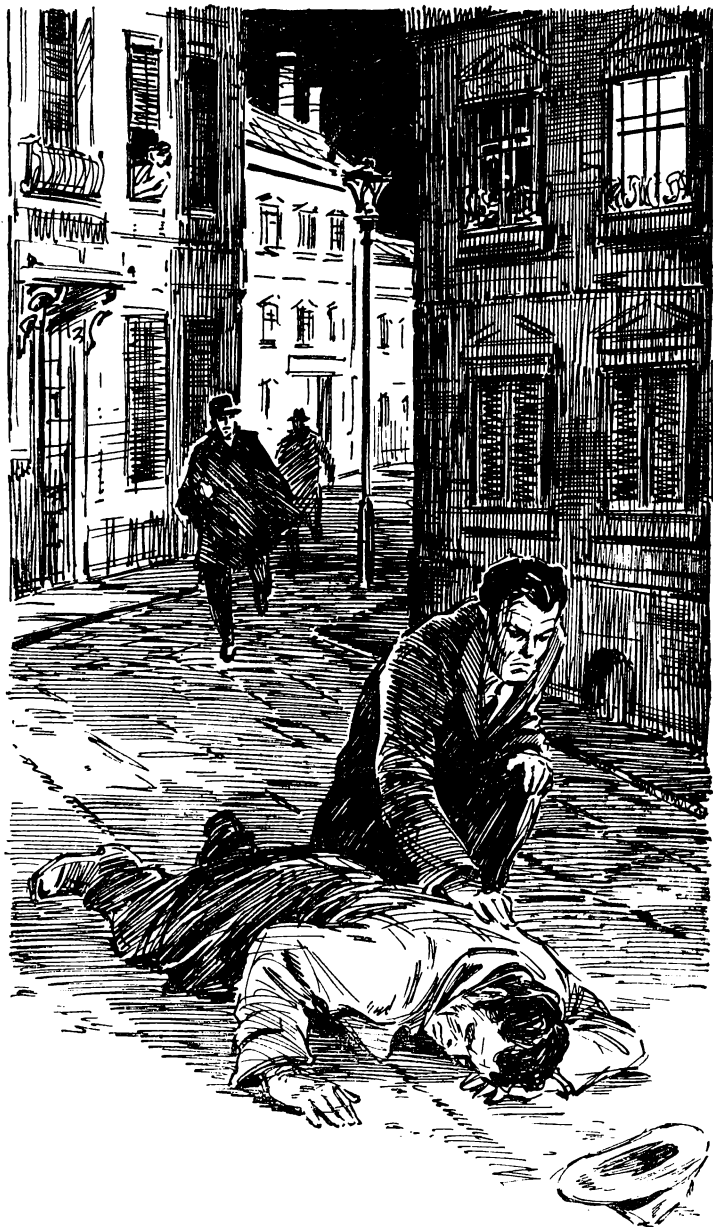
— Девять. Я хочу сказать, что сдаю девять комнат. Но жильцов вместе с мсье Паулюсом получалось одиннадцать, потому что у меня две супружеские пары, одна на втором, другая на третьем этаже.

— Когда совершилось преступление, все жильцы уже были дома?

— Нет. Не было Лотара. Он вернулся через четверть часа после выстрела, когда в доме уже была полиция. Мадемуазель Изабелла тоже отсутствовала. Она вернулась незадолго до полуночи. Эти господа допросили ее, как и остальных жильцов. Никто не увидел в этом ничего дурного. Ведь все они очень милые люди, вы сами убедитесь.

Было уже около двух часов ночи.

— Вы разрешите мне позвонить?

— Сейчас проведу вас к телефону.

Телефон был в коридоре, под лестницей. Мегрэ увидел оба окошка, о которых ему говорила мадемуазель Клеман. Через них она могла следить за жильцами из кухни и из своей спальни.

Он набрал номер больницы, и взгляд его вдруг упал на предмет, похожий на копилку, который висел рядом на стене. Над ним было прикреплено объявление, написанное от руки красивым круглым почерком: «За каждый городской разговор просят жильцов опустить один франк. По поводу разговоров междугородных просьба обращаться к мадемуазель Клеман. Заранее благодарю».

— Бывает, что кто-нибудь жульничает? — с улыбкой спросил комиссар.

— Случается. И необязательно те, кого можно было бы заподозрить. Мсье Паулюс, например, никогда не забывал опустить монетку в копилку.

— Алло! Больница Кошен?

Его соединяли, по крайней мере, четыре раза, пока удалось узнать, что Жанвье спит крепким сном и что температура у него нормальная.

Тогда он позвонил в Жювизи и сообщил об этом мадам Жанвье, которая говорила очень тихо, боясь разбудить детей.

— Ваш инспектор признался мне, что в этот раз они ждут девочку, — весело сказала мадемуазель Клеман, когда он повесил трубку. — Мы с ним много беседовали. Он такой симпатичный человек.

Глава вторая, в которой Мегрэ тоже становится очаровательным жильцом мадемуазель Клеман и заводит новые знакомства.

У входа, возле лестницы, длинный коридор был шире, и там стояли две скамейки, напоминавшие школьные парты.

В полдень, придя в больницу, Мегрэ застал здесь мадам Жанвье, приехавшую с полчаса назад.

Вид у нее был усталый, но она все же улыбнулась комиссару, показывая этим, что старается не терять мужества. На всех этажах слышался шум, как в казарме. Очевидно, сменялись санитары и санитарки.

Сверкало солнце, и Мегрэ впервые в этом сезоне вышел из дома без пальто.

— Наверное, скоро за нами придут, — сказала мадам Жанвье. И добавила с оттенком иронии или горечи: — Сейчас ему там наводят красоту.

Видимо, ее обижало, что она не имела права присутствовать при туалете мужа. Прежде Мегрэ иногда случалось встречать ее — она заходила за Жанвье в уголовную полицию. Но только сейчас он понял, что перед ним уже увядшая женщина. А ведь едва десять лет, точнее даже девять, прошло с тех пор, как инспектор представил комиссару свою невесту, девушку с пухленькими щечками, на которых, когда она смеялась, появлялись ямочки. Теперь перед ним стояла безликая женщина с озабоченным взглядом, какой бывает у жительниц предместья, согбенных непосильным домашним трудом.

— Скажите мне честно, мсье комиссар, это лично ему хотели за что-то отомстить?

Мегрэ понял ее, но подумал перед тем, как ответить, хотя утром эта мысль уже приходила ему в голову.

По-видимому, когда Жанвье стал жертвой преступления, совершенного на улице Ломон, подозрение сразу пало на Паулюса. Но, как уже заявил Мегрэ во время рапорта начальнику уголовной полиции, чем больше они эту гипотезу обсуждали, тем она становилась более маловероятной.

— Парень этот не убийца, шеф. Мне удалось собрать о нем кое-какие сведения. Когда он полтора года назад приехал в Париж, то поступил работать служащим в контору по продаже торговых предприятий на бульваре Сен-Дени.

Комиссар туда ходил. Конторы, расположенные на антресолях, были грязные, неопрятные, как и сам хозяин, похожий на барышника.

На стенах маленькие, написанные от руки и прикрепленные кнопками объявления сообщали о продаже торговых предприятий, чаще всего кафе и баров. В обязанности Паулюса входило писать круглым почерком эти объявления, а также отправлять сотни циркуляров.

Сменивший Паулюса на вид изголодавшийся парень с длинными волосами, работал в темной передней, где целый день приходилось жечь электричество.

— Паулюс? — переспросил хозяин с явно выраженным крестьянским акцентом. — Я вышвырнул его за дверь.

— За что?

— Да он каждый день таскал по несколько франков из маленькой кассы.

Имелся в виду ящик, где всегда лежала небольшая сумма денег на мелкие текущие расходы: почтовые марки, заказные письма, телеграммы.

— Вот уже шесть месяцев, шеф, — продолжал Мегрэ, — как Паулюс потерял это место. Правда, какую-то сумму ему ежемесячно присылали родители, но недостаточно, чтобы на это прожить. Ведь они люди небогатые. В конце концов он устроился агентом по продаже энциклопедий, ходил по квартирам. Я видел его портфель, в котором лежал рекламный экземпляр, а также бланки соглашений на покупку в рассрочку изданий в двадцать два и двадцать четыре тома.

Расследование продолжалось. В Париже пахло весной. Лопались почки каштанов, тянулись к свету крошечные нежно-зеленые листочки. Тысячи молодых людей, таких же как Паулюс, сновали по улицам Парижа, озлобленные бесконечными поисками работы, поисками своего будущего.

— Он, должно быть, познакомился с парнем постарше себя и, конечно, более продумным. Мадемуазель Клеман говорит, что время от времени его навещал приятель, который два раза даже ночевал у Паулюса, какой-то блондин лет двадцати пяти. Мы его найдем. Заметьте, на ограбление «Аиста» Паулюс пошел с игрушечным пистолетом. Напугать хозяина кабачка посредством игрушки или хладнокровно убить на улице инспектора полиции — вещи совершенно разные.

— Вы думаете, что Жанвье ранил друг Паулюса?

— Но с какой целью? Для того, чтобы убить Жанвье у них, могло быть только две причины: им либо нужно было войти в дом, чтобы забрать припрятанные деньги — что весьма рискованно, либо освободить путь, чтобы их вынести. Однако же мадемуазель Клеман решительно заявляет, что никто не входил в дом и не выходил оттуда.

— Разве что Жанвье удалось раскрыть что-нибудь важное и...

Мегрэ думал об этом все утро, сидя в своем кабинете на набережной Орфевр. В меблированных комнатах на улице Ломош остался дежурить Воклен, которого мадемуазель Клеман устроила в гостиной у открытого окна.

Комиссар даже перерыл письменный стол Жанвье и составил список дел, которыми инспектор занимался в последнее время. Но ничего не нашел...

Мадам Жанвье нервно теребила свою сумку. Видимо, считая себя слишком бледной, она наложила на щеки вдвое больше румян, чем требовалось, и казалось, что лицо ее покрылось лихорадочными пятнами.

Наконец за ними пришли. Перед тем как проводить в палату, сиделка сделала им кое-какие наставления:

— Вам можно побыть возле больного только несколько минут. Не нужно его утомлять. Нельзя говорить с ним о вещах, которые могут его взволновать.

Мегрэ впервые увидел инспектора лежащим в постели. Ему показалось, что тот сильно изменился еще и потому, что Жанвье, всегда румяный, свежий, гладко выбритый, с нежно-розовой кожей, лежал теперь обросший бородой.

Сиделка дала указания и больному:

— Не забывайте, что сказал врач. Разговаривать вам категорически запрещено. Если комиссар будет задавать вопросы, отвечайте «да» или «нет» кивком головы, не волнуйтесь, не нервничайте.

И добавила, направляясь к столику, на котором лежал журнал:

— Впрочем, я сама останусь здесь.

* * *

Мегрэ стоял у двери, и больному пока еще его не было видно. Мадам Жанвье подошла к постели, сжимая в руках сумку, и, глядя на мужа, с робкой улыбкой пробормотала:

— Не волнуйся, Альбер. У нас все благополучно. Все очень добры ко мне, и дети здоровы. Тебе было не очень больно?

Нельзя было без волнения наблюдать, как из глаз раненого вдруг скатились две крупные слезы и как он стал жадно глядеть на жену, словно уже не надеялся ее увидеть.

— Только о нас не беспокойся. Комиссар уже здесь...

Заметила ли она, что он слишком нетерпеливо стал искать кого-то глазами? Мегрэ даже стало неловко. Жанвье, конечно, был хорошим семьянином, обожал жену и детей. Однако же Мегрэ всегда казалось, что ближе всего для него была уголовная полиция.

Комиссар сделал два шага вперед, и лицо раненого оживилось. Несмотря на запрет, он хотел заговорить, но Мегрэ знаком остановил его.

— Спокойно, дорогой Жанвье! Прежде всего я должен тебе сказать, как все мы счастливы, что ты выкарабкался. Шеф просил передать тебе поздравления и свои лучшие пожелания. Он сам тебя навестит, как только визиты перестанут тебя утомлять.

Мадам Жанвье скромно отошла в сторонку.

— Врач разрешил нам побыть у тебя всего несколько минут. Я взял это дело в свои руки. Чувствуешь ли ты себя в силах, чтобы ответить мне на несколько вопросов? Ты слышал, что сказала сиделка? Отвечай кивком головы и даже не пытайся говорить.

Широкий пучок солнечных лучей пересекал палату, в нем дрожали тончайшие пылинки.

— Видел ты человека, который в тебя стрелял?

Жанвье, не задумываясь, отрицательно качнул головой.

— Тебя подняли с правого тротуара, как раз у дома мадемуазель Клеман. Видимо, ты не успел уползти перед тем, как тебя обнаружили. Улица была пустынна, не так ли?

Веки раненого опустились.

— Ты ходил по улице взад и вперед?

Веки Жанвье опять опустились.

— Ты не слышал приближающихся шагов?

Снова отрицательный кивок.

— Ты зажигал сигарету?

В глазах Жанвье появилось удивление, потом едва заметная улыбка. Он понял мысль Мегрэ.

— Да, — он опять опустил веки.

Согласно заключению врача выстрел был сделан с расстояния примерно в десять метров. Поблизости от дома мадемуазель Клеман фонаря не было, и, зажигая сигарету, Жанвье мог стать более заметной мишенью.

— Ты не слышал, чтобы где-нибудь открывалось окно?

Раненый подумал, потом, немного поколебавшись, отрицательно качнул головой.

— А может быть, окна открывались раньше?

Утвердительный кивок.

Погода стояла такая теплая, что это было естественно.

— В доме мадемуазель Клеман тоже?

Опять утвердительный кивок.

— Но не в ту минуту, когда раздался выстрел?

— Нет.

— Ты никого не видел и не слышал?

— Нет.

— Не помнишь ли, в какую сторону ты смотрел, когда тебя настигла пуля?

Из положения тела в самом деле нельзя было ничего заключить, потому что наблюдались случаи, когда раненный пулей человек, падая, поворачивался кругом или на пол-оборота.

Усилие, которое Жанвье пришлось преодолеть, чтобы вспомнить, мучительно отразилось на его лице. Мадам Жанвье уже не слушала их. И не только из скромности. Она подошла к сиделке и тихонько разговаривала с ней, видимо, расспрашивая ее и даже отваживаясь на робкие советы.

Нет, этого Жанвье вспомнить не мог. И неудивительно. Ведь

в тот вечер он столько раз ходил взад и вперед по небольшому отрезку тротуара...

— Успел ты обнаружить что-нибудь новое относительно Паулюса и его сообщника? Может быть, что-нибудь такое, что не фигурирует в твоих рапортах?

Это могло быть единственно допустимым объяснением, но и тут Жанвье ответил отрицательно.

— А не обнаружил ли ты неожиданно что-то, касающееся другого дела, может быть, даже давнишнего?

Жанвье снова улыбнулся, угадав предположение Мегрэ.

Опять нет. Все объяснения оказывались ложными, отпадали одно за другим.

— Итак, ты зажег сигарету, и в ту же минуту раздался выстрел. Ты не слышал шагов. Ты не слышал никакого шума. Ты упал и потерял сознание.

— Мсье комиссар, — вмешалась сиделка, — мне очень неудобно вас прерывать, но приказ доктора для нас закон.

— Только не волнуйся, дорогой Жанвье. А главное, не думай больше об этом.

Он угадал вопрос на губах инспектора: достаточно хорошо знал своего коллегу, чтобы понять его.

— С сегодняшнего дня я переезжаю на улицу Ломон, поселюсь в доме мадемуазель Клеман и в конце концов доищуся правды, верно?

Бедный Жанвье! Видно было, что он представил себе комиссара в доме толстухи. С какой радостью он тоже пошел бы с ним туда!

— Мне нужно уходить, Альбер, — сказала мадам Жанвье. — Я буду навещать тебя каждый день. Мне сказали, что завтра можно будет побыть тут подольше.

При больном она бодрилась, но когда вышла в коридор вместе с Мегрэ, то не могла сдержаться и всю дорогу, не переставая, плакала. Комиссар заботливо вел ее под руку и молчал, не пытаясь утешать.

* * *

Он заказал телефонный разговор из своей квартиры, которая теперь казалась ему почти чужой. И не только потому, что он был один, что не с кем было перекинуться словом. Просто он не привык бывать дома в такое время, разве что в воскресенье.

Он открыл настежь все окна и в ожидании звонка стал совать в свой старый кожаный чемодан белье и необходимые предметы туалета.

Ему удалось разыскать мадам Мегрэ в клинике — она добилась разрешения дежурить у сестры, которая понемногу поправлялась. Видимо, боясь, что он ее не услышит, мадам Мегрэ говорила каким-то не своим, пронзительным голосом, от которого дребезжала мембрана.

— Да нет, со мной ничего не случилось. Я только хочу тебя предупредить, чтобы ты сюда сегодня вечером не звонила и объяснить тебе, почему ты не застала меня дома вчера.

Перед ее отъездом они договорились, что мадам Мегрэ будет звонить домой каждый вечер около одиннадцати.

— Жанвье был ранен... Да, Жанвье... Нет... Опасность миновала... Алло!.. Для расследования дела я вынужден поселиться на улице Ломон... В меблированных комнатах... Мне там будет удобно... Да нет же, нет!.. Уверю тебя... Хозяйка — милейшая женщина...

У него случайно вырвалось это слово, и он тут же улыбнулся.

— У тебя есть под рукой карандаш и бумага? Запиши номер... Только звони мне пораньше, так от девяти до десяти вечера, чтобы не будить жильцов. Аппарат висит в коридоре на первом этаже... Нет, ничего не забыл... Здесь потеплело... Уверю тебя, пальто мне не понадобится...

Он вышел из дому с тяжелым чемоданом в руке и запер дверь на ключ, испытывая какое-то странное чувство, будто совершал предательство.

Только ли из-за расследования он переселяется на улицу Ломон? А может быть, и потому, что слишком тоскливо оставаться одному в пустой квартире?

Мадемуазель Клеман, возбужденная, кинулась ему навстречу. Ее полная грудь, обтянутая блузкой, при каждом движении колыхалась, как желе.

— Я ничего не трогала в комнате, как вы меня просили. Только сменила простыни и положила новые одеяла.

Воклен, сидевший в первой комнате в кресле у окна с чашкой кофе в руках, сразу же поднялся и настоял на том, чтобы комиссар позволил ему отнести наверх его чемодан.

Это был забавный дом, совсем непохожий на другие дома с меблированными комнатами. Хотя и старый, он был удивительно чистый и веселый. Обои во всех комнатах и в коридоре были светлые, чаще всего светло-желтые с цветочками, но не создавали впечатления чего-то старомодного или банального. Деревянные панели стен, отполированные временем, весело отсвечивали, а ступеньки, не покрытые дорожкой, приятно пахли воском.

Комнаты, намного просторнее, чем в других подобных отелях, скорее напоминали номера в хороших провинциальных гостиницах. Почти вся мебель была старинная: высокие, глубокие шкафы, пузатые комоды.

Мадемуазель Клеман, неожиданно для Мегрэ, поставила несколько цветов в вазу на круглом столе: скромные цветы, которые она, должно быть, купила на рынке, когда ходила за провизией.

Она поднялась вместе с ними.

— Вы не возражаете, если я разложу ваши вещи? Мне кажется, для вас это дело непривычное.

И добавила, смеясь каким-то особым, горловым смехом, от которого задрожал ее бюст:

— Конечно, если только в вашем чемодане нет таких вещей, которые мне нельзя видеть.

Он подозревал, что она вела себя так со всеми жильцами, и не из раболепства, не из профессионального долга, а просто ей так нравилось. Он даже подумал, не принадлежит ли она к породе женщин типа мадам Мегрэ и, не имея мужа, тешится тем, что нежно заботится о своих жильцах.

— Давно уже вы держите эти меблированные комнаты, мадемуазель Клеман?

— Десять лет, мсье Мегрэ.

— Вы уроженка Парижа?

— Нет, Лиля. Точнее — Рубэ. Знакома вам фламандская пивная в Рубэ? Мой отец более сорока лет прослужил там официантом, и все его знали. Мне не было еще двадцати лет, когда я поступила туда работать кассиршей.

Слушая ее, можно было подумать, что она тогда играла в кассиршу, как девочкой играла в куклы, а теперь в хозяйку мебелированных комнат.

— Я всегда мечтала переехать в Париж, завести собственное дело, и, когда мой отец умер и оставил мне небольшое наследство, я приобрела этот дом. Я не смогла бы жить в одиночестве. Мне необходимо, чтобы вокруг меня кипела жизнь.

— Вам никогда не приходило в голову выйти замуж?

— Тогда бы я перестала быть сама себе хозяйкой. А теперь будьте так любезны и спуститесь на минутку вниз. Мне нелегко разбирать ваши вещи при вас. Я предпочла бы остаться одна.

Мегрэ сделал знак Воклену следовать за ним. На лестнице они услышали звуки фортепиано и распеваящий женский голос. Звуки доносились из комнаты на первом этаже.

— Кто там живет?

И Воклен, уже знавший всех жильцов, тут же объяснил:

— Мсье Валентен Декер. Тридцать лет назад он был довольно известным опереточным певцом.

— Если я не ошибаюсь, комната налево?

— Да. Даже не комната, а целая квартира: маленькая гостиная, где он дает уроки пения, спальня, ванная и даже кухня. Он сам занимается стряпней. Его ученицы — чаще всего молодые девушки.

Когда они спустились на первый этаж, Воклен вытащил из кармана какие-то бумажки:

— Я подготовил для вас план дома с фамилиями жильцов и краткими сведениями о каждом из них. Впрочем, это не понадобится. Мадемуазель Клеман и без вашей просьбы обо всех расскажет. Станный какой-то дом! Вот вы сами увидите. Люди толкуются везде, как у себя дома, заходят на кухню, варят себе кофе, а так как телефон висит в коридоре, каждый знает подробности обо всех соседях. Мадемуазель Клеман предложит вам столоваться у нее, она и мне предлагала, но я предпочел ходить в маленькое бистро неподалеку отсюда.

Они отправились туда вместе. На террасе, под большим тентом, стояли два круглых столика, а в зале за бутылкой белого вина сидел какой-то каменщик.

Трудно было себе представить, что в двух шагах отсюда на бульваре Сен-Мишель бурлила жизнь. Посреди улицы, словно в маленьком провинциальном городке, играли дети. Слышались удары молотка из соседней мастерской.

— Я думаю, мне придется несколько дней столоваться у вас, — сообщил Мегрэ хозяину.

— Если вы не слишком разборчивы, хозяйка для вас постарается...

К одиннадцати часам утра оружейный эксперт Гастин-Ренетт прислал отчет, который обеспокоил Мегрэ. Пуля, ранившая

Жанвье, вылетела из револьвера крупного калибра, скорее всего из кольта с барабаном.

Оружие это тяжелое и громоздкое, его не спрячешь в кармане пиджака, и потому им обычно пользуются только в армии.

— Никто с сегодняшнего утра не бродил вокруг дома? — спросил комиссар, чокаясь с Вокленом.

— Несколько журналистов. Фотографы из газет.

— Не было интересных звонков по телефону?

— Нет. Только какой-то мужчина вызывал мадемуазель Бланш, и она спустилась в халате, наброшенном на ночную сорочку. Красивая девушка.

— В каком часу?

— В одиннадцать.

— И она ушла?

— Нет. Видимо, снова легла в постель.

— Чем она занимается?

— Ничем. Говорит, что она драматическая артистка. Ей случилось исполнять маленькие роли то ли в театре Шатле, то ли в каком-то другом. Два или три раза в неделю ее навещает дядя.

— Дядя?

— Я говорю со слов мадемуазель Клеман. Впрочем, не знаю, строит ли хозяйка из себя дуру, или она в действительности настолько наивна. Если так, то она настоящая корова. «Вы понимаете, — сказала она мне, — мадемуазель Бланш учит свои роли. Поэтому она почти все время проводит в постели. Дядюшка очень о ней заботится. Он хочет сделать из нее большую актрису. Она совсем молоденькая, ей не больше двадцати двух лет...»

— Ты видел этого дядюшку?

— Еще нет. Его день — завтра. Я знаю только, что это человек «прекрасно воспитанный» и «удивительно корректный».

— А как другие жильцы?

— Конечно, тоже очаровательные. В этом доме все «очаровательные». Над мсье Валентеном, на втором этаже, живут Лотары. У них годовалый ребенок.

— Почему они живут в меблированных комнатах?

— Приехали в Париж недавно и, кажется, не могли пока найти квартиры. Они готовят в туалетной комнате на спиртовке. Я к ним заходил. Через всю комнату протянута веревка, на которой сушится белье.

— Чем занимается Лотар?

— Служит в страховой компании. Мужчина лет тридцати, длинный и унылый. Жена его, низенькая толстуха, время от времени спускается поболтать с мадемуазель Клеман, оставляя дверь из своей комнаты открытой, чтобы услышать, если закричит ребенок. Она ненавидит мсье Валентена из-за его фсртепиано. Но мсье Валентен тоже должен ее ненавидеть из-за малыша, который орет ночи напролет.

— Они тоже занимают квартиру?

— Нет, у них только комната и туалетная. За ними, в комнате, окна которой выходят во двор, живет студент, Оскар Фашен. Он зарабатывает на жизнь перепиской нот, и по его лицу видно,

что ему удастся поесть не каждый день. Время от времени мадемуазель Клеман поднимается к нему в комнату с чашкой кофе. Он сначала всегда отказывается, очень гордый. Когда уходит из дома, хозяйка идет к нему за носками, чтобы заштопать их. Он прячет свои носки, но она их находит...

Что делает Паулюс в этот час, когда они сидят у оловянной стойки, болтают, попивая белое вино, и воздух, нагретый солнцем, врывается в бистро через открытую дверь?

У полиции имелось описание его примет. Он, должно быть, знал, что за домом на улице Ломон ведется наблюдение, потому что после первого обыска ни разу туда не возвращался.

Комиссар поручил Люка разыскать Паулюса и его сообщника, bruneta лет двадцати пяти.

— А я по-прежнему буду наблюдать за домом? — спросил Воклен, которому начинала уже порядком надоедать мадемуазель Клеман и кусок этой тихой улицы.

— Не только. Скоро наступит время обеда, люди вернутся домой, и мне хотелось бы, чтобы ты порасспросил соседей. Возможно, кто-то что-нибудь видел или слышал.

Мегрэ поужинал один в бистро у овернца, читая вечернюю газету и иногда поглядывая на дом напротив.

Когда он вернулся в отель около половины восьмого, во второй комнате, служившей одновременно столовой и кухней, застал красивую девушку, очень свежую, с вьющимися белокурыми волосами, в ярко-красной шапочке.

— Мадемуазель Изабелла, — представила ее хозяйка. — Она живет на третьем этаже. Работает машинисткой в конторе на улице Монмартр.

Мегрэ поклонился девушке.

— Мадемуазель Изабелла как раз мне сейчас рассказывала, что Паулюс пытался за ней ухаживать. Я об этом ничего не знала.

— Да, но только очень робко... Я даже думаю, что это нельзя назвать ухаживанием... Если я об этом заговорила, то только для того, чтобы показать, каков этот юноша...

— Каков же он?

— По утрам, перед тем как сесть в метро, я обычно захожу перекусить в бар на улице Гей-Люссака. Однажды я увидела там молодого человека, который пил кофе со сливками за той же стойкой, что и я, и внимательно на меня глядел. Точнее говоря, он рассматривал меня в зеркале. Нам никогда не приходилось с ним говорить, но я его узнала. Видимо, и он меня узнал. Когда я вышла на улицу, он тоже направился к двери. Потом я услышала его торопливые шаги. Он поравнялся со мной и попросил разрешения провонять.

— Ну до чего же трогательно! — воскликнула мадемуазель Клеман.

— В то утро у меня, наверное, было плохое настроение — по утрам я всегда не в духе. Я ему ответила, что уже взрослая и найду дорогу сама.

— И что же дальше?

— Ничего. Он тут же повернулся и отошел, бормоча какие-то извинения. Потому-то я и рассказала об этом мадемуазель Клеман. Ведь теперь нечасто встретишь такого робкого молодого

человека. Обычно они настаивают, хотя бы для того, чтобы не показать своего смущения.

— Значит, вам кажется странным, что такой робкий молодой человек смог сначала напасть на хозяина ночного кабачка, а потом выстрелить в инспектора полиции?

— А вам разве это не кажется странным?

От прессы уже не скрывали, кто был «гангстером с улицы Кампань-Премьер», как его называли в газетах, — на первых страницах красовалась его фотография.

— Быть может, если бы вы его не оттолкнули, ничего бы не случилось, --- с мечтательным видом сказала девушке мадемуазель Клеман.

— То есть как?

— Он бы стал вашим другом, думал бы совсем о другом, а не о том, как ограбить бар...

— Ну, мне пора, — сказала девушка. — Мы с подругой идем в кино. До свидания, господин комиссар!

Когда они вышли, мадемуазель Клеман прошептала:

— Не правда ли, очаровательна? Каждый вечер одно и то же. Сначала она заявляет, что никуда из дома не выйдет, что нужно закончить шитье. Ведь она сама шьет себе платья. Затем, не пройдет и полчаса, я слышу, как она спускается с лестницы в шляпке. Оказывается, она вдруг вспомнила, что обещала пойти с подругой в кино. Такие девочки не могут сидеть взаперти...

— Есть у нее друг?

— Есть только двоюродный брат.

— Который иногда ее навещает?

— Только зайдет на минутку за ней, и они тут же вполне прилично вместе куда-нибудь уходят. Это бывает довольно редко. Кажется, он по вечерам работает. Только в воскресенье...

— А что в воскресенье?

— По воскресеньям они ездят за город, а если идет дождь, остаются у нее в комнате.

Она смотрела на комиссара с обезоруживающей улыбкой.

— В общем, у вас живут одни только славные люди?

— На свете гораздо больше славных людей, чем думают. Не понимаю, как можно видеть везде одно только зло! А вот и мсье Криделька пришел, — добавила она, поглядывая через глазок.

Это был человек лет сорока, с бледным лицом, с волосами намного темнее, чем у овернца, хозяина бистро; он машинально вытер ноги о половик перед тем, как подняться по лестнице.

— Он тоже живет на третьем этаже, рядом с мадемуазель Изабеллой.

Мегрэ пробежал глазами бумажку, которую дал ему Воклен.

— Он югослав, — сказал комиссар.

— Да, но он давно живет в Париже.

— Чем он занимается?

— Вы никогда не угадаете. Работает санитаром в психиатрической лечебнице. Видно, поэтому так неразговорчив. Кажется, это очень тяжелая работа. Человек он достойный, у себя на родине был адвокатом. Не хотите ли посидеть в гостиной?

Она уселась в кресло, положила на колени светло-голубое вязанье и стала жонглировать спицами.

— Это для малыша Лотаров. Некоторые хозяева не пускают к себе в дом жильцов с детьми. А вот я не возражаю ни против детей, ни против фортепиано. Мадам Сафт тоже ждет ребенка.

— Кто это?

— Они живут на третьем этаже, справа по коридору. Жена — француженка, а муж — поляк. Если бы вы пришли на несколько минут раньше, вы бы их увидели. Они только что вернулись домой. Провизию всегда покупает муж, когда идет с работы. Чаще всего они питаются всухомятку. По-моему, его жена не любит стирать. Когда они поженились, она была студенткой, а он уже кончил учиться.

— Что он изучал?

— Химию. Места по специальности ему найти не удалось, и он устроился помощником фармацевта в аптеке, где-то на улице Рени. Вы не находите, что, вообще говоря, люди мужественно переносят невзгоды? Этим тоже до сих пор не удалось найти квартиру. Когда ко мне является супружеская пара, я знаю заранее, что они мне скажут. Будут говорить, что хотят поселиться здесь временно, что скоро обзаведутся квартирой. Но Лотары дожидаются ее уже три года. Сафты тоже надеются переехать до родов.

Она засмеялась своим необычным, горловым смехом. Развеселить ее было легко. Мадемуазель Клеман напоминала монахинь, которые скрашивают жизнь в монастыре самыми невинными шутками.

— Вы хорошо знаете Паулюса?

— Я знала его не больше, чем других жильцов. Он прожил здесь только пять месяцев.

— Что это за парень?

— Вы же слышали, что вам рассказывала мадемуазель Изабелла. Это очень на него похоже. Он до того робок, что даже отворачивался, проходя мимо глазка.

— Он получал много писем?

— Только из Лиможа, от родителей. Я сразу узнавала почерки отца и матери. Мать писала ему два раза в неделю, а отец — раз в месяц. Последнее время он очень нервничал, когда я отдавала ему письма.

— Он никогда не принимал у себя женщин?

— Что вы, никогда бы не осмелился.

— Вы знали, что его приятель оставался у него ночевать?

— Да. Первый раз я даже стала беспокоиться. Я не засыпала, пока он не уйдет, потому что не люблю, когда мне перебивают первый сон. Он спускался утром, еще засветло, на цыпочках, и это меня забавляло. Я вспоминала моего брата. Теперь он женат и живет в Индокитае, а дома, когда ему было лет семнадцать или восемнадцать, тайком приводил к себе товарищей, которые не смели слишком поздно возвращаться к себе.

— Паулюс не откровенничал с вами?

— В общем, отношения у нас с ним были дружеские. Иногда он заходил ко мне после работы, чтобы поздороваться. Рассказывал, как трудно сбывать энциклопедии. Его портфель, набитый толстыми книгами, был такой тяжелый, что у него немела рука. И я уверена, что он не всегда ел досыта.

— Откуда вы знаете?

— Иногда он возвращался домой, когда я обедала. Достаточно было видеть, как он смотрел на мою тарелку, как вдыхал запах кухни. Я деликатно говорила ему: «Не хотите ли выпить со мной за компанию чашечку бульона?» Сначала он отказывался, уверял, что только что из-за стола, но в конце концов усаживался напротив меня.

Она смотрела на комиссара ясными глазами.

— А платил он вам вовремя?

— Сразу видно, мсье, что вы не держали мебелированных комнат. Знайте же, что никто из жильцов никогда вовремя не платит. Если бы у них было чем платить вовремя, они, вероятно, здесь бы не жили. Я не хочу быть нескромной и не стану показывать вам свою записную книжку, где помечено, сколько они мне должны. Но при этом все они честные люди. В конце концов отдают деньги, иногда, правда, небольшими суммами.

— Даже мсье Валентен?

— Он самый бедный из всех. Девочки, которым он дает уроки пения, платят ему еще неаккуратнее, а некоторые и вовсе не платят.

— И все же он продолжает давать уроки?

— Да, наверное, потому, что считает их талантливыми. Ведь он такой добрый человек.

Тут Мегрэ, сам не зная почему, взглянул на нее, и ему показалось, что во взгляде этой толстой девицы мелькнуло что-то необычайное. К сожалению, только на мгновение, потому что она тут же опустила глаза на свое бледно-голубое вязание.

У Мегрэ создалось впечатление, что вместо радостного простодушия, которое мадемуазель Клеман обычно источала, в ее взгляде промелькнула ирония. Эта ирония, правда, не нарушила ее веселой ребячливости, но что-то в ней пасторожило комиссара.

Сначала он подумал, что такие веселые люди иногда встречаются. Теперь же заподозрил ее в том, что веселье было напускным, и совсем не потому, что она хотела обмануть или что-нибудь скрыть, а просто ей нравилось играть комедию.

— Вам весело, мадемуазель Клеман?

— Мне всегда весело, мсье Мегрэ.

Теперь она смотрела на него с прежним простодушием. В женских школах почти всегда можно встретить хотя бы одну девочку, на голову выше остальных и с таким же вот пышным, словно надутым воздухом, телом. В 13 или 14 лет они похожи на огромные куклы, набитые опилками; они совсем не видят ничего того, что происходит в жизни, и всецело погружены в свои мечты.

Но у сорокалетних Мегрэ до сих пор ничего похожего не встречал.

От его трубки воздух становился все более и более сизым, и вокруг оранжевого абажура лампы плавало облако дыма.

Ему казалось странным, что он находится здесь, сидит в кресле почти как у себя дома, с той только разницей, что дома снял бы пиджак. Правда, он был убежден, что через день-другой мадемуазель Клеман предложит ему это сделать.

Мегрэ вздрогнул, услышав телефонный звонок, и посмотрел на часы.

— Это, должно быть, меня... — сказал он, поспешно выходя в коридор.

И опять, как накануне на бульварах, немного сконфузился и даже почувствовал себя почти виноватым.

— Да, это я... Ты легко дозвонишься?.. Очень хорошо... Очень хорошо... Уверю тебя, очень хорошо... Нет, все спокойно... Обо мне заботятся, да... Как здоровье сестры?

Когда он повесил трубку и вернулся в гостиную, мадемуазель Клеман усердно вязала. И только когда он сел и снова закурил трубку, беспечным голосом спросила:

— Это ваша жена?

Глава третья, в которой важную роль играет упоминание о кружке свежего пива и в которой Мегрэ обнаруживает жильца мадемуазель Клеман в неожиданном месте.

Мегрэ провел добрую часть ночи, ругаясь, ворча, иногда даже охая. Раз десять он проклинал пришедшую ему в голову мысль поселиться в меблированных комнатах на улице Ломон. И все же в конце концов к утру он остался доволен этим своим решением.

Быть может, виною всему был шартрез, который, по-видимому, так любила мадемуазель Клеман.

Как и вчера вечером, она не замедлила достать из буфета бутылку шартреза, и от одного лишь вида этой густой зеленой жидкости лицо ее приняло такое выражение, какое бывает у детей при виде лакомства: глаза ее заблестели, губы увлажнились.

Мегрэ постеснялся отказать. В результате вечер был окрашен в голубой и зеленый цвета. Зеленый от ликера, а бледно-голубой от вязанья, которое едва заметно удлинилось на коленях у хозяйки.

Они выпили немного — рюмочки были крошечные. Мегрэ поднялся к себе в комнату, совсем не захмелев, и только мадемуазель Клеман, когда он собрался уходить, смеялась еще более заразительно, чем обычно.

Мегрэ не сразу зажег свет. Сняв галстук и расстегнув ворот рубашки, он подошел к окну и облокотился о подоконник, как в этот вечер делали, вероятно, тысячи парижан.

Воздух был бархатный, почти осязаемый. По тихой улице Ломон, незаметно спускавшейся вниз к искрящейся огнями улице Муфтар, машины проезжали редко. Иногда из-за домов доносился неясный шум, приглушенный гул автомобилей, мчавшихся по бульвару Сен-Мишель, скрежет тормозов, звуки клаксонов, но все это происходило словно в другом мире; между крышами домов, между трубами взгляд уходил в бесконечность, усеянную звездами.

Опустив голову, Мегрэ мог видеть тот участок тротуара, где упал Жанвье. Немного дальше одиноко горел в ночи фонарь. Постояв минуту неподвижно, можно было почувствовать, вернее услышать, малейшее движение в доме.

Из соседней комнаты мсье Кридельки не доносилось ни звука, и свет там был потушен.

На втором этаже Лотары улеглись спать. Но кто-то из них тут же поднялся, потому что захныкал малыш. Должно быть, это была жена. Она не стала зажигать лампу, а только ночник — из окна пробивался слабый свет. В ночной рубашке, босиком, мать, по-видимому, что-то готовила для ребенка, наверное, рожок. Мегрэ услышал звяканье стекла и женский голос, что-то напевавший.

Приблизительно тогда же, около половины двенадцатого, погасила свет и мадемуазель Бланш. Она дочитала книгу и немного погодя спустила воду в туалете.

Маленькое бистро неподалеку от дома, где ужинал Мегрэ, давно уже закрылось, а комиссару вдруг так захотелось выпить кружку свежего пива! В эту минуту затормозил автобус, шедший с бульвара Сен-Мишель, и Мегрэ вспомнил, что там много пивных.

Скоро это превратилось в навязчивую идею. От выпитого ликера во рту было горько; ему казалось, что в гортани у него осел жир от бараньего рагу, которое он ел в бистро у оверниа и нашел удивительно вкусным.

Он даже заколебался, не надеть ли ему снова галстук и не спуститься ли бесшумно вниз, чтобы дойти пешком до ближайшей пивной.

Мадемуазель Клеман уже улеглась. Значит, придется сначала разбудить ее, чтобы выйти из дома, а потом, вернувшись, разбудить снова.

Он зажег трубку, по-прежнему облокотившись о подоконник, вдыхая ночной воздух, но мысль о пиве не покидала его.

Кое-где на фоне темных домов с противоположной стороны улицы вырисовывались более или менее освещенные окна; их было немного, пять или шесть. Порой за занавесками или за шторами бесшумно двигались тени. Наверное, точно так было и накануне, когда бедняга Жанвье ходил взад и вперед по тротуару.

Мегрэ услышал шум в нижней части улицы, потом голоса мужчины и женщины, странно звучащие между домами. Можно было почти разобрать, что они говорили. Остановились двумя домами ниже. Чья-то рука дернула шнурок звонка, потом захлопнулась дверь.

В доме напротив, на втором этаже, за слабо освещенной шторой, какой-то человек ходил взад и вперед по комнате: то вдруг исчезал, то появлялся снова.

Возле дома остановилось такси. Дверца открылась не сразу, и Мегрэ подумал, что там, должно быть, целуются. Наконец оттуда легко выскочила мадемуазель Изабелла и направилась к двери, по дороге оборачиваясь и помахивая рукой кому-то сидевшему в машине.

Он услышал приглушенный звонок и подумал о заспанной мадемуазель Клеман, которая, проснувшись, зажгла свет и прильнула лицом к глазку. На лестнице раздались шаги, где-то совсем близко от него, в дверях повернули ключ и почти тотчас же скрипнул матрац и раздался стук упавших на пол туфель. Мегрэ мог бы поклясться, что девушка, разувшись, облегченно вздохнула и теперь поглаживала свои натруженные ноги.

Она разделась, потом стала умываться под краном.

Шум воды еще усилил его жажду. Он тоже подошел к крану и наполнил водой стаканчик для полоскания зубов. Вода оказалась тепловатой.

Тогда он нехотя разделся, не закрывая окна, почистил зубы и лег.

Он думал, что заснет сразу. Его охватила дрема, дыхание стало ровным. В полусне смешивались картины пережитого дня.

Но не прошло и пяти или десяти минут, как он совсем проснулся. Лежа с открытыми глазами, больше, чем когда-либо, стал мечтать о кружке пива. На этот раз он почувствовал изжогу: наверняка из-за бараньего рагу. Будь он у себя, на бульваре Ришар-Ленуар, он тут же поднялся бы и выпил немного соды. Но соду он с собой не захватил, а будить из-за этого мадемуазель Клеман не решался.

Мегрэ снова закрыл глаза, поудобнее улегся и тут же вдруг почувствовал, что голову и затылок ему обдает холодным воздухом.

Пришлось подняться, чтобы закрыть окно. Человек из дома напротив еще не спал. За шторой было видно, как он ходит взад и вперед по комнате, и Мегрэ удивился, почему он так мечется. Может быть, это актер, репетирующий свою роль? Или он просто спорит с кем-то, сидящим в той части комнаты, которую не видно?

Он заметил еще одно освещенное окно, совсем наверху, в мансарде того же дома.

Мегрэ спал, по всей вероятности спал, но беспокойным сном, ни на минуту не забывая ни о том, где он находится, ни о своих задачах, которые теперь, напротив, казались ему преувеличенно сложными.

Во сне ему чудилось, что он занимается делом почти государственной важности, даже более того, вопросом жизни и смерти. Малейшие детали разбухали до невиданных размеров, как в сознании пьяного. Он чувствовал себя в ответе не только перед Жанвье, но и перед его женой, которая ждала ребенка и выглядела такой замученной. Ведь она смотрела на него так, словно хотела сказать, что вручает ему свою судьбу и судьбу малыша, который должен появиться на свет? Да и мадам Мегрэ не было рядом. Из-за этого он, бог знает почему, особенно чувствовал себя виноватым.

Мучила жажда. Время от времени изжога становилась сильнее, и он сознавал, что стонет. Вероятно, он старался делать это потише, чтобы не разбудить соседей, особенно младенца Лотаров, который к тому времени уже уснул.

И в то же время Мегрэ сознавал, что ему не следовало бы спать. Он находится здесь, чтобы наблюдать за домом. Его долг прислушиваться к звукам, следить за теми, кто приходит и уходит.

По улице проехало такси, словно оскорбляя тишину своим шумом. Остановилось. Хлопнула дверца. Но это было в верхней части улицы, домов за десять от него.

Мадемуазель Изабелла ворочалась в своей постели, видимо, изнемогая от духоты. Сафты, жильцы из соседнего номера, тихо спали на своей узкой кровати. Мегрэ видел эту кровать и недоумевал, как им удается уместиться на ней вдвоем.

Потом он вдруг обнаружил, что сидит и прислушивается. Ему послышался какой-то странный шум, вероятнее всего, звон разбитого фарфора или фаянса.

Он подождал, сидя неподвижно, затаив дыхание, и снова услышал шум, доносившийся с первого этажа. На этот раз хлопнула дверца шкафа.

Он зажег спичку и посмотрел на часы. Было половина третьего.

Мегрэ босиком осторожно направился к двери, приоткрыл ее и, убедившись, что в доме кто-то ходит, надел брюки и выскользнул на площадку.

Не успел он спуститься до второго этажа, как под его ногами закрипела ступенька. Видимо, она скрипела всегда. В каждом доме существует, по крайней мере, одна ступенька, которая всегда скрипит. Он мог поклясться, что за мгновение до этого видел в коридоре слабый свет, просачивавшийся из-под дверей комнаты.

Тогда он стал спускаться быстрее и, очутившись на первом этаже, нашел ощупью ручку кухонной двери.

На пол упала чашка и разбилась.

Он повернул выключатель.

Перед ним стояла мадемуазель Клеман в ночной рубашке. Сначала на ее испуганном лице нельзя было прочесть ничего определенного, и вдруг, когда он меньше всего этого ожидал, она разразилась своим горловым смехом, от которого прыгал ее огромный бюст.

— Вы меня напугали! — воскликнула она. — Боже мой, как я испугалась.

На плите горел газ, в кухне пахло свежесваренным кофе. На столе, покрытом клеенкой, лежал огромный сэндвич с ветчиной.

— Я так испугалась, услышав шаги, что тут же погасила свет. А когда поняла, что кто-то направляется сюда, от страха уронила чашку...

Хоть она и была очень грузная, но под рубашкой угадывалось еще молодое и привлекательное тело.

— Вы тоже проголодались?

Он спросил, не зная куда девать глаза:

— А вы встали, чтобы поесть?

Она снова засмеялась, но быстро смолкла и чуть покраснела.

— Это бывает со мной почти каждую ночь. Я прекрасно понимаю, что мне не следовало бы так много есть, но это сильнее меня. Я как тот французский король, которому на ночной столик всегда ставили цыпленка.

Она достала из шкафа другую чашку.

— Хотите кофе?

Он не осмелился спросить, нет ли у нее случайно пива, а она, не дождавшись ответа, сама налила ему кофе.

— Лучше мне, пожалуй, пойти надеть халат... А то, если нас тут застанут...

Получалось действительно забавно. Мегрэ сидел без пиджака, с растрепанными волосами, на спине болтались подтяжки.

— Выпьете еще чашечку?

Она ушла к себе в комнату, но почти сразу же вернулась,

и он заметил, что помада на ее губах немного стерлась и форма рта от этого совсем изменилась.

— Съедите чего-нибудь?

Есть ему не хотелось. Только мучила жажда,

— Садитесь...

Она погасила газ. От налитого в чашечки кофе шел пар. Сандвич на тарелке был золотистый, хрустящий.

— Это я разбудила вас, мсье Мегрэ?

— Нет, я не спал.

— Я-то в общем не трусиха. Часто даже забываю закрыть дверь на ключ. Но после того, что случилось вчера вечером, я уже не чувствую себя так уверенно...

Она принялась за сандвич. Он выпил глоток кофе. Потом машинально стал набивать трубку. Оказалось, что спички остались в кармане пиджака, и пришлось встать, чтобы взять коробок, лежавший над газовой плитой на полке для приностей.

Сначала она ела с большим аппетитом, как будто и в самом деле была голодна. Потом мало-помалу стала жевать медленнее, иногда с любопытством поглядывая на Мегрэ.

— Все уже дома? — спросил он.

— Все, кроме мсье Фашена, студента. Пошел заниматься к товарищу. Они складчину покупают учебники. На лекции ходят по очереди, а потом собираются и готовятся вместе. Это позволяет экономить время, чтобы зарабатывать на жизнь. У меня жил один студент, он служил ночным сторожем в банке, так ему удавалось спать не больше трех-четырёх часов в сутки.

— А вы много спите?

— Как когда. Я скорее люблю поесть, чем поспать. А вы?

Последний кусок она доедала уже с трудом.

— Теперь я чувствую себя лучше. Могу уже окончательно улечься спать. Вам больше ничего не нужно?

— Нет, спасибо.

— Доброй ночи, мсье Мегрэ.

Она поднялась по лестнице. На втором этаже было слышно, как в полусне хнычет ребенок; доносился ритмичный, скандирующий звук, по-видимому, мать покачивала колыбель, не вставая с постели.

* * *

На этот раз, несмотря на кофе, он сразу же уснул крепким сном, но, как ему показалось, ненадолго. Его разбудил свет. Было половина шестого, когда он встал и снова облокотился на подоконник.

При утреннем свете улица показалась еще более пустынной, чем ночью. Было еще свежо, и ему пришлось надеть пиджак.

Небо между крышами было светло-голубым, без единого облачка, и многие дома казались позолоченными. Какой-то полицейский, направляясь на свой пост, шел вниз по улице большими ровными шагами.

На втором этаже дома напротив уже подняли штору, и взгляд Мегрэ погрузился в неубранную спальню, где у окна стоял открытый чемодан. Это был старомодный, простой, сильно поношенный чемодан, из тех, что можно увидеть у коммивояже-

ров, которые много путешествуют, развозя повсюду образцы товаров.

Какой-то пожилой человек ходил взад и вперед по комнате, и, когда он наклонялся, Мегрэ видел его большую лысину. Рассмотреть лицо было трудно.

Комиссар решил, что этому мужчине, должно быть, лет пятьдесят пять, а то и больше. Скорее больше. На нем был темный костюм, и он заканчивал укладывать белые рубашки в верхнее отделение чемодана, потом опустил крышку и сел на нее, чтобы она закрылась.

Видна была часть кровати, подушка, на которой сохранилась вмятина в форме человеческой головы.

Комиссар подумал, что там, в постели, может лежать еще кто-нибудь и, присмотревшись, увидел женскую руку.

Мужчина, видимо, донес чемодан до лестничной площадки, потом вернулся и склонился к постели, чтобы на прощание поцеловать жену. Потом еще раз вернулся и, на этот раз взяв из ящика ночного столика коробочку, вынул из нее две пилюли, налил в стакан воды и подал той, кого не было видно.

Наверное, он вызвал машину по телефону, так как вверх по улице проехало такси и остановилось перед домом. Прежде чем выйти из комнаты, человек задернул занавески, и больше Мегрэ уже не удалось ничего увидеть до тех пор, пока не открылась дверь парадной.

Чемодан был тяжелый, и шофер встал, чтобы помочь клиенту погрузить его в машину.

Теперь можно было уже различить голоса.

— Вокзал Монпарнас. Побыстрее!

Дверца такси захлопнулась.

На противоположной стороне улицы, на четвертом этаже, открылось окно, в нем появилась какая-то женщина с бигуди в волосах. Придерживая на груди сиреневый халат, она посмотрела вниз на улицу.

Женщина заметила комиссара. При виде незнакомого человека она, по-видимому, удивилась и, прежде чем исчезнуть в своей комнате, с минуту смотрела на него.

В комнате Лотаров зашевелились. В дом вошел высокий рыжеволосый молодой человек, и, прислушиваясь к его шагам, Мегрэ понял, что это Оскар Фашен, студент. Войдя в комнату, он тут же свалился в постель.

Приход студента разбудил мадемуазель Клеман. Заснет ли она снова?

В половине седьмого встали Сафты, и из их комнаты по всему этажу распространился слабый запах кофе.

Мадемуазель Изабелла встала с постели только в четверть восьмого и сразу же открыла кран умывальника.

Мсье Криделька все еще спал. Спал и мсье Валентен. Что же касается мадемуазель Бланш, то в ее комнате было тихо, и она, должно быть, еще долго не просыпалась после ухода других жильцов.

Мегрэ выкурил три или четыре трубки, прежде чем решил одеться. Из дома вышел мсье Лотар. Вслед за ним мсье Сафт, которого Мегрэ заметил на тротуаре с поношенным портфелем под мышкой.

Комиссару не хотелось кофе. Он мечтал о рюмке белого вина, и жажда еще усилилась при виде того, как овернец, хозяин бистро, отвсрля ставни и выносил на веранду стулья и круглые столики.

Мегрэ спустился на первый этаж, по дороге заглянул через оба глазка в спальню и в кухню-столовую, но мадемуазель Клеман не обнаружил. Правда, глазок на двери спальни был закрыт темной занавеской. Видимо, хозяйка тоже занималась утренним туалетом.

Входная дверь оказалась открытой, и, выходя на улицу, он столкнулся с какой-то худой женщиной, коротконогой, одетой во все черное. Она решительным шагом направлялась в гостиную, как к себе домой. Женщина обернулась и оглядела комиссара. Он тоже обернулся, их взгляды встретились, но она не отвела глаз, и Мегрэ даже показалось, что женщина пожалела плечами и что-то проворчала сквозь зубы. Он без особого удивления заметил у нее на ногах мужские ботинки.

— Немного белого вина, — сказал он овернцу, на котором была рубашка такого же светло-голубого линялого цвета, как небо.

— Ну как, сегодня ночью никого не убили?

Он увидел, как прошла мадемуазель Изабелла, очень свеженькая, в костюме цвета морской волны. Он не спускал глаз с дома, и те, кто привык работать с ним вместе, например Люка или несчастный Жанвье, сразу бы поняли, что ему запала в голову какая-то мысль.

— Вы знаете, где мадемуазель Клеман покупает продукты? — спросил он у хозяина.

— На улице Муфтар, как и все, кто живет здесь. Есть, правда, лавки и на улице Гей-Люссака, но там дороже. Есть мясная на улице Сен-Жак, но неважная.

Мегрэ выпил три рюмки белого вина с зеленоватым отливом, потом, засунув руки в карманы пиджака, медленно спустился по улице, словно жил здесь уже много лет. Какой-то старичок, гулявший с собачкой, поздоровался с ним. Мегрэ, улыбнувшись, ответил на приветствие, и через несколько минут уже пробирался по узкой улице Муфтар, запруженной тележками, распространявшими сильный запах овощей и фруктов.

На капусте и салате еще трепетали капельки росы — если только не сами торговцы опрыскали овощи водой, чтобы придать им свежий вид.

Он тут же увидел колбасную, которую искал. За прилавком из белого мрамора стояла румяная женщина, затянутая в корсет.

Мегрэ хотел остаться с ней наедине и переждал, пока из лавки ушли двое покупателей.

— Что вам угодно?

— Кое-какие сведения. Скажите, мадемуазель Клеман с улицы Ломон покупает у вас, не так ли?

— Да, уже десять лет.

— Она хорошая клиентка?

— Ну, конечно, не то что другие хозяйки меблированных комнат, которые кормят своих жильцов. Ходит она сюда постоянно.

- У нее хороший аппетит? — шутливо спросил он.
- Да, поесть она, видно, любит. Вы что, живете у нее?
- Со вчерашнего дня...

Она сначала не вдумалась в смысл его ответа. Но вдруг ее что-то поразило.

- Только со вчерашнего дня?
- Со вчерашнего вечера...
- А я подумала, что вы живете там уже несколько дней.

Он открыл рот, чтобы спросить, но тут вошла какая-то старуха, и он предпочел прекратить разговор. Когда он вышел на улицу Муфтар, ему вдруг стало весело, и он чуть было не зашел в какой-то бар, чтобы позвонить оттуда по телефону. Но что-то вроде верности своему овернцу заставило его вернуться на улицу Ломон. Может быть, здесь сыграло роль и воспоминание о белом вине, приятно пахнущем деревенской харчевней.

- Есть у вас телефон?
- В глубине, за дверью.

Деять часов утра. На набережной Орфевр сейчас время рапортов. Начальники бригад с папками под мышкой проходят в большой кабинет шефа с настезь открытыми окнами, откуда открывается вид на Сену.

- Алло!.. Дайте мне, пожалуйста, Люка.

Телефонист узнал его по голосу.

- Сейчас, мсье комиссар.

Потом послышался голос Люка:

- Это вы, начальник?

- Ничего нового?

— Воклен сейчас составляет рапорт о выполнении задания, которое вы ему дали. Вряд ли ему удалось обнаружить что-нибудь существенное.

- Ты не знаешь, как Жанвье?

— Только что звонил в больницу Кошен. У него была тревожная ночь, но врач уверяет, что этого следовало ожидать. Температура нормальная. Вы по-прежнему живете у мадемуазель Клеман? Хорошо спали?

В голосе Люка не чувствовалось никакой насмешки, но комиссара тем не менее этот вопрос покоробил.

— Ты свободен? Можешь сейчас взять машину и приехать на улицу Ломон? Остановись немного пониже этого дома и подожди. Не торопись. Раньше, чем через полчаса, тебе здесь делать нечего.

Люка не осмелился спросить и повесил трубку, Мегрэ вдохнул запах кухни и поморщился, поняв, что здесь снова готовят барашка.

В доме мадемуазель Клеман женщина в мужских ботинках загородила ему дорогу. Опустив голову и оттопырив зад, она мыла коридор, выложенный плитками.

В гостиной никого не было. Мадемуазель Клеман, свежая, веселая, в светлом платье, хозяйничала на кухне.

— Вы ходили завтракать? — спросила она. — Если бы вы мне сказали, я бы вам сама приготовила.

- Вам случается кормить ваших жильцов?

- Нет, вообще-то я им не готовлю. Иногда варю утренний

кофе. А иногда они спускаются сюда со своими кофейничками и готовят сами.

— Вам хорошо спалось после ночной закуски?

— Неплохо. А вам?

Она по-прежнему была в хорошем настроении, но в ее голове слышалось что-то напористое, быть может, слегка напряженное. Мегрэ был уверен, что вел себя точно так же, как и накануне. Но мадемуазель Клеман, видимо, обладала острой интуицией.

— Это ваша уборщица моет пол в коридоре?

— А кто же вы думали? Вряд ли кому-нибудь захотелось бы вымыть пол для развлечения или вместо гимнастических упражнений.

— Вчера я ее не видел.

— Потому что она приходит только четыре раза в неделю. У нее пятеро детей, и ей хватает работы дома. Вы с ней говорили?

— Нет. Она убирает все комнаты?

— Только в пятницу и субботу, в дни генеральной уборки.

— Вашу комнату она тоже убирает?

— Я еще могу сама позаботиться о своей комнате, не правда ли?

Она, конечно, была по-прежнему весела, но веселость ее выглядела наигранной, и между ними появилась какая-то натянутость.

— Мне хотелось бы осмотреть вашу комнату, мадемуазель Клеман.

— Ваши инспектора осматривали ее в первый же день.

— В тот день, когда они не обнаружили в доме Паулюса?

— Да.

— Вам не трудно будет показать мне ее снова?

Она пожала плечами, встала и высыпала из передника картофельные очистки.

— Комната еще не убрана. Впрочем, после того, как вы сегодня ночью видели меня в рубашке...

Раздался ее горловой смех.

— Пойдемте!..

Она толкнула дверь и вошла первая. Спальня была темная, окно выходило в узкий двор соседнего дома. В то время, как солнце озаряло фасад и придавало жизнь всему, чего касались его лучи, здесь создавалось впечатление неподвижности и пустоты.

Однако спальня была кокетливая. Кровать не застелена. На туалетном столике красивый несессер; в зубьях гребенки еще оставались светлые волосы. За занавеской из кретона в цветочках стоял умывальник; в спальне сильно пахло душистым мылом.

— Ну что, посмотрели?

Мегрэ обратил внимание на то, что в комнате нет стенового шкафа. Несмотря на нескромность, он приподнял занавеску, тогда как мадемуазель Клеман вздыхала за его спиной:

— Теперь вы видите, как выглядит комната старой девы...

На ночном столике стояла чашка с кофейной гущей, а на блюде виднелись крошки кренделька.

— Вы сами приносите себе в постель первый завтрак?

Теперь в глазах Мегрэ появилось веселое выражение, и он смотрел ей в лицо, лицо большого младенца, на котором сейчас уже можно было прочесть растерянность.

— Вы так милы, мадемуазель Клеман. Мне очень неприятно было бы доставить вам огорчение, но я вынужден буду заглянуть под вашу кровать.

Он не успел наклониться. Из-под кровати показалось смертельно бледное лицо, на котором блестели обезумевшие от страха глаза.

— Поднимайтесь, Паулюс! Не бойтесь! Я ничего плохого вам не сделаю.

Молодой человек дрожал, как в лихорадке. Он открыл рот и пробормотал сдавленным голосом:

— Она об этом не знала.

— Чего она не знала?

— Что я прятался под ее кроватью.

Мегрэ засмеялся.

— И вы брились в ее отсутствие? — спросил комиссар, заметив, что лицо юноши было чисто выбрито.

— Клянусь вам...

— Послушайте, мсье Мегрэ, — начала мадемуазель Клеман.

И тут она тоже рассмеялась. Вернее, заставила себя засмеяться. Быть может, в глубине души она не воспринимала все это происшествие как слишком трагическое.

— Я вас обманула, это правда. Но все произошло совсем не так, как вы думаете. Это не он стрелял в вашего инспектора.

— В ту минуту вы были с ним?

— Да.

— В постели?

— Я так и думала, что вы сейчас это скажете. Люди почему-то во всем обязательно хотят видеть плохое. Если ему и довелось лежать на моей кровати, то, клянусь вам, только в мое отсутствие.

— Это правда... — вмешался Паулюс.

— Это не я привела его сюда. Я очень испугалась однажды вечером, когда услышала шорох у себя под кроватью.

На этот раз Мегрэ обратился к Паулюсу на «ты», что в какой-то мере означало, что он берет его под защиту.

— Когда в дом пришли инспектора, ты был наверху?

— Да. Я этого ожидал. Не знал, куда кинуться. Я увидел их из окна. Ведь выход из дома только один, и мне пришлось удрать на чердак.

— А они не обыскали чердак?

— Как же, обыскали, но у меня хватило времени пробраться на крышу. Я спрятался за трубой и просидел там полдня.

— У тебя кружится голова от высоты?

— Да. Когда я решил, что опасность миновала, я пролез в дом через слуховое окно и потихоньку спустился вниз.

— Тебе не пришло в голову, что ты можешь уйти отсюда?

— Конечно, пришло. Но я боялся, что на улице дежурят полицейские.

Он был недурен собой, правда, слишком худощавый и нерв-

ный. Говорил сбивчиво. Иногда выговаривал слова так отрывисто, словно у него дрожали челюсти.

Однако он испугался не так сильно, как этого можно было ожидать, и словно даже начал защищаться. Быть может, он в конечном счете почувствовал сейчас облегчение.

— И ты спрятался в спальне мадемуазель Клеман?

— Я не предполагал, что застряну здесь так надолго.

Было очень забавно наблюдать их рядом. Он — сухопарый, как юный фавн. Она — толстая и благодушная, как тетушка из провинции.

Особенно любопытно было бы присутствовать при сцене, которая разыгралась в спальне в ту ночь. Действительно ли так испугалась мадемуазель Клеман, как она утверждает сейчас?

Он, наверное, плакал, а она его, конечно, утешала. И принесла поесть и попить. Почти наверняка налила ему рюмочку ликера.

И с тех пор уже пять дней они жили в одной комнате с единственной постелью, на которой спали поочередно. В это Мегрэ как раз верил.

С утра до вечера перед глазами юного Паулюса не было ничего, кроме пружин матраца; при малейшем шуме он вздрагивал. Он слышал, как ходили взад и вперед инспектора, Мегрэ, слышал вопросы и ответы.

За домом велось постоянное наблюдение, и поэтому мадемуазель Клеман приходилось вставать ночью, чтобы принести ему поесть.

Мегрэ улыбнулся, вспомнив огромный сандвич, который он заставил ее уплести в половине третьего ночи, когда ей совсем не хотелось есть.

Неподалеку от дома остановилась машина префектуры, в которой Люка согласно указаниям комиссара терпеливо ждал, сидя рядом с шофером.

— Что вы собираетесь делать? — спросила комиссара мадемуазель Клеман, которая тоже услышала, как подъехала машина. — Вы меня арестуете?

Она окинула сокрушенным взглядом стены комнаты, мебель, свой дом, который, как ей казалось, придется покинуть.

— Не сейчас, — ответил комиссар. — Это будет зависеть от обстоятельств. А ты пойдешь со мной, парень. Можешь взять с собой зубную щетку и гребенку

— А мои родители об этом узнают, да?

— Они, видимо, уже узнали вчера из газет.

— Что сказал мой отец?

— Я его еще не видел. Он, возможно, сегодня вечером выедет в Париж.

— Я предпочел бы с ним не встречаться.

— Понятно. Пошли!

Юноша колебался, глядя на мадемуазель Клеман.

— Она совсем не виновата, верьте мне. Она...

Он искал подходящее слово и не мог найти.

— Прекрасная женщина, я знаю. Ты все это расскажешь мне на набережной Орфевр.

Они прошли через кухню, потом через гостиную, где Мегрэ

вчера провел вечер наедине с толстухой. Выйдя на порог, он поманил Люка.

А тот, увидев молодого человека, даже свистнул от восхищения. Видимо, он решил, что дело закончено.

А оно только начиналось.

Глава четвертая, где рассказывается о допросе, во время которого Мегрэ ни разу не рассердился.

Уже сидя в маленькой машине уголовной полиции, Мегрэ не переставал краем глаза наблюдать за Паулюсом, а инспектору Люка, который следил за комиссаром, показалось, что у его начальника какое-то необычное выражение лица.

Наручники парню не надели. Он жадно глядел в окно и уже больше не боялся, не дрожал, как тогда, когда вылезал из-под кровати мадемуазель Клеман. Он даже произнес одну фразу, какой Люка никогда не слышал от людей, которых только что арестовали. Они завернули на бульвар Сен-Мишель и проехали мимо поливочной машины.

Немного дальше, между магазином перчаток и кино, показался освещенный солнцем красный навес табачного киоска.

И вдруг Паулюс, с видом школьника, который поднимает руку, чтобы попроситься в уборную, сказал:

— Нельзя ли остановиться на минутку? Я хотел бы купить сигареты.

Он вовсе не собирался сбежать посредством такой уловки. Это было бы слишком наивно. Нисколько не рассердившись, не сводя с него своих крупных задумчивых глаз, Мегрэ ответил:

— У меня в кабинете есть сигареты.

Комиссар с видимым удовольствием уселся за свой письменный стол.

— Садись!

Он не спеша просмотрел лежавшую на столе почту и отдал распоряжения инспекторам по поводу текущих дел. Потом открыл окно, набил трубку и протянул Паулюсу пачку сигарет.

— А теперь рассказывай.

— Вы знаете, это не я стрелял в инспектора. Клянусь вам. Впрочем, у меня и револьвера не было. Тогда, в «Аисте», у меня был игрушечный.

— Знаю.

— Ведь вы мне верите? Я не выходил из комнаты мадемуазель Клеман. Зачем бы я стал стрелять в инспектора?

— Тебе не хотелось уйти из этого дома?

— Конечно, нет.

Он произнес это так быстро, с таким убеждением, что это было почти забавно.

— Куда бы я пошел? Раз полиция явилась на улицу Ломон, значит, они знали, кто я такой. Значит, меня разыскивали. Следовательно, если бы я вышел из дома, меня бы тут же арестовали.

— Эта мысль пришла в голову тебе или мадемуазель Клеман?
— Мне. Я умолял ее, чтобы она меня не выгоняла, обещал быть послушным, не подсматривать, когда она раздевается.

— А ты не подсматривал?

— Только немножко.

— И долго ты собирался пробыть у нее в комнате?

— До тех пор, пока полиция обо мне забудет.

— Куда бы ты пошел?

— Наверное, к...

Он прикусил губу и покраснел.

— Продолжай!

— Не хочу.

— Почему?

— Потому, что не имею права выдавать секреты.

— Ты не хочешь называть имени своего сообщника? Это к нему ты собирался идти?

— Да. Но я не доносчик.

— Ты предпочитаешь расплачиваться за все один, даже если ты виноват гораздо меньше его?

— Я виноват не меньше.

В кабинете у Мегрэ перебывали десятки парней его возраста, которые для того, чтобы добыть денег, почти всегда по глупости становились нарушителями закона. Но такого, как Паулюс, он видел впервые. Некоторые, как только их арестовывали, сразу же валились на пол, начинали умолять, плакать, говорили о своих родителях, порой чистосердечно, а порой искоса поглядывая на Мегрэ, чтобы судить о том, какое это произведет впечатление. В большинстве случаев они были нервные, держались напряженно, нахально. Многие изливали свою ненависть ко всему и обвиняли общество.

Паулюс же сразу послушно сел и спокойно закурил сигарету, не волновался и лишь вздрагивал, когда раздавался стук в дверь, всякий раз думая, что это его отец, которого он, казалось, боялся больше, чем тюрьмы.

— Кому из вас пришла в голову мысль ограбить кабачок на улице Кампань-Премьер?

— Мы надумали это вместе.

— Но ведь раньше в «Аист» ходил ты один.

— Да. Я зашел туда в первый раз случайно, несколько недель назад.

— Ты бывал в ночных кабачках?

— Когда водились деньги.

— Это ты придумал идти туда с игрушечным револьвером?

— Жеф...

Он запнулся, снова покраснел, а потом улыбнулся.

— Я знаю, что вы в конце концов заставите меня сказать то, чего я не хочу говорить.

— А раз так, так лучше сразу выкладывай все!

— У нас существует экстрадиция¹ с Бельгией?

— Это зависит от преступления.

— Но ведь мы не совершили преступления.

¹ Экстрадиция — выдача преступника иностранному государству.

- На языке закона это называется преступлением.
- Но ведь я не стрелял, не смог бы стрелять, даже если бы захотел.
- Рассказывай, Паулюс. Если бы на твоём месте сидел твой товарищ, я убежден, что он сразу же выдал бы тебя.
- Наверняка!..
- Как его зовут?
- Он бельгиец. Зовут его Жеф ван Дамме. Ну что ж, говорить так говорить. Он был официантом в кафе.
- Сколько ему лет?
- Двадцать пять. Он женат. Женился три года назад, почти сразу, как приехал в Париж после военной службы. В то время он работал в пивной на Страсбургском бульваре и женился на статистке из театра. У них есть ребенок, мальчик.
- Парень осмелел. Когда его сигарета догорела, он попросил другую.
- Где ты с ним познакомился?
- В баре возле Центрального рынка.
- Давно?
- Около года.
- Он тогда еще работал официантом?
- Постоянного места у него уже не было. Прирабатывал время от времени и еле перебивался.
- У тебя есть его адрес?
- А вы ничего не можете сделать его жене? Говорю вам точно, она здесь совсем ни при чем. Сейчас я вам все объясню, и можете мне поверить. Ее зовут Жюльетта. Здоровье у нее слабое, она всегда жалуется. Жеф говорил, что сам не знает, почему он на ней женился, и не уверен, что ребенок от него.
- Какой их адрес?
- Улица Сен-Луи, двадцать семь, в глубине двора, четвертый этаж.
- Мегрэ записал адрес на клочке бумаги и прошел в соседний кабинет, чтобы проинструктировать Люка.
- Ну как, начальник?
- Мегрэ пожал плечами. Дело оказалось почти чересчур простым.
- Итак, вернемся к Жефу и Жюльетте. Что ты говорил?
- Вы послали к ней инспектора?
- Мегрэ утвердительно кивнул головой.
- Вот увидите, что я не соврал. Его там нет, а жена ничего не знает. Но только, если вы ей передадите то, что я вам сейчас скажу, вы доставите ей огорчение, а она хорошая девушка.
- Ты с ней спал?
- Это вышло случайно.
- Жеф это знал?
- Может быть, и знал. Его трудно понять. Он гораздо старше меня, понимаете? Много путешествовал. В семнадцать лет он уже работал официантом на корабле и совершил кругосветное путешествие.
- Он хотел бросить Жюльетту?
- Да. Ему вообще надоел Париж. Он мечтал уехать в Америку. Для этого ему нужны были деньги. Мне они тоже были нужны.
- Для чего?

— Я не мог больше подышать с голода.

Он произнес эти слова с обезоруживающей простотой. Он был худой, изголодавшийся, у него были неправильные черты лица, но во взгляде было что-то располагающее.

— Вы не раз с ним вдвоем воровали?

— Еще один раз.

— Давно?

— Когда я жил у них.

— А ты жил у ван Даммов?

— В течение двух месяцев. Сначала, когда приехал в Париж и работал на бульваре Сен-Дени, я снял комнату в отеле на улице Рамбюто. Потом потерял работу.

— Потому, что ты таскал деньги из кассы?

— Вам это сказали?

— Что ты делал потом?

— Искал работу. Везде у меня спрашивали, отбыл ли я воинскую повинность. Никто не хотел брать меня всего на несколько месяцев. По ночам я грузил овощи на Центральном рынке. Разгуливал с афишей на спине. Родители посылали мне немного денег, но этого не хватало, а я не осмеливался им признаться, что остался без работы, а то они заставили бы меня ехать обратно в Лимож.

— А почему ты не вернулся в Лимож?

— Да какая там жизнь!

— А здесь ты вел настоящую жизнь?

— Здесь я мог на что-то надеяться. Я задолжал за два месяца в отеле, и меня должны были оттуда выгнать, когда я познакомился с Жефом. Он разрешил мне спать у них в комнате на диване.

— Рассказывай о первой краже! Кто ее задумал?

— Задумал он. Я даже не знал, что такое возможно. Как-то мы с ним сидели в кафе. Какой-то пожилой мужчина стал внимательно смотреть на меня. Я не мог понять почему. Он был похож на промышленника или богатого коммерсанта из провинции. Жеф сказал мне, что, если я останусь здесь один, этот человек наверняка мне что-то предложит, а я должен только выслушать все, что он мне скажет. Понимаете?

— Прекрасно понимаю.

— А потом пригрозить, что позову на помощь. Тогда он предложит мне денег, чтобы я молчал.

— Так и получилось?

— Да.

— Ты больше этим не занимался?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, потому, что в этот раз очень испугался. А потом мне это показалось грязным.

— Других причин не было?

— Через несколько дней я встретил этого человека в обществе солидной дамы. Это, наверное, была его жена, и он посмотрел на меня умоляюще.

— Вы разделили деньги с Жефом?

— Ну, ясно. Ведь это он все придумал.

- А Жюльетта?
- Не знаю. Он, по-моему, хотел, чтобы она пошла на панель.
- На какие средства жил ван Дамм?
- Он со мной не откровенничал. Жеф посещал сомнительные бары в районе Порт-Сен-Дени. Часто бывал на скачках. Иногда у него в кармане водились денежки, иногда нет.
- Он не доверял тебе?
- Он называл меня непорочным отроком.
- Почему ты от них ушел?
- Не мог же я жить у них вечно, особенно после того, что у меня произошло с Жюльеттой. Я искал работу по всем объявлениям. Стал продавать энциклопедии. Сначала дела пошли неплохо, и я снял комнату у мадемуазель Клеман.
- Кто дал тебе ее адрес?
- Это вышло случайно. Я ходил из дома в дом со своими книгами и наткнулся на объявление. Зашел к ней, и она сразу же отнеслась ко мне участливо.
- Она купила у тебя энциклопедию?
- Нет. Она показала мне свободную комнату, и в тот же вечер я туда переехал.
- Между вами никогда ничего не было?
- Никогда, честное слово.
- Ты не пытался?
- Паулюс посмотрел на него с искренним удивлением.
- Да ей же больше сорока лет!
- Вероятно. И ты рассказал ей все, что сейчас говорил мне?
- Не все.
- А о ван Дамме и Жюльетте?
- Рассказывал. Только не об истории с провинциалом. Ван Дамм иногда заходил ко мне, и ему даже случалось у меня ночевать в те дни, когда он бывал в ссоре с женой. Мы оба раздумывали, как бы разом заполучить порядочную сумму денег.
- Для чего?
- Я вам уже объяснял. Жеф хотел уехать в Бельгию, а там уже хлопотать о визе в Америку.
- И бросить жену и сына?
- Да. Мне же казалось, что если я раздобуду немного денег, то смогу найти какое-нибудь интересное дело.
- А также сможешь тратить их на девочек?
- Конечно, и этого бы хотелось.
- Знаешь ли ты, что найти тебя нам помогла та, с которой ты однажды вечером познакомился в «Аисте»?
- Это меня не удивляет. Она оказалась несимпатичной. Торопилась побыстрее меня выставить и тут же снова побежала в бар в надежде найти клиента повыгоднее.
- Он говорил это без злобы, хотя с оттенком горечи. Потом продолжал, не ожидая вопросов Мегрэ:
- Мы с Жефом прочитали в одной газете про ограбление, на котором грабители заработали три миллиона. Двое каких-то молодых людей в масках напали на инкассатора. В газете объяснялось, почему не было возможности их задержать.
- Вы тоже подумали об инкассаторе?
- Да. Но быстро оставили эту мысль. Ведь они вооружены.

Но я вспомнил о баре «Аист»: там касса находится у самой двери, и после двух часов ночи в баре уже никогда никого не бывает.

— Кто достал машину?

— Жеф. Я не умею водить.

— Он ее угнал?

— Он взял ее на углу улицы, а потом мы бросили ее немного дальше.

— У Жефа был револьвер?

Паулюс не колебался.

— Да.

— Ты знаешь, какой марки?

— Я видел его у Жефа много раз. Маленький автоматический пистолет бельгийского производства, изготовленный на государственной фабрике в Эрстале.

— Другого у него не было?

— Наверняка не было.

— Вы не собирались использовать его при ограблении «Аиста»?

— Я против этого возражал.

— Почему?

— Если бы нас поймали, дело оказалось бы куда серьезнее. Зазвонил внутренний телефон, и Мегрэ снял трубку. Говорил Люка. Он только что вернулся с острова Сен-Луи. Глядя Паулюсу в глаза, Мегрэ спросил:

— Ты не станешь пытаться сбежать?

— А что бы мне это дало?

Комиссар оставил его одного в кабинете, а сам зашел к Люка.

— Ну что ван Дамм?

— Он исчез пять дней тому назад. Его жена не знает, куда он делся. Она уже давно чувствовала, что он ее бросит. Они не ладили. Хотя у них ребенок.

— Что она собой представляет?

— Смазливая девчонка. Таких можно встретить тысячи. Мне кажется, у нее туберкулез.

— Деньги у нее есть?

— Ни гроша.

— На что она живет?

Мегрэ понял многозначительный взгляд и вздох Люка.

— В квартире ничего не нашли?

Люка положил на письменный стол бельгийский автоматический револьвер. Паулюс не солгал. Очевидно, в Жанвье стреляли не из этого оружия. Если ван Дамм не захватил его с собой, то только потому, что он собирался пересечь границу, а там его могли обыскать.

— Она понятия не имеет, где он может быть?

— Думает, что он возвратился в Бельгию. Он не раз об этом говорил. Ему было не очень уютно в Париже, тут над его акцентом подсмеивались.

Люка протянул комиссару фотокарточку для паспорта: блондин с почти квадратным лицом, с выступающим подбородком, глядел прямо перед собой, как солдат по команде «смирно». Он больше походил на убийцу из района Вийет, чем на официанта из кафе.

- Сообщи эти данные бельгийской полиции. Они его найдут. Он наверняка бродит где-то возле американского консульства.
- Что сказал парень?
- Все.
- Это он?
- Он не стрелял в Жанвье.
- Сейчас приехал его отец. Ожидает в приемной.
- Какой у него вид?
- Похож на кассира или счетовода. Куда мне его девать?
- Пусть подождет.

Мегрэ вернулся к себе в кабинет, где Паулюс стоял, облокотившись о подоконник.

— Можно взять еще одну сигарету? Вы не могли бы дать мне стакан воды?

— Садись! Приехал твой отец.

— Вы приведете его сюда? — И в его до сих пор спокойных глазах появилась паническая тревога.

— Ты его боишься? Он строгий?

— Нет. Совсем не то.

— А что же?

— Он ничего не сможет понять. Это не его вина. Он, конечно, очень огорчен и... Умоляю вас, господин комиссар!.. Не зовите его сейчас сюда...

— Ты знаешь, что тебя ждет?

— На сколько лет меня засадят?

— Это неизвестно.

— Ведь я никого не убивал. Это был игрушечный револьвер. Я даже не истратил свою долю денег. Вы их, должно быть, нашли.

Он совершенно естественно сказал: «свою долю».

— И все-таки ты можешь получить пять лет. А потом тебя отправят воевать в Африку.

Это его не угнетало. Сейчас он больше всего боялся встречи с отцом.

Паулюс не пытался вызвать к себе жалость. Он не понимал, почему Мегрэ, у которого не было детей — а комиссар так мечтал иметь сына, — смотрит на него с таким волнением в глазах.

«Что из него выйдет? Как сложится его будущая жизнь, когда он вернется из Африки — если только вернется?»

— Ты просто кретин, Паулюс, — вздохнул Мегрэ. — Если бы я знал, что отец тебя хорошенько выпорет, я бы сейчас его позвал.

— Он ни разу меня не бил.

— А жаль!

— Он плачет. Это хуже.

— Я сейчас отправлю тебя в камеру предварительного заключения. Ты знаешь какого-нибудь адвоката?

— Нет.

— Твой отец, конечно, найдет. Пройди сюда...

— А мы его не встретим?

— Нет. Погаси сигарету.

И Мегрэ передал Паулюса инспектору Люка для выполнения формальностей.

Полчаса, которые комиссар провел с его отцом, оказались еще более неприятными. Тот плакал. А Мегрэ тоже не мог видеть, как плачет мужчина.

— Мы все для него сделали, комиссар...

Ну, конечно, конечно! Мегрэ никого не обвинял. Каждый делал то, что мог. К несчастью, люди немногое могут сделать. В противном случае зачем нужна была бы уголовная полиция?

Чтобы немного отвлечься, Мегрэ пошел вместе с Люка завтракать в пивную «Дофин», и они уселись на террасе за столиком, покрытым красной клетчатой скатертью. Впервые в этом году Мегрэ ел на открытом воздухе. Он был рассеян, озабочен. Люка, почувствовав это, говорил мало. Но все-таки решился спросить:

— Вы уверены, патрон, что эти двое непричастны к делу Жанвье?

— Конечно. Вот увидишь, ван Дамма найдут в Брюсселе. Он удрал туда, как только у него в кармане появились денюжки. Что касается Паулюса, то после ограбления «Аиста» он забился в дом на улице Ломон и ни за какие коврижки оттуда бы не вышел. У мадемуазель Клеман он чувствовал себя в безопасности. Если бы ему позволили, он прожил бы там несколько месяцев. Для того чтобы стрелять в Жанвье, у него могла быть только одна причина: освободить путь, чтобы сбежать. Но он же не сбежал. И я верю мадемуазель Клеман, которая утверждает, что в момент выстрела она находилась в своей комнате, а Паулюс был под кроватью.

— Вы собираетесь вернуться туда?

Мегрэ не сразу ответил. Он молча ел, следя глазами за тенями на тротуаре.

— Кто знал, что Жанвье будет дежурить этой ночью на улице Ломон?

Этот вопрос он задал самому себе, но ответил на него Люка.

— Я этого тоже не знал, — сказал он. — Жанвье сам договаривался с Вокленом и другими инспекторами.

— Трудно поверить, что кто-то случайно прошел по улице Ломон, узнал Жанвье и по какой-то причине в него выстрелил. Не мог же этот человек подойти так тихо, что Жанвье даже не услышал его шагов.

— Я начинаю понимать, куда вы клоните.

— Лично на Жанвье никто не затаил зла, вот что важно. Убрать нужно было инспектора, который в этот вечер дежурил на тротуаре на улице Ломон. Могли стрелять и в Воклена, в любого другого инспектора.

— Если только Жанвье не приняли за кого-то другого?

Мегрэ пожал плечами.

— Пойду проведу Жанвье. Быть может, врач теперь разрешит ему говорить.

Они пошли вместе.

За это время инспектор уже почти оброс бородой и выглядел бодрее. Правда, медсестра предупредила:

— Его нельзя тревожить. Доктор разрешает ему тихо сказать только несколько слов.

Мегрэ уселся верхом на стул, с потухшей трубкой в зубах, а Люка стоял, облокотившись о подоконник.

— Мы арестовали Паулюса. Ты молчи. Я в двух словах изложу тебе суть дела. Он прятался под кроватью у мадемуазель Клеман.

Так как лицо Жанвье выразило нечто вроде стыда, комиссар добавил:

— Не огорчайся. Я тоже не собирался искать его под кроватью этой женщины. Паулюс — настоящий теленок. Ни он, ни его сообщник-бельгиец, который сбежал, не стреляли в тебя. Да ты не шевелись и не разговаривай. Подожди, я буду задавать вопросы, а ты отвечай не спеша, подумав.

Жанвье сделал знак, что понял.

— Есть одна возможность, в которую, впрочем, я не очень-то верю. Если предположить, что по этому делу или по какому-нибудь другому у тебя имелись сведения, которые кого-нибудь компрометировали, то у этого человека могли быть намерения тебя убить.

Жанвье долго молчал.

— Мне ничего не приходит на ум, — наконец сказал он.

— Ты много раз дежурил возле дома. Не замечал ли чего-нибудь подозрительного?

— Ничего такого, чего бы я не указал в рапорте.

Пришла жена Жанвье. Увидев Мегрэ, она сконфузилась оттого, что держала в руках букетик фиалок.

— Не волнуйся, малыш! В конце концов мы найдем виновника.

Но, очутившись на улице наедине с инспектором Люка, Мегрэ уже не был столь оптимистичен. У него вдруг испортилось настроение, и весна его больше не радовала.

— Возвращайся на набережную! Если будет что-нибудь новое, позвони мне!

— К мадемуазель Клеман?

Комиссар сердито взглянул на Люка.

— Да, позвони мадемуазель Клеман!

И, набивая трубку, Мегрэ тяжелыми шагами направился к улице Ломон.

* * *

— А я все думаю: придете вы или нет?

— Ну вот я и пришел.

— Вы посадили его в тюрьму?

— А куда же еще?

— Вы сердитесь?

— На кого?

— На меня.

Она тоже ничего не понимала. Она больше, чем когда-либо, походила на куклу, робко улыбалась ему, но, по-видимому, не очень испугалась.

— Вы отдаете себе отчет в том, что вы сделали?

— Я не считаю его плохим парнем. В душе он хороший.

— Тем не менее я должен был бы привлечь вас к ответственности за укрывательство злоумышленника.

— Вы собираетесь привлечь меня?..

Подумать только, это ее тоже забавляло! Она с такой же

охотой соглашалась отправиться в тюрьму, как другие собираются проехаться в Ниццу.

— Пока еще не знаю.

— Почему вы не садитесь?

И в самом деле, почему он стоял в гостиной, а не сидел. Это было даже смешно. Но он злился на толстуху, сам точно не зная почему.

— Вы еще что-нибудь от меня скрываете?

— Уверяю вас, у меня под кроватью больше никого нет, если это вы имеете в виду. И в шкафах тоже. Можете обыскать весь дом.

— Вы смеетесь надо мной, мадемуазель Клеман?

— Что вы, мсье Мегрэ. Я никогда бы себе этого не позволила.

— Почему же вы улыбаетесь?

— Потому что нахожу, что жизнь забавная штука.

— А если бы моего инспектора убили, это тоже было бы забавно? Ведь у него жена, двое детей, и они ожидают третьего.

— Об этом я не думала.

— О чем же вы думали?

— О вас.

Он не нашелся, что ответить. Она по-своему была так же чиста, как и этот дурачок Паулюс.

— Вы подниметесь к себе?

— Да.

— Не хотите ли чашечку кофе?

— Нет, спасибо.

Но он не стал подниматься, а, вспомнив о мучившей его ночью жажде, направился в бистро напротив, где залпом выпил три кружки пива, словно взял реванш за вчерашнее.

— Вы его нашли? — спросил комиссара овернец.

— Кого? — глядя на него в упор, спросил Мегрэ.

И тот решил больше не расспрашивать.

Мегрэ задумчиво рассматривал улицу. Здесь, на этой улице, жила толстуха с детским выражением лица, для которой содержание меблированных комнат было своего рода игрой, старый актеришка, дававший уроки пения девочкам, студент, умиравший с голоду и борющийся со сном, чтобы в один прекрасный день повесить на своей двери вывеску врача или дантиста; жила ленивая потаскушка, целые дни читавшая романы в кровати, куда три раза в неделю допускала старого господина, юная машинистка, которую ночью привозили домой в такси; здесь жили и Лотары со своим младенцем; Сафты, ожидавшие прибавления семейства; мсье Криделька, похожий на предателя из кинофильма, но на самом деле, вероятно, самый добрый человек на свете. Жили еще...

В общем, славные люди, как говорила мадемуазель Клеман. Люди, какие живут повсюду, каждый день добывавшие деньги, чтобы не умереть с голоду и уплатить за квартиру.

Были еще соседи: мужчина, уехавший утром из дому с тяжелым, как у коммивояжера, чемоданом, женщина, вытряхивавшая в окно пыльную тряпку, и кто-то совсем наверху, под крышей, где до поздней ночи горел свет.

Что тут можно было обнаружить, даже если тщательно прочесть улицу? Большинство, конечно, оказались бы такими, каких

называют порядочными людьми. Богатых не нашлось бы. Несколькo бедняков. Вероятно, обнаружились бы и подонки.

Ну а убийца?

Овернец нахмурил густые брови, услышав, как Мегрэ, у которого в руках была еще кружка с пивом, рассеянно произнес: — Рюмку белого вина!

Может быть, он забыл о только что выпитых трех кружках пива?

А когда, немного погодя, комиссар пересекал улицу, хозяин бистро проводил его глазами и, покачав головой, пробормотал: — Странный тип!

Ведь в чьих-нибудь глазах мы всегда кажемся странными.

Глава пятая, в которой Мегрэ делает множество замечок, чтобы убедить себя в том, что он работает, и в которой мадемуазель Клеман не всегда оказывается милосердной.

Наверное, она делала это нарочно. Это был ее способ вести забавную маленькую войну. Хотя она и была удивительно легкой для своих габаритов, ей незачем было взбираться по лестнице на третий этаж, когда она могла просто позвать его снизу.

Может быть, она хотела подчеркнуть, что он очень крепко спит. Правда, с ним это бывало, особенно по утрам. Мадам Мегрэ тоже дразнила его по этому поводу. Другое дело, когда он засыпал днем. Так вот, постучав к нему в дверь, мадемуазель Клеман почти сразу же открывала ее.

— Простите. Я думала, вы работаете. Вас к телефону.

При этом глаза ее блестели весело и выражали дружеское расположение.

Это касалось только их двоих и другим было бы непонятно. Мегрэ на нее дулся. Это факт. Уже целых два дня. Он по крайней мере десять раз в день выходил из дома и снова возвращался. Каждый раз она нарочно попадалась ему на дороге, и на лице ее, казалось, было написано: «Ну как, будем друзьями?»

Он делал вид, что не замечает ее, или отвечал ворчанием на эти авансы.

Вот уже два дня, как шел дождь, и только время от времени луч солнца пронизывал облака.

— Алло! Да, это я...

— Вы помните некоего Мейера, шеф?

Он был уверен, что она подслушивает из гостиной или из кухни, и, может быть, поэтому ворчливо ответил:

— В телефонной книге Мейеров, наверное, наберется страниц на десять.

— Это кассир с бульвара Итальянцев; он сбежал. Только что получил о нем сведения. Голландская полиция обнаружила его в Амстердаме, в обществе молодой рыжеволосой женщины. Что будем делать?

Можно было подумать, что Мегрэ намеренно не заходит на набережную Орфевр. Дом на улице Ломон стал словно бы филиалом уголовной полиции, и случалось даже, что главный начальник звонил ему сюда по телефону.

— Это вы, Мегрэ? Тут следователь спрашивает меня по поводу дела Пьерко...

Повесив трубку, Мегрэ снова с наслаждением погружался в покой своего закулка.

Уборщица в мужских башмаках его боялась и быстро пряталась, слышав его шаги. Другие тоже смотрели на него немного смущенно и даже тревожно, как будто побаивались, что из-за какого-нибудь пустяка подозрение может пасть на них.

В общем, только мадемуазель Клеман не принимала его всерьез и улыбалась ему, уверенная в том, что когда-нибудь он сбросит с себя маску. По мелочам она окружала его вниманием. Утром по собственному почину ставила у его двери чашку кофе. Вечером на столе в маленькой гостиной всегда оказывалась бутылка пива, и Мегрэ под тем или иным предлогом обязательно туда заходил.

Если бы Мегрэ спросили, что он здесь делает, он, наверное, ответил бы, что и сам не знает.

Мегрэ сделал здесь множество заметок, чем, в общем, занимался редко. Расспрашивая кого-нибудь, он вытаскивал из кармана свою большую черную записную книжку, стянутую резинкой, и записывал то, что ему говорили. Потом у себя в комнате, когда ему до тошноты надоело смотреть в окно, садился у стола и переписывал свои заметки.

Как только в каком-нибудь доме напротив начинала шевелиться занавеска, Мегрэ вставал и подходил к окну, потом снова садился за свои заметки.

Эжен Лотар — 32 года, родился в Сент-Этьенне. Сын железнодорожного служащего. Страховой агент в Национальном страховом обществе. Три года назад женился на Розали Мешен, родившейся в Бенувилле, близ Этрета (низовье Сены).

Бланш Дюбю — 22 года, родилась в Шатеньере (Вандея). Драматическая актриса. Не замужем.

Все было до безнадёжности банально. Эти люди приехали в Париж из разных уголков Франции и даже Европы и в конце концов приблизились к дому мадемуазель Клеман.

Криделька, хотя и говорил на ломаном французском языке, ждал получения французского гражданства. Сафт уже получил его.

Мегрэ допросил их всех, иных даже по нескольку раз. Он побывал в их комнатах, видел их кровати, зубные щетки на умывальниках, спиртовки или бензиновые горелки, на которых они готовили себе еду.

Он расспрашивал всех о самых интимных подробностях их жизни, глядя на них своими крупными глазами, которые в эти минуты принимали безучастное выражение.

Ну и что с того? Нигде: ни в стальных шкафах, ни под столами и диванами, ни под матрацами — он не нашел кольца с барабаном, из которого стреляли в Жанвье.

Бедный Жанвье! Комиссар даже не ходил больше к нему в больницу, а только звонил два раза в день сиделке, и она иногда переносила аппарат к постели раненого, который здоровался с Мегрэ незнакомым свистящим голосом.

Некоторые люди, которых Мегрэ прежде никогда не видел, за эти три дня так примелькались ему, что впоследствии он,

наверное, будет здороваться с ними, принимая их за знакомых.

Вот, например, женщина с пыльной тряпкой в руках смотрела в его сторону почти каждый раз, как он выглядывал в окно, и в глазах у нее он читал упрек, что такой крупный и сильный человек мог бы заняться и другой, более серьезной работой. Это была вдова, мадам Булар, муж которой служил когда-то в дорожном ведомстве.

В квартале из шести домов Мегрэ насчитал пять вдов. По утрам они ходили на рынок на улицу Муфтар. Когда возвращались, из сумок у них торчали салат или зеленый лук.

Мегрэ почти мог бы теперь сказать, что все эти люди едят, в какое время, когда и как ложатся спать, в котором часу на их ночных столиках начинают звонить будильники.

На втором этаже, например, немного пододвинули кровать, чтобы приблизить ее к окну. Из этой комнаты однажды утром вышел мужчина с чемоданом и поехал на вокзал Монпарнас.

По ночам, в разное время, в этой комнате часто зажигалась лампа, но на шторах не появлялось никакой тени.

Женщина, которая жила там, была больна. Целые дни она проводила в постели. Около десяти утра к ней приходила консьержка, открывала окно и начинала уборку.

В окне мансарды иногда появлялась служанка старушки рантьерши, тоже вдовы. Служанка ночевала там и каждую ночь принимала мужчин.

Мегрэ повторил работу Воклена, допросил всех без исключения, всех, кто мог что-либо видеть или слышать. Для этого ему приходилось стучаться к ним в дверь, когда они завтракали, или вечером после обеда. Были такие, с которыми он беседовал по два раза.

— Я уже сказал инспектору все, что знал, — отвечали ему.

Он все-таки садился, независимо от того, приглашали его или нет. Это была старая уловка. Когда люди видят, что вы сели, они теряют надежду отделиться от вас за несколько минут и начинают говорить подробнее.

— Что вы делали в прошлый понедельник в десять часов вечера? — Он добавлял: — В тот вечер, когда на улице раздался выстрел.

Его большая записная книжка внушала им уважение. Большинство старались вспомнить.

— Собирался лечь спать.

— Окна у вас были закрыты?

— Кажется... Постойте...

— Ведь было очень тепло.

— Если не ошибаюсь, одно окно было полуоткрыто.

Эта работа требовала много терпения. Он брал с собой заметки Воклена. Иногда показания совпадали, иногда нет.

Уже три раза он начинал составлять нечто вроде расписания, в которое все время приходилось вносить поправки.

Потом он шел выпить рюмку белого вина или съесть что-нибудь в бистро у овернца. Его там уже считали постоянным посетителем. С утра ему сообщали, какие сегодня готовятся блюда, и жена хозяина с туго стянутыми на макушке волосами добавляла:

— Если только вы не пожелаете заказать какое-нибудь особое лакомое блюдо...

Большую часть он даже не надевал пальто. Поднимал воротник пиджака, опускал поля шляпы и, слегка сгорбившись, переходил улицу. Некоторые женщины, к которым он приходил в таком виде, чтобы расспросить их, пристально смотрели на его ноги, чтобы напомнить о половике у дверей.

— Вы уверены, что не слышали шагов?

Его последнее резюме, в пятницу в четыре часа пополудни, когда он вернулся от овернца, было приблизительно следующее: Дом Клеман. Десять часов двадцать минут (за несколько секунд до выстрела).

Мадемуазель Клеман у себя в комнате готовится ко сну, а Паулюс у нее под кроватью.

На первом этаже, налево, мсье Валентен готовит себе на кухне грог, как он это делает почти каждый вечер.

На втором этаже Лотары уже легли спать. Мадам Лотар еще не заснула, потому что ее ребенок только что хныкал, и она ждет, чтобы он успокоился.

Бланш Дюбю читает в постели.

Фашен отсутствует (занимается у товарища, вернется только утром).

Мсье Меж, счетовод, окно которого, как и окно Фашена, выходит во двор, сидит на кровати и обрезает себе ногти на ногах.

Третий этаж. В комнате Паулюса нет никого. Криделька отсутствует. Вернется через четверть часа. Пошел на собрание. (Проверено инспектором Ваше.)

Мадемуазель Изабелла отсутствует. (Она в кино, проверить невозможно. Расскажет без запинки фильм, который она якобы видела.)

Мсье и мадам Сафт. Она уже легла. Он сидит в кресле и читает газету.

На других страницах подобным же образом было записано времяпрепровождение обитателей соседних домов.

И, наконец, на отдельном листке Мегрэ отметил, где кто находился в момент выстрела и сразу же после него.

Это особенно отличалось от доклада Воклена, вероятно, потому, что люди, которых допрашивал Мегрэ, успели с тех пор многое припомнить.

Один факт, казалось, был установлен наверняка: перед выстрелом никто не слышал шагов на улице.

— А вы не слышали шагов инспектора?

— Нет. Я видела его немного раньше, когда закрывала окно. Я не знала, что это инспектор, а так как он показался мне молодым, я подумала, что он ждет свою подружку.

Это говорила дама с пыльной тряпкой.

Мсье Валентен тоже заметил Жанвье, когда закрывал окно, прежде чем пройти на кухню, но это было около десяти часов вечера. Он не задумался над тем, что мог здесь делать Жанвье.

Следовательно, выстрел раздался в тишине пустынной улицы.

Кажется, первой бросилась к окну Бланш Дюбю; окно ее было притворено, но занавески задернуты. Она отодвинула их.

— Вы видели свет в других окнах?

— Я не уверена, был ли свет в окне напротив. В этот час там всегда горит лампа, но я посмотрела сначала на улицу.

Окно напротив было окном той комнаты, откуда вышел человек с чемоданом и где жила больная или не способная ходить женщина.

— А другие окна открылись?

— Да. Почти повсюду.

— Когда вы открыли свое, у других уже были открыты окна?

— По-моему, нет. Мне кажется, я первая увидела тело, лежащее на тротуаре, и закричала.

Это была правда. Ее крик услышали по меньшей мере четверо, в том числе мсье Сафт, который бросился на лестницу, подумав, что зовут на помощь.

— Кто первый вышел на улицу?

— По всей вероятности, мсье Валентен: на нем была домашняя куртка из черного бархата. Почти одновременно на улицу вышел и швейцар из соседнего дома.

Мегрэ сто раз задавал все тот же вопрос:

— Какие окна были освещены в этот момент?

На это никто не давал точного ответа. В общем, большинство окон открылись одно за другим. Мадемуазель Клеман даже не переступила порога своей комнаты. Она спросила:

— Он ранен?

И, не теряя времени, бросилась к телефону, чтобы вызвать «скорую помощь».

— Сколько времени прошло между выстрелом и тем моментом, когда мсье Валентен вышел из дому?

— Меньше полминуты. Несколько секунд.

Кухня была рядом с его комнатой, и ему нужно было только пересечь ее. Он даже забыл погасить газ и снова зашел туда несколько секунд спустя, чтобы сделать это.

Но ни Валентен, ни другие не слышали шагов. Преступник практически и не успел бы скрыться из виду. Ему пришлось бы пройти хотя бы под одним из фонарей. Но никто ничего не видел.

Казалось бы, Мегрэ выяснил очень мало, но эти несколько достоверных фактов были установлены в результате многочисленных допросов.

Консьержка дома напротив, мадам Келлер, делала все возможное, чтобы помочь комиссару, но она была из тех маленьких, очень живых женщин, которые говорят страшно быстро и, стараясь быть точными, только все запутывают.

— Вы вышли из своей комнаты?

— Да, я вышла на порог, но не стала переходить улицу. Я думала, он убит, а я не люблю смотреть на мертвецов.

— Некоторые из ваших жильцов вышли?

— Мсье Пьедбеф, с третьего этажа, тот, что с бородой, — он работает в магазине дешевых товаров — вышел в халате и пошел взглянуть на тротуар напротив. Я даже сказала ему, что он простудится.

— Вы видели, как приехала «скорая помощь»?

— Да... Нет... То есть, когда она заворачивала за угол, я была у себя, пошла взять пальто...

По словам полицейских, первыми приехавших к месту пре-

ступления, на тротуаре вокруг Жанвье было уже человек двадцать. Они записали только несколько фамилий, наудачу. Мсье Валентен назвал свою фамилию, хотя его об этом не просили. Все они заметили толстую мадемуазель Клеман.

К группе, образовавшейся вокруг Жанвье, подходили все новые соседи, смешивались с нею, иногда давали советы, другие возвращались к себе. Остановились также два-три прохожих.

Казалось, расспросы ни к чему не приведут. Все это было уныло, как дождь, который шел, не переставая, и создавал в доме пронизывающую сырость. Камин топился только в гостиной, куда Мегрэ время от времени заходил посидеть.

В Брюсселе легко разыскали ван Дамма, потому что, как и говорил Паулюс, он по приезду прежде всего отправился в справочный отдел консульства США.

Ван Дамм начал с того, что отрицал свое участие в деле «Аиста», потом, прижатый к стене, свалил всю вину на Паулюса. Был установлен тот факт, что в ночь, когда ранили Жанвье, он находился в Брюсселе. Отыскали ту женщину, с которой он ходил в тот вечер в кино. Потом его видели вместе с ней в популярном ресторане на улице Мясников...

— Вас к телефону, мсье Мегрэ.

Это уже превратилось в игру. Мадемуазель Клеман каждый раз поднималась на третий этаж, как будто ей это доставляло удовольствие, бросала любопытный взгляд на исписанные им страницы.

Звонок обычный. Уголовная полиция опять просит у него разъяснений по поводу одного из текущих дел. В его отсутствие его там заменяет Люка. Раз или два в день он приходит на улицу Ломон и приносит комиссару бумаги на подпись.

Комиссар еще раз пересек улицу и направился в дом напротив.

— Скажите, мадам Келлер...

В привратничкой было очень чисто, но темновато. Пылала большая печь, к которой Мегрэ машинально прислонился спиной.

— Жилец второго этажа...

— Да... Мы всегда называли его мсье Дезире... Это его имя...

— Вы говорили, что он работает в Объединенном грузовом пароходстве.

— Уже больше двадцати лет. Он уполномоченный компании на одном из пароходов.

— А на каком, не знаете?

— Он переходит с одного парохода на другой.

— Когда я видел его утром с чемоданом, наверное, он направлялся на пароход?

— Сейчас он на пути к Черному Мысу. Они идут почти месяц туда и столько же обратно.

— Значит, он бывает здесь каждые два месяца?

— Да.

— Приезжает надолго?

— По-разному. Это довольно сложно. Он много раз объяснял мне, как они там сменяются, но я ничего не поняла.

— Я полагаю, что когда он приезжает в Париж, так это уж на несколько недель?

— Как раз нет. Только через раз. Тогда он свободен почти

месяц. А то у него едва хватает времени, чтобы обнять жену и взять кое-какие вещи.

— Сколько он был дома в последний раз?

— Ночевал две ночи.

Мегрэ не обольщался. Уже раз десять, допрашивая кого-нибудь, он думал, что достиг известного результата, а потом какой-нибудь простой ответ разрушал его надежды.

— Вы говорите, две ночи? Постойте. Значит, он приехал в тот вечер, когда ранили инспектора?

— Да, именно в тот. Я забыла сказать вам об этом.

— Раньше выстрела?

— Нет. Когда стреляли, его еще не было дома.

— Значит, позже?

— Гораздо позже. Его поезд прибыл на вокзал только после полуночи.

— Он приехал на такси?

— Конечно. Он не мог бы донести свой чемодан.

— Жена ждала его?

— Разумеется. Она всегда знает, где он. Пароход, это ведь как поезд. Ходит по расписанию. Она посылает ему авиаписьма на каждую стоянку. Я это знаю лучше всех, потому что сама их отправляю.

— Значит, она его ждала?

— С нетерпением.

— Они живут дружно?

— Я никогда не видела, чтобы люди жили так дружно, хоть они и редко бывают вместе, из-за работы мсье Дезире.

— Какой он человек?

— Славный человек, очень добрый. Такой терпеливый. Через год уйдет на пенсию, и они переедут в деревню.

— Его жена больна?

— Вот уж пять лет, как она почти не встает с постели. Ей совсем не следовало бы вставать, но, когда меня нет наверху, она иногда бродит по квартире.

— А что с ней?

— Точно не знаю. Что-то с ногами. Она наполовину парализована. Иногда кажется, что она совсем парализована и не может двигаться.

— Не знаете ли, есть у нее родственники в Париже?

— Никого.

— Никто к ней никогда не приходит?

— Только я. Убираю у нее в комнате, ношу ей еду и спрашиваю, не надо ли чего.

— А почему ее муж не поселится в деревне или в Бордо, раз его пароход прибывает туда?

— Он ей предлагал. По-моему, она привыкла ко мне. Он думал поместить ее в санаторий, но она отказалась.

— Вы говорите, у нее нет ни родственников, ни знакомых?

— Только мать Дезире, очень старая и тоже совсем уже слабая; она приходит к ней каждый месяц и всегда приносит коробку шоколадных конфет. Бедная женщина не смеет признаться ей, что она не любит шоколад, и отдает его мне для моей дочери.

— Вам больше нечего сообщить?

— А что еще можно сказать? Это хорошие люди, и живется им совсем нелегко. Для мужчины не сладко иметь больную жену, а для женщины не сладко...

— Скажите, мадам Келлер, в тот вечер, когда раздался выстрел, вы к ней не поднимались?

— Поднималась.

— В какой момент?

— О, гораздо позже. Молодого человека уже увезли в карете «Скорой помощи». Я перешла через улицу посмотреть на то место, где он упал и послушать, что говорят люди. На тротуаре была кровь. Я заметила свет в окне мадам Бурсико и подумала, что бедняжка, должно быть, страшно перепугана. Потом, примерно через полчаса, я поднялась к ней. Она ждала меня: она знала, что я приду ее успокоить.

— Что она вам сказала?

— Ничего. А я сообщила ей обо всем, что случилось.

— А она вставала?

— Кажется, она подходила к окну. Врач запрещает ей ходить. Но я уже объясняла вам, что она не всегда слушается.

— Нервничала?

— Нет. Под глазами у нее были круги, как обычно, потому что она почти не спит, несмотря на снотворное. Я приношу ей книги, но она их не читает.

Четверть часа спустя Мегрэ с телефонной трубкой в руках, устремив взгляд на маленькое объявление над копилкой, уже говорил с Объединенным грузовым пароходством.

Все, что консьержка сообщила ему о Бурсико, было правдой: в компании его очень уважали. Пароход прибыл в Бордо по расписанию, и Бурсико успел сесть в поезд, уходящий с вокзала Монпарнас сразу после полуночи.

Значит, не он стрелял в Жанвье.

Только что Мегрэ повесил трубку, как чей-то голос произнес у него над головой:

— Вы не подниметесь ко мне, мсье комиссар?

Это была мадемуазель Бланш; ее дверь часто оставалась полуотворенной, и сейчас она, должно быть, слышала его разговор по телефону. С тех пор как в доме появился Мегрэ, ее знаменитый дядюшка не отваживался приходить к ней, а значит, он, вероятно, с большим, чем кто-либо, нетерпением ждал окончания следствия.

— Не знаю, имеет ли это значение, но я услышала, что вы говорите по телефону, и мне пришла в голову одна мысль.

Комната была полна табачного дыма. На столике возле постели стояла тарелка с пирожными, мадемуазель Бланш была, как всегда, в халате, и было видно, что под халатом на ней ничего нет. Ее бесстыдство было спокойное, бессознательное.

— Садитесь. Простите, что я заставила вас подняться. Это по поводу людей, живущих напротив.

Сидя на краю постели, скрестив ноги, она протянула ему тарелку с пирожными.

— Спасибо, не хочется.

— Заметьте, что я их не знаю и никогда с ними не разговаривала. Но я почти весь день дома и, не вставая с постели, могу смотреть в окно. Я не особенно любопытна.

- Это была правда. Она, должно быть, интересовалась только собой да еще героями романов, которые читала один за другим.
- И все-таки я, сама не знаю почему, заметила одну деталь. Бывают дни, когда их шторы подняты весь день, и сквозь кружевные занавески мне видна женщина, лежащая в постели.
- А в другие дни?
- В другие дни штора опущена с утра до вечера, и они даже не открывают окно, чтобы проветрить комнату.
- Это часто бывает?
- Довольно часто, я даже удивилась. В первый раз подумала: уж не умерла ли эта женщина? Потому что я привыкла видеть ее в постели... Я говорила об этом мадемуазель Клеман...
- Давно это началось?
- О, да...
- Несколько месяцев тому назад?
- Раньше. Уже года два. Я заметила это через несколько недель после того, как поселилась здесь. Меня это особенно удивило, потому что было лето и в предыдущие дни окна весь день были широко раскрыты.
- Вы не знаете, это бывает через определенные промежутки времени?
- Я не обратила внимания. Но иногда это продолжается по три дня.
- Вы никого другого не видели в комнате?
- Только консьержку. Она бывает там каждый день по несколько часов. Да, я забыла, разумеется, бывает еще доктор.
- А доктор часто приходит?
- Смотря что вы называете частым. Может быть, раз в месяц. Я же не все время смотрю в окно.
- Вспомните, прошу вас, сразу после выстрела штора у них была опущена?
- Не думаю. Когда она опущена, то видно светлое пятно, потому что штора кремовая. Мне кажется, наоборот, было черное пятно от окна, открытого в неосвещенной комнате.
- Когда Мегрэ спустился, мадемуазель Клеман, как обычно, не вышла ему навстречу. Может, она ревновала его к мадемуазель Бланш?
- Это опять я, — заявил Мегрэ, входя в комнату мадам Келлер.
- Я как раз собираюсь отнести обед мадам Бурсико.
- Скажите, бывает так, чтобы она целый день лежала с опущенными шторами?
- Целый день? Да иногда и по три и по четыре дня! Сколько я ей ни говорила...
- А чем она объясняет то, что живет в полутьме?
- Видите ли, мсье комиссар, больных ведь трудно понять. Иногда меня просто зло берет. А потом я ставлю себя на ее место и думаю, что я, наверное, была бы еще хуже. По-моему, временами у нее бывает неврастения. Я говорила об этом доктору.
- И что он ответил?
- Чтобы я не беспокоилась. У нее бывают такие приступы,

когда она меня просто ненавидит, честное слово! Она не только заставляет меня опускать шторы, или сама их опускает, но еще запрещает мне наводить порядок. Говорит, что у нее мигрень, что малейший шум, малейшее движение в комнате просто сводят ее с ума.

— И это бывает часто?

— К сожалению, часто.

— Но она все-таки что-то ест?

— Как обычно. В такие дни она разрешает мне только постелить ей постель и вытереть пыль в спальне.

— Сколько у них комнат?

— Четыре да еще чулан и уборная. Там две спальни, из которых одной никто не пользуется, столовая и гостиная, где тоже никого не бывает. Они платят недорого, потому что мсье Бурсико живет здесь уже больше двадцати лет. Поселился тут раньше меня.

— И мадам Бурсико тоже?

— Они поженились лет пятнадцать тому назад, оба уже были не молоды.

— Сколько ей лет?

— Сорок восемь.

— А ему?

— На будущий год исполнится шестьдесят. Он признался мне в этом, когда сообщил, что скоро уйдет на пенсию и квартира освободится.

— Вы говорили, что носите письма мадам Бурсико на почту?

— Сама я их не ношу. Когда почтальон бывает здесь, он забирает их у меня.

— Кому она пишет?

— Мужу. Иногда свекрови.

— А много писем она получает?

— Да, от мужа. Свекровь-то ей никогда не пишет.

— А больше никаких писем она не получает?

— Редко. Случалось, что я носила ей конверты, адрес на которых был напечатан на машинке.

— Сколько раз это было?

— Четыре или пять. В остальном — письма от газовой или электрической компаний или какие-нибудь рекламы.

— Есть у них телефон?

— Поставили пять лет назад, когда она заболела.

— Не говорите ей о нашем разговоре, ладно?

— Я уже говорила, что вы о ней спрашивали. Напрасно? Я всегда стараюсь чем-нибудь ее заинтересовать. Сказала, что вы спрашиваете обо всех, кто живет на этой улице. Я пошутила, что если бы ее муж вернулся на несколько часов раньше, то на него бы пало подозрение. Простите меня.

— Как она на это реагировала?

— Совсем не реагировала. Она, кажется, очень плохо себя чувствует. Я не удивлюсь, если завтра или послезавтра у нее начнется мигрень.

— Теперь отнесите ей обед и передайте, что я хочу с ней поговорить. Скажите, что я спрашиваю всех жильцов и мне надо задать ей два-три вопроса.

— Сейчас?

— Я вернусь через несколько минут.

Ему хотелось подышать свежим воздухом и зайти к овернцу выпить белого вина.

Сквозь занавески гостиной мадемуазель Клеман следила за ним, и он чуть было не показал ей язык.

Окончание в следующем выпуске

**Перевели с французского
Н. Брандис и А. Тетеревникова**

На I, II, IV стр. обложки рисунки Ю. МАКАРОВА.

**На III стр. обложки рисунок В. КОЛТУНОВА к рассказу Андрея
Дмитрука «Аурентина».**

**Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАН-
ЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ**

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. ВУГРОВА

**Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.
Тел. 285-80-10, 285-88-84.**

Сдано в набор 18/VII 1978 г. Подп. к печ. 21/IX 1978 г. А06011.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,1.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 1413.
Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцевская, 21.

Евгений ХРУНОВ, Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ —
Путь к Марсу
Андрей ДМИТРУК — Аурентина. Чудо
Сергей СМИРНОВ — Большая охота
Вадим БУРЛАК — Речные заводы
Жорж СИМЕНОН — Мегрэ в мебелированных
комнатах

Цена 40 коп.

